

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Центр политических исследований и прогнозов ИКСА РАН

Китай в год проведения XX съезда КПК

Материалы Ежегодной
всероссийской научной конференции
«Современное китайское государство»
Москва, 16 и 18 марта 2022 года

УДК [324/324+338](510)(082)
ББК 65.9(5Кит)я4+66.3(5Кит)я4
К45

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИКСА РАН

Ответственные редакторы:

д.полит.н. А.В. Виноградов, к.ю.н. П.В. Трошинский

Составитель:

д.полит.н. А.В. Виноградов

Оргкомитет конференции:

д.полит.н. А.В. Виноградов (председатель),
к.ю.н. П.В. Трошинский (заместитель председателя), к.ю.н. В.Ф. Бородич,
к.и.н. Ю.А. Грачёва, Н.Ю. Демидо, Н.В. Пржежецкая

К45 Китай в год проведения XX съезда КПК. Сборник статей на основе докладов Ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство». Москва, 16 и 18 марта 2022 года. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 260 с.

ISBN 978-5-8381-0452-6

DOI 10.48647/ISSA.2022.52.90.001

В сборнике опубликованы статьи, подготовленные на основании докладов, представленных на Ежегодной всероссийской научной конференции, организованной Центром политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии Российской академии наук и Отделом Китая Института востоковедения Российской академии наук (март 2022 г.) Конференция посвящена вопросам внутренней и внешней политики КНР накануне XX съезда Коммунистической партии Китая. Мероприятие прошло в очно-заочном формате, в нем приняли участие ученые из разных регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Урала, Сибири, Дальнего Востока и др. Было заслушано и обсуждено около 40 докладов. В рамках конференции работали три секции: «Внутренняя политика», «Внешняя политика» и «Право». В статьях рассматриваются актуальные вопросы внутренней и внешней политики Китая, законодательства и идеологии, проведен анализ военной политики, некоторых аспектов глобального управления, социально-экономического развития. Показаны особенности развития негосударственного образования, борьбы с бедностью, регионализма, законодательного регулирования иностранных инвестиций и трансграничных валютных операций, системы судов по правам интеллектуальной собственности, российско-китайского сотрудничества и др. Материалы сборника отражают основные достижения и проблемы, с которыми столкнулось китайское государство накануне проведения XX съезда Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, XX съезд, внутренняя политика, внешняя политика, право Китая, экономическое развитие, Си Цзиньпин, идеология.

Выраженные в статьях взгляды не обязательно отражают точку зрения редакторов.

УДК [324/324+338](510)(082)

ББК 65.9(5Кит)я4+66.3(5Кит)я4

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia
(ICCA RAS)

Center for Political Studies and Forecasting

CHINA IN THE YEAR OF THE XX CONGRESS OF THE CCP

The Proceedings of the Annual All-Russian
Scientific Conference “Modern Chinese State”

Moscow, March 16 and 18, 2022

Publisher: Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)

Web: <http://www.iccaras.ru>

E-mail: icca@iccaras.ru

Contact number: +7 499 124-02-17

Moscow

Russian Academy of Sciences

Institute of China and Contemporary Asia

2022

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences*

Editors-in-chief:

A.V. Vinogradov (D.Sc. (Political science)), P.V. Troshchinskiy (Ph.D. (Law))

Compiler:

A.V. Vinogradov (D.Sc. (Political science))

Conference organizing committee:

A.V. Vinogradov (D.Sc. (Political science)), P.V. Troshchinskiy (Ph.D. (Law)),
V.F. Borodich (Ph.D. (Law)), Yu.A. Gracheva (Ph.D. (History)),
N.Yu. Demido, N.V. Przhezhetskaya

China in the Year of the XX Congress of the CCP. Materials of the Annual All-Russian Scientific Conference “Modern Chinese State”. Moscow, March 16 and 18, 2022. Moscow: ICCA RAS, 2022.

The collection of articles contains papers based on reports presented at the Annual All-Russian Scientific Conference held in March 2022 by the Center for Political Studies and Forecasting of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences and Department of China of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The conference is devoted to the domestic and foreign policy of the People's Republic of China on the eve of the XX Congress of the Communist Party of China. The event was held in hybrid format and was attended by scientists from different regions of Russia: Moscow, St. Petersburg, the Urals, Siberia, the Far East, etc. The conference heard and discussed about 40 reports. The Conference program included three sections: “Domestic Policy”, “Foreign Policy” and “Law”. The articles deal with topical issues of China's domestic and foreign policy, legislation and ideology, the analysis of military policy, some aspects of global governance, socio-economic development. The features of the development of non-state education, the fight against poverty, regionalism, legislative regulation of foreign investment and cross-border currency transactions, the system of intellectual property rights courts, Russian-Chinese cooperation, etc. are shown. The materials of the collection reflect the main achievements and challenges faced by the Chinese state on the eve of the XX Congress of the Communist Party of China.

Keywords: China, PRC, CPC, the XX Congress, domestic policy, foreign policy, Chinese law, economic development, Xi Jinping, ideology.

The views expressed in the articles don't necessarily reflect the editorial board's views.

Содержание

Раздел I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Кондрашова Л.И.

КИТАЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ИНСТИТУТ КИТАЙСКОГО
ПУТИ РАЗВИТИЯ 11

Бородич В.Ф.

УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРАВЛЕНИЯ КНР В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ
НАРОДНОЙ ВЛАСТИ 23

Чубаров И.Г.

ГРУППОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАНЯТИЯ ДЛЯ ВЫСШИХ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ — САМОБЫТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ 35

Зиганьшин Р.М.

ТРАДИЦИИ И МОДЕРН В ИДЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ КИТАЯ 47

Пиковер А.В.

ПОЗИЦИЯ КПК ПО ОТНОШЕНИЮ
К ИНФОРМАТИЗАЦИИ КАК ОДНОМУ ИЗ ВЕДУЩИХ
ПРИВодОВ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ 57

Новоселова Л.В.

КИТАЙ: ВТОРОЙ ГОД РЕМИССИИ 68

Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А.

О РЕФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КНР 79

Баженова Е.С.

ЛИКВИДАЦИЯ БЕДНОСТИ В КНР — НОВЫЕ ЗАДАЧИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПЕРИОД 14-й ПЯТИЛЕТКИ (2021—2025) 89

<i>Гурулева Т.Л.</i> СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ В 2016—2020 гг. И ЗАДАЧИ ЕЕ РАЗВИТИЯ ДО 2025 г.	98
<i>Гулева М.А.</i> РАЗВИТИЕ СЕКТОРА НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	111
<i>Кучинская Т.Н.</i> КИТАЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ)	122
<i>Зайцева Т.Р.</i> СИСТЕМА СУДОВ ПО ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КНР: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ	135
<i>Жилкибаев С.Н.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ: УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ	148

Раздел II. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Каменнов П.Б.</i> ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В НОВУЮ ЭПОХУ	157
<i>Савинский С.П.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В КНР	170
<i>Портяков В.Я.</i> ИНДИЙСКИЙ ФОРУМ ПО КИТАЮ В ГОА	179
<i>Цзян Цзюньцзин</i> ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КНР ВО ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ COVID-19	188
<i>Морозова В.С., Колтакова Т.В.</i> КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ» В ПРОЕКЦИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	197
<i>Цай Ин</i> СОТРУДНИЧЕСТВО АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН ПО РАЗВИТИЮ СУДОХОДСТВА НА АМУРЕ	207

Меркулов К.К.

О ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ 100-ЛЕТИЯ КПК: ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ	220
--	-----

Нежданов В.Л.

ОСОБЕННОСТИ ВОКАБУЛЯРА «ИДЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА О СОЦИАЛИЗМЕ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ НОВОЙ ЭПОХИ» В ОТНОШЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ	229
---	-----

Summary	239
----------------------	-----

Список авторов	257
-----------------------------	-----

Content

Section I. POLITICAL DEVELOPMENT

<i>Kondrashova L.I.</i> THE CHINESE COMMUNIST PARTY AS THE DOMINANT INSTITUTION OF THE CHINESE WAY OF DEVELOPMENT	11
<i>Borodich V.F.</i> KNOTS OF CONTRADICTIONS OF PRC POLITICAL GOVERNANCE MODEL IN THE FIRST TWO DECADES OF PEOPLE'S POWER	23
<i>Chubarov I.G.</i> GROUP STUDY SESSIONS FOR TOP OFFICIALS AS A ENDOGENOUS ELEMENT OF CHINESE POLITICAL SYSTEM	35
<i>Ziganshin R.M.</i> TRADITIONS AND MODERNISM IN IDEOLOGY AND CHINA'S MODERN POLITICS	47
<i>Pikover A.V.</i> THE CPC'S POSITION ON THE INFORMATIZATION AS ONE OF THE LEADING DRIVERS OF THE COUNTRY'S MODERNIZATION	57
<i>Novoselova L.V.</i> CHINA: SECOND YEAR OF REMISSION	68
<i>Sharipov F.F., Timofeev O.A.</i> ON REFORMING ENTERPRISES OF THE STATE SECTOR OF THE ECONOMY OF CHINA	79
<i>Bazhenova E.S.</i> CHINA POVERTY ELIMINATION: NEW TASKS AND PROSPECTS FOR THE 14TH FIVE-YEAR PLAN PERIOD (2021—2025)	87

<i>Guruleva T.L.</i> CHINA'S EDUCATION SYSTEM IN 2016—2020 AND TASKS OF ITS DEVELOPMENT UNTIL 2025	98
<i>Guleva M.A.</i> DEVELOPMENT OF THE NON-STATE EDUCATION SECTOR IN CHINA AT THE PRESENT STAGE	111
<i>Kuchinskaya T.N.</i> CHINESE REGIONALISM AS PARADIGM OF SPATIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT: MODERN TRENDS (INTERNAL ASPECT)	122
<i>Zaytseva T.R.</i> INTELLECTUAL PROPERTY COURT SYSTEM IN CHINA: EMERGENCE AND DEVELOPMENT	135
<i>Zhilkiyaev S.N.</i> TRENDS IN RUSSIAN AND CHINESE LEGISLATION ON FOREIGN INVESTMENT: UNIFICATION AND HARMONIZATION	148

Section II. FOREIGN POLICY

<i>Kamennov P.B.</i> CHINA'S MILITARY POLICY IN THE NEW ERA	157
<i>Savinsky S.P.</i> REGULATION OF CROSS-BORDER OPERATIONS IN CHINA	170
<i>Portyakov V.Ya.</i> INDIAN FORUM ON CHINA IN GOA	179
<i>Jiang Junjing</i> THE IMPACT OF SINO-AMERICAN ECONOMIC RELATIONS ON CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE COVID-19 EPIDEMIC	188
<i>Morozova V.S., Kolpakova T.V.</i> THE CULTURAL DIMENSION OF “COMMUNITY OF SHARED FUTURE” CHINESE CONCEPT IN PROJECTIONS OF GLOBAL GOVERNANCE	197
<i>Cai Ying</i> COOPERATION OF THE AMUR REGION AND HEILONGJIANG PROVINCE ON THE DEVELOPMENT OF NAVIGATION ON THE AMUR	207

Merkulov K.K.

ON THE WORLD-HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE CCP
100TH ANNIVERSARY: REVIEW OF SOME MOST IMPORTANT
ASPECTS ON THE MATERIALS OF THE MEDIA 220

Nezhdanov V.L.

FEATURES OF THE VOCABULARY OF “XI JINPING THOUGHT
ON SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS
FOR A NEW ERA” IN RELATION TO FOREIGN POLICY 229

Summary 239

List of Authors 257

Раздел I

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.48647/ICCA.2022.26.16.002

Л.И. Кондрашова

КИТАЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ИНСТИТУТ КИТАЙСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В 2021 г. в Китае торжественно отпраздновали 100-летие Коммунистической партии Китая, самой массовой партии мира, в которой на 5 июня 2021 г. числилось 95,148 млн членов. Это — партия нового типа, которая, подобно железобетонной конструкции, скрепляет весь каркас китайского государства. Как гласит один из самых главных официальных лозунгов КНР, «Без КПК не было бы современного Китая». По строгой организационной дисциплине, ритуальной атрибутике (принятие клятвы верности), мифологизации лидеров, мессианской роли в системе власти КПК ближе к духовному союзу-ордену, нежели к парламентской партии западного типа. От последней ее отличает устойчивое монопольное положение в системе выборов, полное отсутствие политических конкурентов.

Согласно современным идеологическим установкам («партия руководит всем») КПК контролирует деятельность всех органов законодательной и исполнительной власти, выполняя тем самым своего рода диктаторские функции. Верность постулатам марксизма-ленинизма и официальной доктрине «социализма с китайской спецификой» позволяет отнести КПК к числу коммунистических партий. Вместе с тем, выступив инициатором рыночных реформ и узаконив существование частной собственности на средства производства, КПК в годы реформ взяла в свои руки «китаизацию марксизма», что дало пищу обвинениям ее в ревизионизме и отступлении от комму-

нистических идеалов. Пришедшее к руководству страной в 2012 г. пятое поколение коммунистических лидеров развернуло беспрецедентную борьбу с коррупцией и с разного рода диспропорциями в сфере распределения, возникшими в ходе модернизации и маркетизации. Тем самым демонстрируется преданность первоначальным целям общего благосостояния («красным знаменам») и готовность противостоять тенденциям вестернизации. Главным направлением теоретических изысканий становится проблема соединения социализма с рынком, повышения экономической эффективности с установлением социальной справедливости. «Допущение капитализма» в Китае было оправдано резким ускорением темпов экономического роста и сейчас нивелируется борьбой с бедностью и сдерживанием политических амбиций представителей предпринимательского сословия.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, столетие КПК, «социализм с китайской спецификой», коммунизм.

Автор: Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: lu270133@yandex.ru

THE CHINESE COMMUNIST PARTY AS THE DOMINANT INSTITUTION OF THE CHINESE WAY OF DEVELOPMENT

Abstract. In 2021, China solemnly celebrated the 100th anniversary of the Chinese Communist Party, the mass peace party, which had 95.148 million members as of June 5, 2021. This is a party of a new type, which, like a reinforced concrete structure, fastens the entire framework of the Chinese state. As one of china's most important official slogans goes, “Without the CPC, there would be no modern China”. According to strict organizational discipline, ritual attributes (taking an oath of allegiance), mythologization of leaders, messianic role in the system of power, the CPC is closer to a spiritual union-order than a parliamentary party of the Western type. It is distinguished from such a party by a stable monopoly position in the electoral system and by the complete absence of political competitors.

In terms of modern political attitudes, “the party controls everything”, it controls the activities of all legislative and executive bodies, thereby performing dictatorial functions. Fidelity to the postulates of Marxism-Leninism and the official doctrine of “socialism with Chinese characteristics” it makes be possible to classify the CPC as a ordinary communist party. At the same time, having initiated market reforms and legitimized the existence of private ownership of the means of production, the CPC took into its own hands the “sinicization of Marxism”, which gave food to its accusations of revisionism and deviation from communist ideals. The fifth generation of communist leaders, who came to the leader-

ship of the country in 2012, launched an unprecedented fight against corruption and various kinds of disproportions in the field of distribution, which arose in the course of modernization and marketization. It may be seen as a demonstration of the devotion to the original goals (“red banners”) and readiness to resist the trends of Westernization. The main direction of theoretical research is now the problem of combining socialism with the market, the increasing economic efficiency with the establishment of social justice. The “assumption of capitalism” in China was necessary as a sharp acceleration in the rate of economic growth and is now eliminating by the fight against poverty and by the restrictions against the political ambitions of the representatives of the entrepreneurial class.

Keywords: Communist Party of China, centenary of the CPC, “socialism with Chinese characteristics”, communism.

Author: *Kondrashova Lyudmila I.*, D.Sc. (Economics), Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lu270133@yandex.ru

Как гласит известный китайский лозунг, «Без коммунистической партии не было бы современного Китая». Китайская коммунистическая партия была создана спустя всего четыре года после Октябрьской революции в России и за 27 лет до провозглашения КНР. Первые китайских коммунистов вдохновлял пример своего северного соседа и величие цели национального освобождения и возрождения былой исторической роли своей страны. За столетие существования компартии Китай достиг колоссальных успехов в экономике и улучшении жизни населения. Тем не менее в исследованиях профессионалов и сейчас остается вопрос, «что есть КПК и к чему она стремится». Встречается и такое мнение, что КПК — не совсем коммунистическая и не совсем партия [1].

При обсуждении вопросов терминологии следует учитывать многосложность китайских иероглифов. Иероглиф «дан», в частности, можно перевести на русский язык не только как «партия», но и как «ассоциация, сообщество, союз единомышленников, община, клан, материнский род». Современный общепринятый перевод («дан» = партия) вполне понятен, но далеко не однозначен западному понятию. Ко всему прочему, по признанию политологов, в современной общественной науке нет общепризнанного определения политической партии. Самыми признанными считаются следующие ее характеристики:

- наличие базисной политической системы общества («гражданского общества» в западном понимании);

- устойчивость иерархического построения партийной организации, субподчинение составляющих уровней ее структуры;
- приверженность определенной идеологической программе;
- подчинение членов партии сложившейся дисциплине, согласие с уставом организации;
- участие в электоральном процессе, нацеленность на представительство в органах власти.

Существует несколько видов классификации политических партий: по положению в политической системе (парламентские, внепарламентские, правительственные, оппозиционные), по характеру организации (кадровые, массовые), по стратегической ориентации (либеральные, консервативные, коммунистические, социал-демократические, националистические, нефашистские), по кардинальности акций (реформистские, революционные), по общей социальной направленности (крайне левые, левые, центристские, правые, крайне правые), по структурно-системной принадлежности (однопартийная структура, двухпартийная, многопартийная), по классовому составу (крестьянская, буржуазная, мелкобуржуазная, пролетарская, общенародная). Этот перечень может быть продолжен.

Не все из перечисленных партийных категорий приложимы к КПК. Вполне очевидным является ее определение как «массовой партии», при этом самой многочисленной в мире. За 100 лет своей жизни компартия Китая увеличила число своих членов с 59 человек до 95,148 млн человек (на 05.06.2021 г.) [2].

В деление партийных систем на «однопартийные» и «многопартийные» КПК уже плохо вписывается. Формально КНР никогда не была однопартийным государством. Роль так называемых демократических партий периодически менялась, но они никогда не выступали оппозиционерами правящего режима и правящей партии. Сейчас они активно участвуют в подготовке важных государственных решений, выступают инициаторами крупных реформистских начинаний. Вместе с тем ни по своему количественному составу, ни по своему авторитету все демократические партии не могут конкурировать с КПК и посягать на ее руководящую роль.

Отсюда самое главное отличие КПК от западных партийных систем — ее положение властного политического института «высшего порядка». Находясь вне состава представительных и исполнительных органов власти, она стоит над ними, в известной степени дублирует их иерархическое построение и полностью контролирует их деятельность. КПК — это монополично правящая партия, формулирующая и

полностью отвечающая за стратегию и тактику социально-экономического развития Китая. Регулярно проводимые верховные съезды КПК служат государственными форумами, оценивающими итоги проводимой политики и намечающими направление дальнейшего развития страны. Все решения государственной важности от лица ЦК КПК широко пропагандируются в средствах информации и носят установочный характер.

Находясь вне электоральной борьбы и конкуренции с другими партиями за участие в правительственных органах, КПК постоянно сталкивалась с открытыми, но чаще неафишируемыми внутренними оппозиционными проявлениями. На общем фоне провозглашения приверженности марксизму-ленинизму и отстаивания самобытности избираемого пути все годы до реформы шло жесточайшее противоборство «двух линий», двух группировок внутри компартии («правое» и «левое» крыло). Их представителей за рубежом называли «прагматиками» и «радикалами», «модернистами» и «традиционалистами». Внутренняя борьба порою доходила до таких крайностей, что давала повод для инсинуаций о скрытой «двухпартийности» политической системы КНР. Партийный раскол выходил и выходит наружу в виде периодических «чисток» партии, которые один раз (во время «культурной революции») поставили под вопрос само существование партии как таковой.

Если считать, что революционную партию отличает радикализм использование власти, нарушающий сложившуюся легальность общественных порядков, а реформистскими признавать партии, стремящиеся к эволюционным преобразованиям общества с привлечением законных средств достижения и применения власти, китайскую компартию следует оценивать как революционно-реформистскую. И революционный, и реформистский подходы сопряжены с кардинальной сменой стратегии общественного развития и политической ориентации нового руководства. В период реформ в Китае отказались от маоистского тезиса «продолжения классово-борьбы», но как явствует резолюция 6-го пленума 19-го созыва (последнего), «борьба за сохранение знамен» до сих пор не прекратилась.

В долгой истории КПК можно выделить четыре точки бифуркации, связанные с кардинальной сменой стратегии развития: образование КНР и провозглашение политики «новой демократии», отход от «новой демократии» к генеральной линии строительства социализма, затем начало хозяйственных реформ и современный (с XVIII съезда КПК) переход к «углублению реформы», или «реформированию

реформы». К моменту образования КНР за плечами партии было уже почти 30 лет жизни в условиях мощных общественных движений, конспирации и военных действий. Стремление обрести национальную независимость и глубокое разочарование в традиционном конфуцианском мировоззрении, ставшем тормозом развития страны, послужили стимулами обращения к европейскому учению и опыту первой в мире социалистической державы. «Раскаты орудий Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм» — такова современная китайская оценка значения советского примера в событии 1921 г.

В течение всех лет существования КНР партия выступала в роли инициатора индустриального подъема страны с целью преодоления экономической отсталости. Неизменными оставались лозунги модернизации экономики и построения социализма, но при больших различиях в трактовках этих понятий. «Левые» вынашивали проекты скорейшего построения коммунизма с опорой на традиционные методы организации производства и равенство в распределении материальных благ, были готовы смириться с бедностью и ущемлением свободы личности. «Правые» были настроены на изучение зарубежного опыта, на использование всех факторов экономического роста, не опасались жесткой конкуренции рынка, привлечения индивидуальной инициативы и иностранных инвестиций. Соотношение сил этих двух группировок объясняет волнообразный ход экономики, ее успехи и провалы. Антирыночников подвело пренебрежение экономическими законами, рыночники справились с атаками «леваков», но оказались лицом к лицу с проблемами опасной вестернизации.

Начавшееся с победы революции в 1949 г. формирование представительных и исполнительных органов власти проходило при активном участии КПК в подготовке и комплектации управленческого персонала всех государственных учреждений. В самой КПК, прошедшей сквозь горнило освободительной и гражданской войны, большинство членов составляли вчерашние крестьяне и недавние солдаты, романтично настроенные и готовые к жизненным испытаниям. Господство патриархальных и авантюрных представлений объясняет процветание культа личности и восприятие в массах проводимой руководством утопической политики. Представители прагматического крыла, осознавая опасность «детской болезни левизны», вынуждены были поддерживать авторитет вождя и ликвидировать последствия разрушительных массовых кампаний. Закалка и сплоченность помогли им организовать контрлевацкий переворот и начать в конце 1970-х

годов проведение масштабных социально-экономических преобразований. Особенности китайского пути реформ — развитие рыночных отношений при сохранении важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности, внедрение многоукладной экономики, одобрение разных видов доходов при разрастании имущественной дифференциации.

После кончины Дэн Сяопина в нулевые годы стало нарастать противоречие между двумя группировками в пределах общего модернистского направления: 1) сторонников «смешанного» развития Китая со значительными уступками капитализму во внутреннем и внешнем плане и с симпатиями к либеральным идеалам потребительского общества; и 2) приверженцев сохранения социалистической ориентации при ограниченном «допущении» капитализма в целях активизации всех факторов экономического роста.

На этапе реформ КПК сильно разрослась и окрепла в организационном отношении, поддерживая регулярное проведение партийных мероприятий и активно участвуя в жизни общества. Начавшийся пересмотр функций партийных и государственных органов управления настраивал на приближение к западным эталонам партийной организации. Широкое распространение рыночных и частнособственных отношений, существование разных видов доходов, социальное расслоение — все это давало основание для критики рыночного фундаментализма и опасений в отношении капиталистического переорождения Китая.

На состоявшемся вскоре после приема КНР в ВТО XVI съезде КПК (2002) был поднят вопрос о демократизации партии с перечнем следующих основных задач: 1) разделение политического и партийного руководства, создание основ правового законодательства; 2) демократизация партийной жизни; 3) расширение участия граждан в контроле над органами власти; 4) более полная информированность общества о деятельности органов управления. В Устав партии было включено положение о возможности членства в КПК «передовых элементов прочих революционных слоев», что узаконило вступление в ее ряды представителей предпринимательского сообщества. В составе КПК за годы реформ возросло также число лиц, получивших высшее образование, включая образование за рубежом, и работников органов административного и научно-технического управления. По своему составу КПК с тех пор уже не является чисто крестьянской партией, однако крестьянство остается самой крупной ее группировкой (27,1 % всей численности членов партии); такой же процент приходится на

персонал предприятий, учреждений и общественных организаций (15,8 % — профессионально-технический персонал плюс 11,2 % — руководящий). Численность кадровых рабочих близка к числу работников госаппарата (соответственно 6,8 и 8,2 %). Пятая часть (20,1 %) приходится на пенсионеров; 3,2 % — на студентов и 7,6 % — на другие профессиональные кадры [2]. Таким образом, из партии «рабочих, крестьян и социалистической интеллигенции» компартия превратилась во «всенародную партию», олицетворяющую принцип широкого классового сотрудничества. Разрастание бюрократии и числа хозяйственных руководителей, подверженных влиянию Запада, рост коррупции, распространение потребительских настроений — все это создало угрозу стабильности общества и авторитету политического центра, породило опасения относительно превращения предпринимательской верхушки в типичную буржуазию.

Решения политических форумов нового столетия на фоне впечатляющих экономических достижений свидетельствовали о преобладании прежнему реформистскому курсу и одновременно об осознании необходимости его существенной корректировки в плане преодоления имущественной и региональной дифференциации. С приходом новой власти в 2012 г. на XVIII съезде КПК демократизация политической системы была провозглашена одним из четырех основных компонентов социализма наравне с рыночной экономикой, передовой культурой и «гармоничным» обществом. На этом съезде были обозначены также основные ориентиры следующего этапа экономической реформы, включая поддержку негосударственного сектора экономики, продолжение урбанизации, охрану окружающей среды, улучшение качества жизни населения. В дальнейшем корректировка курса реформ получила оформление в концепции сбалансированного (*сецзюй*), всестороннего (*цзяньмянь*), устойчивого (*кэчжисюй*) развития. Конечная цель была сформулирована как создание «социалистического рынка» (китайского аналога социально ориентированной рыночной экономики) или как полное построение общества «сяокан» в духе известной идеологии традиционного Китая. Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием.

После XVIII съезда КПК начался новый раунд борьбы с коррупцией, которая далеко вышла за рамки очередной кампании против

нарушений правового порядка. На первом пленуме ЦК КПК 18-го созыва новый руководитель страны Си Цзиньпин объяснил сложность момента тем, что усиление коррупции в конечном счете может привести к развалу партии и расколу страны [3].

На XIX съезде КПК (2017) большое внимание было уделено укреплению роли партии. В работе Си Цзиньпина «О государственном управлении» [4] была отмечена главная причина тревожных явлений в жизни КНР — недостаточное выполнение партией взятых на себя политических и исторических обязательств. Си Цзиньпин образно назвал это положение «угрозой падения знамени». Выход на новые рубежи он видел в расширении партийной демократии, ужесточении партийной дисциплины и расширении пропаганды марксизма-ленинизма. Основным итогом XIX съезда КПК стала инициатива нового политического курса, завершающего этап сверхвысоких экономических темпов и знаменующего переход к «нормальному» развитию под лозунгом «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». В решениях съезда особого внимания заслуживают три момента. *Во-первых*, дальнейшее совершенствование «социалистической рыночной экономики», иначе, «превращение Китая в полноценную торговую державу». *Во-вторых*, неизменная приверженность идеалам марксизма-ленинизма, закрепление роли идеологического ориентира за концепцией «социализма с китайской спецификой в современную эпоху». *В-третьих*, направленность на проведение широкомасштабной политической реформы. Сущностными признаками китайского политического строя объявлены три компонента социалистической демократии: руководство КПК, положение народа как хозяина страны и управление государством на правовой основе. Главная теоретическая задача формулируется как творческое соединение рынка с социализмом, личных интересов граждан с общественными и государственными интересами. Многоукладной рыночной экономике призвана соответствовать стабильная политическая система, совмещающая централизованную власть госорганов с партийным управлением и с широкой демократической инициативой на местах. Новая формула авторитаризма предполагает единоличное правление вождя при укреплении коллективного партийно-политического руководства системой активных муниципалитетов.

Подытоживая вышесказанное, можно заключить, что нет оснований для изменения сложившегося перевода иероглифа «дан» как «партия», но точно так же их нет для полной аналогии КПК с западными и российскими партийными организациями. В этом случае, как

и во многих других, требуется оговорка относительно китайской специфики: по строгой организационной дисциплине, ритуальной атрибутике (принятие клятвы верности), мифологизации лидеров, мессинской роли в системе власти КПК ближе к духовному союзу-ордену, нежели к политической партии западного типа. От последней ее отличает устойчивое монопольное положение в системе выборов, полное отсутствие политических конкурентов. Углубление борьбы с коррупцией, одобрение соответствующих донесений «наверх», периодические чистки на правах «силы устрашения» в случаях каких-либо нарушений существующих порядков — все это свидетельствует о жестком подчинении партийного контингента строгим требованиям дисциплины, лояльности и преданности. В числе требований к членам партии — отказ от религиозных верований и верность идеям китаизированного марксизма. Созданные во всех хозяйственных и административных учреждениях партийные ячейки выступают в качестве первичных звеньев иерархической партийной системы. Партийные собрания на местах с обсуждением текущих проблем — важный компонент всей общественной жизни, в то же время партийная принадлежность сопряжена с немалыми привилегиями и расширением гражданских прав.

Играющая доминирующую роль не только в партийной, но и во всей административно-политической системе Китая КПК, — это партия «нового типа», которая выполняет важнейшие государственные функции, то есть в известной мере поглощающая государство. Если, как объявлено, «партия руководит всем», прежняя установка на разделение функций партийных и государственных органов во многом теряет смысл и можно констатировать слияние партийных и государственных органов в некую единую партийно-государственную структуру. Конкретный пример — создание единой сети органов контроля по всей вертикали от уезда до центра вместо существовавшей до сих пор двухколейной контрольной системы (отдельно для членов партии, отдельно для всех остальных граждан). Партия — это та «железобетонная конструкция», которая скрепляет весь каркас государственного здания и обеспечивает его прочность и долголетие.

Точно так же, на наш взгляд, полностью правомочно употребление в отношении КПК определения «коммунистическая» (партия). Его основанием служит неизменная приверженность идеологии марксизма-ленинизма, устойчивая социалистическая риторика, сходство основных постулатов общества «Датун» коммунистическим принципам. Показательно наблюдавшееся в КНР, как и в свое время в

СССР, изначальное неприятие буржуазных методов политической жизни, построенных на индивидуализме, «правах человека», «разграничении властей». Практика экономических реформ поставила под сомнения прежние революционные идеалы. Действительно, широкое распространение рыночных отношений и частной собственности роднит Китай конца XX и начала XXI в. с госкапитализмом, но при этом сохраняются отличия от типичного капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и иной регулирующей роли авторитарного государства и компартии. Китайская рыночная модель, схожая с ленинской новой экономической политикой и китайской программой «новой демократии», сейчас сменяется политикой речентрализации и сглаживания создавшихся социальных диспропорций.

Волнообразная смена стратегии развития не позволяет причислять КПК к «левым» или «правым» партиям в традиционном понимании этих терминов. Весь дореформенный период можно отнести к разгулу левого радикализма, перемежающегося с усилиями центристов и правых сохранить порядок в стране. Период рыночных реформ (1978—2018) отличает склонность к «правой» тенденции. Современный центристский курс, выглядящий как определенный крен «влево», сохраняет альтернативность по отношению к маоистским кампаниям и отмежевывается от правоуклонистских моментов рыночного фундаментализма. Самое главное, что колебания экономической политики не отменяют мечты о национальном возрождении и социальной справедливости. В последние годы отмечен подъем коммунистических настроений, особенно среди молодежи, разочарованной моральным упадком на Западе и стремящейся к процветанию своей страны и социальному равноправию.

Учет собственной специфики и особенностей эпохи ограждает китайских коммунистов от всякого рода подражаний и догматизма, что постоянно подчеркивается в разного рода директивных материалах. Согласно приведенным в тексте Резолюции 6-го пленума ЦК КПК 19-го созыва словам Си Цзиньпина, «великие социальные преобразования современного Китая — это вовсе не простое наследование китайской истории и культуры, не слепое следование модели, данной классиками марксизма, не повторение социалистической практики других стран мира, не копирование процесса модернизации за рубежом» [5]. Партия находится в авангарде теоретических исканий и по праву считает себя теоретическим «первопроходцем новой эпохи».

Библиографический список

1. Рыбас С.Ю. Си Цзиньпин: судьба и мир. М.: Молодая гвардия, 2019. С. 110 (435 с.).
2. Цзуй синь! Чжунго гунчандан данюань цзуншу вэй 9514.8 вань мин, цичжун нуй данюань шу вэй 2745.0 вань [Самое новое! Количество членов Коммунистической партии Китая достигло 95 млн 148 тыс., среди них 27 млн 450 тыс. — женщины]. URL: <http://fwh.jsnu.edu.cn/03/95/c3490a328597/page.htm> (дата обращения: 23.05.2022) (на кит. яз.).
3. Жэньминь жибао [Народная газета]. 09.22.2012. С. 2 (на кит. яз.).
4. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин. Изд-во лит-ры на иностр. яз. 2014. 630 с.
5. Агентство Синьхуа. 17.11.2021.

References

1. Rybas S.YU. Si Czin'pin: sud'ba i mir [Xi Jinping: Destiny and Peace]. M.: Molodaya gvardiya, 2019. P. 110 (435 p.) (in Russian).
2. Zui xin! Zhongguo gongchandang dangyuan zongshu wei 9514.8 wan ming, qizhong nv dangyuan shu wei 2745.0 wan [Up to date! The total number of members of the Communist Party of China is 95.148 million, of which 27.450 million are female members]. URL: <http://fwh.jsnu.edu.cn/03/95/c3490a328597/page.htm> (accessed: 23.05.2022) (in Chinese).
3. Renmin ribao [People's daily]. 09.22.2012. P. 2 (in Chinese).
4. Xi Jinping. O gosudarstvennom upravlenii [The Governance of China]. Pekin: Izd-vo lit-ry na inostr. yaz. 2014. 630 p.
5. Xinhua News. 17.11.2021.

В.Ф. Бородич

УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ КНР В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье поднимается тема *узлов противоречий* как инструмента исследования прошлого, настоящего и перспектив на будущее политического режима в КНР на примере первых двух десятилетий его превращения в режим личной власти Мао Цзэдуна.

Автор выделяет три *узла противоречий*, разрешение которых, на его взгляд, составляют суть и содержание политического процесса в государстве: 1) борьба между кадрами, прошедшими обучение в СССР и ознакомившимися в той или иной мере с учением марксизма и опытом марксистского движения в капиталистических странах Европы, условно «интернационалистами», с одной стороны, и кадрами, воспринимавшими марксистско-ленинское учение в условиях только китайской действительности, условно — «почвенниками»; 2) противоречия между *единоличной* и *коллективистской* моделями руководства компартией, превратившимися в главный *узел противоречий*. Эти противоречия были доминирующим фактором партийного строительства и политического процесса в Китае вплоть до первых лет провозглашенной в конце 1970-х годов политики реформ; 3) противоречия, вызываемые введением в 1956 г. института партийных групп в государственных учреждениях, когда пересекаются и сосуществуют две логики — политического правления и государственного администрирования, что содержит в себе возможность помех процессу администрирования.

Статья завершается предположением автора, согласно которому коллективистская модель руководства КПК, пришедшая на смену

модели единоличного авторитарного правления Мао Цзэдуна на рубеже 1970—1980-х годов, с избранием Си Цзиньпина Генеральным секретарем ЦК КПК в 2012 г. стала трансформироваться в модель единоличного авторитарного правления, которая отличается от модели, существовавшей при Мао Цзэдуна, нацеленностью лидера на компетентность управления и всестороннее развитие национальной мощи страны как главных показателей эффективности режима авторитарного правления. Перспективы сформировавшейся модели компетентного авторитарного единоличного правления, по мнению автора, заслуживают отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, противоречия, коллективный и единоличный авторитаризм, политический процесс, политическое правление, государственное администрирование.

Автор: *Бородич Владимир Федорович*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: borodich@rambler.ru

KNOTS OF CONTRADICTIONS OF PRC POLITICAL GOVERNANCE MODEL IN THE FIRST TWO DECADES OF PEOPLE'S POWER

Abstract. The article raises the topic of knots of contradictions as a tool for studying the past, present and future prospects of the political regime in the PRC on the example of the first two decades of its transformation into the regime of personal power of Mao Zedong.

The author identifies three knots of contradictions, the resolution of which, in his opinion, is the essence and content of the political process in the state: the struggle between cadres who were trained in the USSR and familiarized, to one degree or another, with the teachings of Marxism and the experience of the Marxist movement in the capitalist countries of Europe, conditionally, “internationalists”, on the one hand, and cadres who perceived the Marxist-Leninist teaching in the conditions of only Chinese reality, conditionally — “soilers”; contradictions between the individual and collectivist models of leadership of the Communist Party, which have become the main knot of contradictions. These contradictions were the dominant factor in the party building and political process in China, right up to the early years of the proclaimed in the late 1970s. reform policies; contradictions caused by the introduction in 1956 of the institution of party groups in state institutions, when two logics intersect and coexist — political rule and public administration, which contains the possibility of interference with the administration process.

The article ends with the author's assumption that the collectivist model of the leadership of the CPC, which replaced the model of Mao Zedong's one-man authoritarian rule at the turn of the 1970s-1980s., with the

election of Xi Jinping as the General Secretary of the CPC Central Committee in 2012, began to transform into a model of one-man authoritarian rule, which differs from the model that existed under Mao Zedong, the leader's focus on management competence and the comprehensive development of the country's national power as the main indicators of the effectiveness of the authoritarian rule regime. Prospects for the emerging model of competent authoritarian one-man rule, in the author's opinion, deserve separate consideration.

Keywords: China, PRC, CPC, contradictions, collective and individual authoritarianism, political process, political rule, public administration.

Author: *Borodich Vladimir F.*, Ph.D. (Law), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: borodich@rambler.ru

Режимы авторитарного правления в современном мире распространены и многообразны, каждый имеет свое лицо, вместе с тем есть общие для всех факторы, объясняющие условия и причины их образования. К одному из таких факторов следует отнести противоречия, разрешение которых составляет суть и содержание политического процесса в государстве. Противоречия могут сниматься с пользой для развития государства и общества или, наоборот, завязываться в узлы и наносить ущерб развитию страны и ее народу. В данной статье ставится задача поднять тему узлов противоречий как инструмента исследования прошлого, настоящего и перспектив на будущее политического режима в КНР на примере первых двух десятилетий его превращения в режим личной власти Мао Цзэдуна.

До образования КНР политическое правление на территориях, находившихся в разное время под контролем КПК, отличалось ведущей ролью КПК, её вооруженных сил, постоянно меняющимся соотношением коллективистского и индивидуалистского начал в руководстве компартии.

Обстановка внутри КПК с первых лет ее существования формировалась под сильным влиянием Коминтерна и опыта ВКП(б). И в ВКП(б), и в Коминтерне после смерти В.И. Ленина велась борьба с «троцкистами», к которым относились все те, кто оспаривал политику Сталина, отсутствовала определённая в отношении стратегии и тактики КПК. Китайские коммунисты, обучавшиеся в СССР, значительная часть которых по возвращении на родину стала играть заметную роль в руководстве КПК, были невольными свидетелями методов партийной работы в ВКП(б), включая методы борьбы И.В. Сталина за право единоначалия при формально коллективистской организации

руководства в партии. Один из методов — чистка рядов ВКП(б) от «инородных элементов» — был усвоен и воспринимался какое-то время в руководстве китайской компартии не как метод борьбы вождя за единоличную власть, а как необходимое, почти рутинное правило партийного строительства. Этот метод стал практиковаться и в КПК, где одним из главных фронтов внутрипартийной борьбы в 1920—1930-е годы, и своеобразным *узлом противоречий* была борьба между кадрами, прошедшими обучение в СССР и ознакомившимися в той или иной мере с учением марксизма и опытом марксистского движения в капиталистических странах Европы, условно «интернационалистами», с одной стороны, и кадрами, воспринимавшими марксистско-ленинское учение в условиях только китайской действительности, условно — «почвенниками». Те и другие, однако, усвоили сталинизм как своеобразную «религию бюрократии»¹, позволявшую выстраивать авторитарный режим правления вначале на подконтрольных КПК территориях, затем в масштабах КНР. Среди прочего интересам формирования режима единоличного авторитарного правления служила заимствованная Мао Цзэдуном идея И.В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения к бесклассовому обществу.

До расширенного совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи (15—17 января 1935 г.) в процессе борьбы менялись составы руководящих органов и их первые руководители. При этом модель руководства компартией была коллективистской, ни один из первых руководителей ЦК не задерживался надолго. После указанного совещания пост первого руководителя в ЦК КПК занял Мао Цзэдун, относившийся к числу «почвенников». Их представителем в руководстве КПК, причем первым в компартии и государстве лицом, он оставался до своей кончины в сентябре 1976 г., в то время как представителям «интернационалистов» чем дальше, тем больше приходилось мимикрировать под «почвенников». В сфере идеологии мимикрия проявлялась в признании идей Мао Цзэдуна критерием истинности для развития Китая.

Означенный период истории КПК, а следом политической истории КНР, во многом окрашен событиями, приведшими постепенно

¹ Термин «религия бюрократии» для характеристики сталинизма предложен блогером В. Плотниковым: См.: Alexey Litovchenko. В чем принципиальное отличие троцкизма, ленинизма и сталинизма? URL: https://yandex.ru/q/question/v_chem_printsiipialnoe_otlichie_trotskizma_b6971fda/

к тому, что противоречия между «интернационалистами» и «почвенниками» отходили на второй план, уступая место противоречиям между *единоличной* и *коллективистской* моделями руководства компартией, превратившимися в главный *узел противоречий*. Эти противоречия были доминирующим фактором партийного строительства и политического процесса в Китае вплоть до первых лет провозглашенной в конце 1970-х годов политики реформ.

В 1943 г., на волне продолжавшейся с 1941 г. кампании чистки (*чжэнфэн*), завершавшей борьбу за устранение из руководства и рядов КПК «интернационалистов», на совещании Политбюро ЦК КПК в Яньане было принято решение о том, что Мао Цзэдун одновременно будет возглавлять работу и Политбюро, и Секретариата ЦК КПК [1, с. 23]. Это решение объективно создавало дополнительные предпосылки для преобразования модели руководства КПК от коллективистской в единоличную.

В руководстве компартии такая концентрация власти в руках одного лица какое-то время могла не означать отступления от принципа коллективного руководства. Это подтверждено тем фактом, что на VII съезде КПК (23 апреля — 11 июня 1945 г.) уставным принципом демократического централизма была закреплена руководящая роль коллективной воли в деятельности компартии. Секретарь ЦК компартии Лю Шаоци в докладе «О нашей партии» так определил демократический централизм: «Наша партия — не простая совокупность отдельных членов партии, а единый организм, сформировавшийся из всех членов партии согласно определенному закону, сообщество ее руководителей и руководимых, единое целое, сцементированное согласно определенному закону из главы партии, то есть ее ЦК, партийных организаций и широких партийных масс» [2, с. 421].

Принцип демократического централизма сам по себе содержит внутреннее противоречие, позволяющее, в зависимости от изменения обстановки внутри и вне партии, делать акцент либо на коллективной воле, либо на воле лидера. Сложность обстановки в борющемся против японской агрессии Китае, разное отношение к поворотам в линии Коминтерна по китайскому вопросу, внутрипартийная борьба, отражавшая разные подходы к стратегии и тактике КПК и дополнявшаяся противоречивостью принципа демократического централизма, — все это приводило ко все большему затягиванию узла противоречий между коллективистским и единоличным принципами руководства. Принцип единоличного руководства, например на том же VII съезде КПК, объективно усиливался решением о включении в Устав

компартии положения о руководящей роли «идей Мао Цзэдуна», определенных как «единство теории марксизма-ленинизма и практики китайской революции», во всей партийной работе [3]. При сложившемся после принятия в подобной редакции Уставе КПК принцип коллективного принятия политических решений фактически должен был мимикрировать под уставное положение о руководящей роли идей Мао Цзэдуна. Яркий пример — славословия идеям и их создателю в докладе Лю Шаоци на VII съезде КПК.

Завязывающийся узел противоречий, судя по всему, был прочувствован сторонниками коллективистского подхода к руководству компартией, и 20 сентября 1948 г. в ЦК компартии было принято Решение ЦК о совершенствовании системы партийных комитетов (健全党委制的决定). В Решении, в частности, говорилось, что система партийных комитетов является важной гарантией коллективного руководства и все важные вопросы должны передаваться на их рассмотрение [1, с. 23]. Сохранению института коллективного принятия политических решений способствовало на тот момент отсутствие консолидированного пространства, на котором КПК осуществляла свое правление, а также пестрота регионов Китая, в которых действовала КПК. В подобных условиях ответственность за каждое значимое политическое решение резко повышалась, была высока цена возможной ошибки, и коллективно принимаемые решения лучше страховали от рисков, чем решения, принимаемые одним руководящим лицом.

Внутрипартийная борьба, сопровождавшаяся «чисткой» рядов КПК, проводившейся с разными целями, главной из которых полуофициально, была цель избавления от разномыслия, не вписывающегося в рамки «идей Мао Цзэдуна», продолжалась и после образования 1 октября 1949 г. КНР. Это создавало благоприятную почву для постепенной трансформации политического сознания и поведения самого Мао Цзэдуна от уровня первого среди равных руководителей до уровня вождя, главной фигуры в партии и государстве, с замещением государства в его сознании собственной персоной. Одновременно происходила и аналогичная трансформация политического сознания и поведения в рядах руководящих кадров, поскольку статус самовластного правителя мог существовать лишь при настройке на него всей бюрократической вертикали власти. Результаты трансформации политического сознания проявились со всей очевидностью в ходе предпринятых волей Мао Цзэдуна усилий по пересмотру решений VIII съезда КПК (15—29 сентября 1956 г.).

Несмотря ни на что, коллективное начало в руководстве КПК еще в середине 1950-х годов продолжало себя проявлять. В 1956 г. в Уставе КПК, принятом на VIII съезде, пунктом 5 раздела 2 было определено, что «партийные организации всех уровней реализуют принцип сочетания коллективного руководства с индивидуальной ответственностью» [4].

Сам Мао Цзэдун при подготовке итоговых решений VIII съезда предложил образовать новый руководящий орган — Постоянный комитет Политбюро, который в публикации Ши Цзунцюаня назван *коллективным руководящим ядром* (领导集体核心) [5, с. 191]. На следующий год, выступая на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшемся 14—16 ноября 1957 г. в г. Москве, Мао Цзэдун также высказывался в пользу коллективного, а не единоличного руководства [5, с. 330].

Модель политического правления, складывавшаяся после образования КНР, предусматривала, что правящая партия, лидером которой является Мао Цзэдун, определяет стратегию и мобилизует массы на участие в ее реализации, но инструментальным воплощением стратегии занимаются органы государственной власти и подведомственные им органы государственного управления. Узел *противоречий* между коллективной политической волей и политической волей лидера стал обнаруживаться в сфере и выработки, и воплощения стратегических решений. Выработанное коллективно решение, с которым Мао Цзэдун был не согласен, например относительно генеральной линии, его волевым решением исполнялось всей иерархической вертикалью власти, зачастую с точностью до наоборот. И по многим другим вопросам, если принцип коллективного принятия решений вступал в противоречия с политической волей лидера, то лишь частично мог быть реализован.

Политическая воля Мао Цзэдуна оказывалась способной «материализоваться» благодаря кампаниям чисток (упорядочения стиля) и идеологическим кампаниям, корректировавшим замыслы коллективно выработанных решений и обеспечивающим возможность менять просчитанные в государственных структурах планы на решения, не обоснованные ни научно, ни опытным путем. Причем совершенно неслучайно инициаторами предложений, согласующихся с волей Мао Цзэдуна, но отрицающих ранее принятые коллективно решения, выступали руководители, сознание которых иррационально трансформировалось под воздействием усилий Мао Цзэдуна и его сторонников. Так, на 3-м пленуме ЦК КПК (20.09—09.10.1957), при-

нявшем решения, подготовившие созыв так называемой 2-й сессии VIII съезда и фактически положившие начало политике «большого скачка», член Постоянного комитета Политбюро (ПК ПБ) ЦК КПК, генеральный секретарь ЦК КПК Дэн Сяопин выступил с докладом «О движении за упорядочения стиля работы (*чжэнфэн*)», где изложил установки на очередное применение такого орудия чистки рядов КПК от свободомыслия, которое и ранее неоднократно жестоко применялось; член ПК ПБ ЦК КПК, заместитель председателя ЦК КПК, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай сделал доклад «О заработной плате и пособиях по страхованию труда»; член ПК ПБ ЦК КПК Чэнь Юнь озвучил доклад «О совершенствовании системы государственного управления и увеличении сельскохозяйственного производства».

Решение о генеральной линии, определенной ЦК КПК в 1952—1953 гг. как линия на постепенное строительство нового Китая, утвержденное в 1956 г. высшим партийным органом — VIII съездом КПК, было фактически дезавуировано мерами государственной политики, нацеленными на ускоренное проведение социально-экономических преобразований, и коренным образом изменено на 2-й сессии VIII съезда КПК (05.05—23.05.1958), принявшей новую «генеральную линию», направлявшую партию и государство по пути ускоренного развития страны. Решение съезда было коллегиальным, из чего следовало, что на момент проведения съезда политическая воля лидера — Мао Цзэдуна — была преобразована в коллективную волю высших руководителей. Достигнута эта победа была не благодаря соревнованию двух видов политической воли в обоснованности представляемых стратегий, а благодаря подавлению коллективной воли теми методами обработки сознания и психики партийно-государственных кадров и всего населения, которые практиковались с 1930-х годов, переключаясь с методами, заимствованными у тоталитарного режима И.В. Сталина.

В дополнение к чисткам и идеологическим кампаниям, инициатором которых выступал Мао Цзэдун, практике принятия и продвижения его волевых решений послужил институт совмещения руководящих постов в партии и органах государственной власти. Уставом КПК (п. 59) в 1956 г. был введен институт *партийных групп* (данцзу 党组) в руководящих органах государственных структур, где работали три и более члена КПК, занимающие ответственные посты. Институт *партийных групп* породил еще один *узел противоречий*, суть которых заключалась в следующем: политическое руководство, согласно

теории политического управления, играет главную роль на первом этапе политического цикла государственной политики — этапе *инициирования политики*. На этапах же осуществления, мониторинга и контроля, оценки и регулирования, принятия решения на будущее политическое руководство должно отходить на второй план, а главную роль должны играть органы государственной власти и государственного администрирования. Они, а не партийные органы, располагают для этого соответствующим организационно-кадровым инструментарием, знаниями и опытом и, главное, несут ответственность за эффективность решений и их воплощение.

Институт партийных групп фактически позволял, и позволяет по сей день, продвигать решения политического руководства на каждом отдельном участке и направлении государственной политики и государственного администрирования, следуя руководящей политической воле, невзирая на то, выражает ли она волю индивидуальную или коллективную, и невзирая на целесообразность, определяемую критериями государственной политики и государственного администрирования. В этом смысле институт партийных групп в руководящих органах государственных структур создает для лица, принимающего решение (ЛПР), будь то коллегиального или персонального, дополнительный канал влияния на систему государственного администрирования, которая по определению должна ставить на первое место критерии эффективного и качественного решения управленческих, а не политических задач.

Провал объявленной на 2-й сессии VIII съезда КПК стратегии ускоренного социально-экономического развития стал очевидным уже на рубеже 1950—1960-х годов, и это поставило под вопрос состоятельность победившей на съезде КПК в 1958 г. модели единоличного, волюнтаристского, но облачаемого в форму коллегиального, режима правления. Однако модель, формально утвержденная решениями недавно закончившегося съезда КПК, продолжала функционировать в спасительном для первого политика ключе: трезвомыслящая часть руководства КПК бросила все силы на вывод государства из кризиса, а Мао Цзэдун и его сторонники в руководящих партийно-государственных органах сосредоточились на том, чтобы под благовидным предлогом отложить созыв очередного съезда КПК и не допустить изменения, маскируемого под коллективное, единоличного руководства компартий. И тем и другим было очевидно, что, в случае созыва, съезд неминуемо должен был рассматривать причины случившейся социально-экономической катастрофы и называть виновных за

это лиц, к числу которых формально относились практически все высшие руководители КПК. Дэн Сяопин в апреле 1980 г., признавая это, говорил: «У товарища Мао Цзэдуна кружилась голова от успехов, а у нас не кружилась голова? Товарищ Лю Шаоци, товарищ Чжоу Эньлай и я против не выступали, молчал и товарищ Чэнь Юнь. <...> Ошибки совершал Центральный комитет, так что весь коллектив, а не один человек, несет ответственность» [7, с. 260]. Однако если четверо из семи членов формально «коллективного руководящего ядра КПК» — ПК ПБ (Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Дэн Сяопин и Чжу Дэ) — основное внимание уделяли восстановлению страны после провала проектов «большого скачка» и «народных коммун», то двое — Мао Цзэдун и Линь Бяо — занимались укреплением позиций председателя ЦК КПК и подготовкой условий для снятия угрозы системе его замаскированного единовластия. Чжоу Эньлай участвовал в деятельности обеих из названных групп членов ПК ПБ, однако предпочел ориентироваться на сближение с формирующимся лагерем сторонников Мао Цзэдуна [8, с. 659]. Начавшаяся вскоре «культурная революция» обнаружила, что новое «ядро коллективного руководства» составила именно эта группа высших руководителей — Мао Цзэдун, Линь Бяо и Чжоу Эньлай, располагавших, в свою очередь, Группой по делам «культурной революции» в качестве штаба. И, в отличие от предшествовавшего, официального, «ядра коллективного руководства», в новом «ядре» статус Мао Цзэдуна как единовластного лидера никем не оспаривался, а коллективистская модель руководства КПК стала восстанавливаться уже после смерти Мао Цзэдуна.

Упразднение модели единоличного политического правления после смерти Мао Цзэдуна (09.09.1976) не заняло много времени: избранный на XI съезде КПК (1977) председателем ЦК КПК Хуа Гофэн получил в качестве заместителей четырех руководителей-ветеранов, из которых трое были противниками сохранения прежней модели правления; его попытка увеличить свой политический вес с помощью установки «двух абсолютов» («неуклонно отстаивать все решения Председателя Мао Цзэдуна», «неизменно следовать всем указаниям Председателя Мао Цзэдуна») не увенчалась успехом. Избранный в феврале 1980 г. на 5-м пленуме ЦК КПК генеральным секретарем ЦК КПК, а в 1981 г. на 6-м пленуме ЦК КПК, председателем ЦК КПК Ху Яобан, стал проводить линию на максимальное раскрытие потенциала коллективистской модели политического правления. Эта модель в чистом виде функционировала до 2012 г. и, с избранием Си Цзиньпина генеральным секретарем ЦК КПК, стала трансформироваться в

модель единоличного авторитарного правления. Её характеристики, однако, заметно отличаются от модели, существовавшей при Мао Цзэдуне, прежде всего, нацеленностью лидера на компетентность управленческой деятельности и всестороннее развитие национальной мощи страны как главных показателей эффективности режима авторитарного правления. Перспективы сформировавшейся модели компетентного авторитарного единоличного правления заслуживают отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Ху Аньган. Чжунго цзити линдао тичжи (Китайская система коллективного руководства). Бэйцзин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2013. 192 с.
2. Лю Шаоци. Избранные произведения. Т.1. Бэйцзин: Издательство литературы на иностранных языках, 1984. 551 с.
3. Чжунго гунчаньдан чжанчэн (Чжунго гунчаньдан ди цици цюаньго дайбяо дахуй ицзюсю нянь лю юэ ши ши жи тунго) (Устав Китайской коммунистической партии (Принят 11 июня 1945 г. седьмым съездом Китайской компартии). URL: [https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B\(1945\)/9864751](https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B(1945)/9864751) (дата обращения: 29.04.2022).
4. Чжунго гунчаньдан чжанчэн (Дандэ бада тунго) (Устав Китайской коммунистической партии (Принят восьмым съездом партии) (26.09.1956). URL: http://guoqing.china.com.cn/2012-09/10/content_26478075.htm (дата обращения: 29.04.2022).
5. Ши Чжунцюань. Бада ши (История VIII съезда). Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1998. 531 с.
6. Мао Цзэдун: «Цзай Мосыкэ гунчаньдан хэ гунжэньдан дайбяо хуйи шандэ цзянхуа» (1957 нянь 11 юэ 18 жи). Мао Цзэдун вэньцзи, ди 7 цзюань. (Мао Цзэдун: «Выступление на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий» (18 ноября 1957 г.) // Избранные произведения Мао Цзэдуна. Т. 7. Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1999. 465 с.
7. Дэн Сяопин вэньсюань (1975—1982) (Избранные произведения Дэн Сяопина (1975—1982). Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1983. 398 с.
8. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. 867 с.

References

1. Hu Angang. Zhongguo jitilingdao tizhi [Chinese system of collective leadership]. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe, 2013. 192 p.
2. Lyu Shaotsi. Izbrannyye proizvedeniya. T.1. [Liu Shaoqi. Selected works. V.1.]. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 1984. 551 p.

3. Zhongguo gongchandang zhancheng [Zhongguo gongchandang diqi ci quanguo daibiao dahui yijiusiwu nian liuyue shiyiri tongguo] (Charter of the Chinese Communist Party) (Adopted on June 11, 1945 by the Seventh Congress of the Chinese Communist Party). URL: [https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B\(1945\)/9864751](https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B(1945)/9864751) (accessed: 29.04.2022).
4. Zhongguo gongchandang zhancheng (Dangde bada tongguo) (Charter of the Chinese Communist Party (Adopted by the Eighth Party Congress). (September 26, 1956). URL: http://guoqing.china.com.cn/2012-09/10/content_26478075.htm (accessed: 29.04.2022).
5. Shi Zhongquan. Bada shi (History of the VIII Congress). Beijing: Renmin chubanshe, 1998. 531 p.
6. Mao Zedong: “Zai Mosike gongchandang he gongrendangde jianghua” (1957 nian 11 yue 18 ri) (Mao Zedong: “Speech at the Meeting of Representatives of the Communist and Workers’ Parties” (November 18, 1957). [Mao Zedong. Selected works. V. 7]. Beijing: Renmin chubanshe, 1999. 465 p.
7. Deng Xiaoping wenxuan (1975—1982) [Deng Xiaoping. Selected works (1975—1982)]. Beijing: Renmin chubanshe, 1983. 398 p.
8. Pantsov A.V. Mao Tszedun [Pantsov A.V. Mao Zedong]. M.: Young Guard, 2007. 867 p.

И.Г. Чубаров

ГРУППОВЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАНЯТИЯ ДЛЯ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ — САМОБЫТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В 2022 г. исполняется 20 лет с начала регулярного проведения групповых учебных занятий (семинаров) для членов Политбюро ЦК КПК. Прослеживается история их появления, анализируется сложившийся за два десятилетия порядок проведения и тематический спектр, дается оценка общественно-политического значения этих мероприятий.

Рассматриваемый институт семинаров для членов ЦК КПК возник на основе лекций по юридической тематике, которые нерегулярно проводились для высшего руководства после начала экономических реформ. После их проведения в современном виде состоялось уже 155 семинаров, из них 77 под председательством Ху Цзиньтао и 78 — Си Цзиньпина. Семинары обычно проходят в Пекине, выступают 1—2 приглашенных докладчика из числа профессоров или отраслевых аналитиков. Благодаря обязательной заключительной речи генсека они стали заметной платформой для обозначения официальной позиции по соответствующей тематике на высшем уровне.

Проведение учебных семинаров для высшего руководства является китайской политико-управленческой инновацией, характерным элементом ее самобытного общественного строя. Проведение семинаров укрепляет связь между управленцами и учеными, повышает социальный статус научного и экспертного сообщества. Появлению семинаров способствовали такие культурно-идеологические факторы, как традиционное конфуцианство, марксистский материализм и западные теории корпоративного управления.

Ключевые слова: Китай, КПК, Политбюро, политическая система, обучающаяся организация.

Автор: Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ichubarov@iccaras.ru

GROUP STUDY SESSIONS FOR TOP OFFICIALS AS A ENDOGENOUS ELEMENT OF CHINESE POLITICAL SYSTEM

Abstract. The paper is devoted to specific element of Chinese political system which are collective study sessions for top Party officials which celebrates 20 years anniversary since the first such meeting. The paper traces ideological-philosophical foundation and current history of such meetings, analyzes how its organized and usual themes covered. The institution of collective study sessions for the CPC Central Committee Politburo members gradually evolved from lectures on legal topics for the top leadership, which were held irregularly after the beginning of economic reforms. Since they began in their modern form in late 2002, there have been 155 study sessions to date, including 77 chaired by Hu Jintao and 78 chaired by Xi Jinping. The study sessions are usually held in Beijing, with 1–2 guest speakers from among professors or industry analysts. With the obligatory closing remarks by the secretary-general, they have become a prominent platform for the official position at the highest level.

Study sessions strengthen the link between the government officials and scientific community, support high social status of the expert knowledge. Cultural and ideological factors such as traditional Confucianism, Marxist materialism, and Western theories of corporate governance contributed to their emergence. Collective study sessions for senior executives is a Chinese political innovation, a characteristic element of its indigenous social model.

Keywords: China, CPC, Politburo, political system, learning organization.

Author: Chubarov Ilya G., Ph.D. (Human Geography), Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ichubarov@iccaras.ru

Введение. Актуальным направлением современного китаеведения является изучение китайской системы государственного управления. Когда говорят о «китайском чуде», обычно имеют в виду успехи в модернизации экономики страны и повышении уровня жизни населения. Однако таким же «чудом» можно считать и успехи в общественно-политической сфере. Вопреки многим прогнозам и расчетам

мэйнстрима западной политологии, рост благосостояния населения в Китае в последние четыре десятилетия не привел к кризису однопартийной системы и бунту появившегося среднего класса и частного капитала. Вместо этого наблюдатели отмечают достаточно высокий уровень патриотических и национально ориентированных настроений. Это стало особенно заметно в период китайско-американской «торговой войны» в 2018—2020 гг., а также во время борьбы с пандемией коронавируса COVID-19. Представляется, что немалый вклад в поддержание подобных общественных настроений внесла и эффективная работа системы государственного управления, своего рода «управленческое чудо». Соответствие системы управления местным общественным, культурным и этнопсихологическим условиям в большинстве случаев позволяет китайскому руководству верно оценивать обстановку, ставить разумные и достижимые цели и добиваться их оптимальным способом. В условиях нарастающей информатизации общества важную роль играет уровень квалификации и информированности высшего руководства. Одним из способов его повышения в Китае является система особым образом организованных учебных семинаров. Уже два десятилетия члены Политбюро ЦК КПК регулярно (8—10 раз в год) посещают лекции ведущих специалистов по основным проблемам развития страны и обсуждают их содержание между собой «за закрытыми дверями».

Источниками сведений для данной работы выступили официальные сообщения китайских СМИ и имеющиеся в распоряжении работы китайских политологов [1, 2, 3, 4, 5]. Несмотря на отсутствие возможности проведения интервью с участниками и организаторами, эти данные позволяют составить достаточно полноценное, на наш взгляд, представление о сути явления.

Перевод термина. Вначале следует остановиться на переводе названия мероприятий. Китайские государственные СМИ («Синьхуа», «Жэньминь Жибао», CGTN и др.), по сложившейся практике, переводят китайское 集体学习 на русский как «коллективные учёбы» либо «коллективные учебные сессии» [6] (англ. collective study sessions). Этот вариант распространен в русскоязычной научной [7] и публицистической литературе [8]. На наш взгляд, он не вполне корректен по нескольким причинам.

В русском языке слово «учеба» выражает отвлеченное, абстрактное понятие (синоним «учения») и обычно не употребляется как обозначение конкретного мероприятия. Помимо этого, сущ. «учёба» в русском языке относится к категории *singularia tantum*, т. е. употреб-

ляется в единственном числе. Форма множественного числа для таких слов «носит потенциальный характер: практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено и будет правильно понято» [9]. Другие лингвисты считают, что у данного сущ. множественного числа нет в принципе [10]. Перевод «учебная сессия» подходит для обозначения конкретного мероприятия, однако несет в себе неподходящее значение достаточной протяженности во времени и нескольких этапов. Вместо него можно использовать «учебное занятие». Также для перевода более подходит определение «групповая» или «совместная», чем «коллективная». Дело в том, что в российской педагогике применяется термин КСО — коллективный способ обучения, который несет в себе другой смысл¹.

Таким образом, перевод китайского термина 集体学习 словосочетанием «коллективная учеба» для названия конкретного события, тем более во множественном числе, можно трактовать как не до конца соответствующее правилам русского языка и не полностью передающее исходное значение. Скорректированная же форма «групповое учебное занятие» по смыслу практически полностью совпадает со значением слова «семинар» — «вид групповых занятий по какой-либо научной, учебной и др. проблеме, обсуждение участниками заранее подготовленных сообщений, докладов и т. п.» [11]. Следовательно, имея в виду, что китайские источники называют данные мероприятия «коллективные учёбы», в настоящей работе используется «учебное занятие» либо «семинар».

История появления. Система групповых занятий для членов Политбюро ЦК КПК в современном виде отсчитывает свое начало с 2002 г. Она возникла не с нуля: её предтечами считаются существовавшие формы совместных учебных занятий для высшего руководства. Так, ещё Мао Цзэдун в ноябре 1958 г. направил руководителям от районного уровня и выше письмо «Предложение об обучении». В нем он предложил всем в течение двух месяцев прочитать работу И.В. Сталина «Экономические проблемы строительства социализма в СССР» и недавно переведенный на китайский язык советский учебник «Политическая экономия» (под ред. К.В. Островитянова). Ежедневно собирать всю верхушку партийного руководства было затруднительно из-за их занятости, поэтому Мао Цзэдун отобрал для совместного чте-

¹ Коллективный способ обучения (автор В.К. Дьяченко) заключается в том, что ученики под руководством педагога в определенных ситуациях берут на себя роль учителей, ведут занятия по темам, в парах проверяют знания друг у друга и т. п.

ния несколько своих приближенных сотрудников, имевших необходимую теоретическую подготовку (Чэнь Бода, Ху Шэн, Дэн Лицзюнь, Тянь Цзяин) [12]. Они в течение двух месяцев сопровождали Мао в его поездках по стране, вместе с ним читали и по ходу чтения комментировали и обсуждали содержание, делали пометки. К чтениям также время от времени присоединялись Лю Шаоци, Ху Цяому и другие партийные руководители.

Первые полноценные групповые лекции для руководства страны, о которых имеется информация, начали организовывать после начала реформ. С 1983 по 1987 г. Орготдел ЦК КПК организовал для высокопоставленных руководителей серию из 10 лекций по основным направлениям научно-технического прогресса [3]. В 1986 г. в рамках общенациональной кампании по повышению правовой грамотности при поддержке Ху Яобана состоялись четыре лекции по юриспруденции. В 1994 г. успешно состоялась лекция по международному торговому праву, после чего Цзян Цзэминь распорядился сделать лекции о законодательстве регулярными. С 1994 по 2002 г. было проведено 12 лекций.

В начале 2000-х по инициативе нового генсека Ху Цзиньтао было принято решение поставить организацию учебных занятий на регулярную и систематическую основу, частоту их проведения значительно увеличить, а тематику расширить. Первый семинар в современном формате состоялся 26 декабря 2002 г. Мероприятие было приурочено к 20-летию принятия Конституции 1982 г., на нем выступили два профессора-юриста. С тех пор ежегодно организовывается 8–10 семинаров. По состоянию на конец 2021 г., всего было проведено 155 учебных занятий, из них 77 под председательством Ху Цзиньтао и 78 — Си Цзиньпина (табл. 1).

Таблица 1. Количество учебных семинаров для членов Политбюро 16–19-го созывов

Созыв Политбюро	Годы	Число групповых учебных занятий
16	2002—2007	44
17	2007—2012	33
18	2012—2017	43
19	2017—2022	35 (на 31.12.2021)
Итого		155

Составлено автором по данным раздела «Новости КПК» на сайте газеты «Жэньминь Жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/>

Формат проведения. Систему проведения семинаров для членов Политбюро ЦК КПК можно считать полуформальной. С одной стороны, неизвестно о существовании документа, регламентирующего порядок их подготовки и проведения. С другой стороны, практика за 20 лет вполне устоялась и позволяет провести полноценный анализ по аналогии с другими общественно-политическими институтами.

По данным китайских источников, организацией семинаров занимается рабочая группа Канцелярии ЦК КПК совместно с Центром политических исследований при ЦК КПК, при содействии профильных по теме семинара отраслевых ведомств. Сначала по запросу из Политбюро или в инициативном порядке утверждается тема, в зависимости от нее подбираются несколько потенциальных докладчиков. Обычно это сотрудники ведущих университетов (25 % от всех спикеров), академических институтов (22 %), отраслевых институтов при партийных и государственных органах (13 %), различных госорганов и др. [3] Каждый из них готовит текст выступления и проводит пробную лекцию для рабочей группы организаторов. По итогам пробного выступления определяют основного докладчика, прочем учитывается как содержание, так и манера подачи материала. Выбранный в качестве основного докладчик затем дорабатывает текст в соответствии с замечаниями и проводит несколько репетиций. В среднем подготовительный период от утверждения темы до самого семинара составляет около трех месяцев. Докладчиков может быть не один, а несколько.

Семинары обычно проводятся в Чжуннаньхае (резиденция ЦК КПК в центре Пекина) во второй половине дня после заседания Политбюро. Председательствует генсек КПК, слушатели — члены Политбюро и приглашенные руководители отраслевых ведомств по теме семинара. С протокольной точки зрения интересна рассадка: столы расставлены двумя-тремя концентрическими овалами и полуовалами. Генеральный секретарь занимает место по центру самого «внутреннего» стола, напротив него сидит докладчик. Продолжительность семинара обычно составляет 2 часа, из них 60—90 мин выделяется на выступление докладчика, а 30 минут на вопросы и обсуждение. Докладчик обязан выступать по заранее утвержденному тексту лекции, а на вопросы отвечает свободно. После этого председатель подводит итоги. Семинар проходит в закрытом режиме, по итогам публикуется только сообщение в СМИ на основе завершающего выступления председателя. Текст основного доклада и выступлений во время фазы обсуждений недоступны для публики.

Изредка семинары проходят «на выезде». Например, семинар 30 сентября 2013 г. прошел в технопарке Чжунгуанцунь (г. Пекин), 25 января 2019 г. — в редакции партийной газеты «Жэньминь жибао». В обоих случаях это было связано с обсуждением соответствующей темы.

Часть учебных занятий проходит без внешнего спикера. В таком случае с основным докладом выступает либо сам генсек, либо несколько членов Политбюро. К примеру, Си Цзиньпин делал основной доклад на семинарах, организованных сразу после 18-го и 19-го съездов КПК, где изучались решения съездов. 28 января 2021 г. с докладами на тему задач новой пятилетки выступили четыре члена Политбюро, каждый по своим курируемым направлениям.

Тематика семинаров отличается значительной широтой и разнообразием по ключевым проблемам развития страны. По подсчетам китайских исследователей, чаще всего занятия посвящены партийно-государственному строительству (включая правую систему и идеологическую работу) и экономическому развитию. На эти две темы приходится 23 и 21 % от всех проведенных занятий соответственно. На третьем и четвертом месте находится развитие социальной сферы (14 %) и философско-историческая проблематика, включая изучение марксизма и истории КПК (13 %). Также обсуждаются международные отношения (8 %), нацбезопасность и оборона (6 %), наука и технологии (6 %), культура (включая «мягкую силу») и экология (по 5 %).

После прихода к власти Си Цзиньпина заметно увеличилась историческая и марксистская составляющая. К примеру, 3 декабря 2013 г. был проведен семинар на тему «Базовые принципы и методология исторического материализма», 23 января 2015 г. — «Базовые принципы и методология диалектического материализма». Часть семинаров посвящена значимым историческим датам. Например, лекция 30 июня 2015 г. — 70-летию окончания Второй мировой войны, 23 апреля 2018 г. — 170-летию Манифеста коммунистической партии, 19 апреля 2019 г. — 100-летию движения 4 мая. Также семинары регулярно проводятся 1 июля, в дату создания КПК.

Концептуальные истоки. В первом приближении систему учебных занятий для высших должностных лиц можно считать аналогом существующей во многих странах системы повышения квалификации госслужащих. Однако ее концептуальные истоки гораздо шире и включают в себя традиционное конфуцианство, марксистско-ленинский

научный материализм и западные методики корпоративного управления.

Одним из краеугольных камней марксизма как философской школы является материализм, постулирующий примат познания мира через научное изучение объективных законов его развития. Опора на эмпирику выступает в качестве главного способа общественного прогресса, а практика становится критерием истины. В этом смысле залогом успеха партии марксистов является не только политическая лояльность, но и постоянное повышение образовательного уровня, что и нашло выражение в максиме В.И. Ленина «Учиться, учиться и ещё раз учиться». Известна и фраза Мао Цзэдуна «У тех, кто не изучил ситуацию на месте, нет права голоса», он же многократно призывал членов непрестанно повышать свой образовательный уровень.

Морально-этические основы конфуцианства большое значение придают фигуре «мудреца», «ученого мужа», профессора-знатока. Носителям этой культуры свойственно уважение к знаниям, к образованию как главному социальному лифту. Достаточно характерен и распространенный идеал «просвещенного правителя», который сочетает в себе деловые лидерские качества и волю со знаниями и гуманизмом ученого.

Помимо этих двух достаточно понятных предпосылок, интересно использование китайскими идеологами при подготовке института партийного образования западных концепций системного корпоративного управления. В первую очередь, речь идет о методике проф. Питера Сенге (США), изложенной в его книге «Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации» (1990 г.) [13]. Её основная идея состоит в том, что успех на рынке способствует фирмам, понимающим, как использовать заинтересованность сотрудников и их способности к обучению. Главным навыком руководителя является системное мышление, которое позволяет соединять мозаику сиюминутных событий в четкую картину. В 1990-х годах эта идея попала в Китай и была использована для создания «по аналогии» концепции «обучающейся партии» (学习型政党). Впервые официально о ней упомянул в 2001 г. начальник орготдела ЦК Цзэн Цинхун, а в 2002 г. была опубликована первая посвященная ей статья в «Жэньминь жибао». С тех пор концепция «обучающейся партии» прочно вошла в идеологический лексикон применительно к системе партийного образования. Примечательно, что тогда же началось и систематическое проведение семинаров.

Значение. По мнению китайских политологов, проведение групповых учебных семинаров повышает сплоченность руководящего слоя и формирует общее понимание ситуации, показывает хороший пример опоры на экспертное знание для остальной партии и всего общества, укрепляет связь между управленцами и учеными, повышает социальный статус научного и экспертного сообщества. Члены Политбюро непосредственно принимают важнейшие решения, что повышает необходимость общего понимания ситуации, отсутствия разнобоя в подходах, предварительного согласования мнений по ключевым вопросам.

Групповые учебные занятия играют далеко не только учебную роль. Благодаря обязательному участию генсека они являются одной из важных платформ для обозначения на высшем уровне официальной позиции на определенную тему. Списка поручений по итогам семинара не принимается (по крайней мере, публично), но влияние на госполитику эти поручения оказывают. После проведения семинара следует реакция исполнительной власти, в том числе региональной, подтверждающей готовность воплощения заданных на семинаре установок в жизнь конкретными мерами. Выступления генсека на семинарах выкладываются на специальный сайт Отдела пропаганды ЦК КПК Хуехи.сн наравне с другими официальными речами, статьями и телеграммами генсека КПК. Очевидно, что эти позиции подготовлены заранее, а не формируются во время лекции и обсуждения.

Заключение. Проведение закрытых коллективных учебных занятий для высшего руководства страны является китайской политико-управленческой инновацией, характерным элементом его самобытного общественного строя. Эта тема достаточно малоизучена и ранее не становилась предметом отдельных исследований за пределами КНР. Насколько нам известно, подобные практики отсутствуют в других странах, в том числе и имеющих социалистическо-конфуцианский бэкграунд (Вьетнам, КНДР), не было подобного и в СССР. По большому счету, это последовательное воплощение на практике ленинских идей о постоянном повышении уровня подготовки руководящих кадров. Начало систематического проведения учебных семинаров связано с появлением в начале 2000-х и дальнейшим закреплением в китайской идеологической сфере концепции «обучающейся партии».

Коллективные учебные занятия для членов Политбюро можно рассматривать и как составной элемент системы коллективного руководства с китайской спецификой. Несмотря на очевидное укрепление

позиций Си Цзиньпина в качестве «ядра партии», система учебы не меняет свой групповой формат. Благодаря участию всего состава Политбюро площадка играет роль и с точки зрения подготовки следующего поколения руководителей. При этом информации о проведении аналогичных мероприятий на региональном уровне найти не удалось, что, вероятно, может иметь определенный политический смысл. Этот небольшой элемент политического механизма КНР достаточно характерен для китайской картины мира и вносит свой вклад в поддержание качества управления, а также повышение статуса ученых и экспертного знания среди руководителей всех уровней.

Библиографический список

1. 李亚男, 王久高. 中央政治局集体学习制度研究 [Ли Янань, Ван Цзюгао. Институт групповых учебных занятий членов Политбюро ЦК КПК]. 思想教育研究 [Идеология и образование]. 2019. № 12. С. 120—124.
2. 丁俊萍. 中国共产党学习型政党建设的历程及其特点 [Дин Цзюньпин. История и особенности развития КПК как «обучающейся партии»]. 中国井冈山干部学院学报 [Вестник партшколы Цзинганшань]. 2012. № 5 (1). С. 92—98.
3. 任红玉. 改革开放以来中央政治局集体学习制度研究作 [Жэнь Хуньюй. Институт групповых учебных занятий членов Политбюро ЦК КПК после начала реформ и открытости]. 山东财经大学硕士学位论文 [Шаньдунский университет экономики и финансов. Магистерская диссертация]. 2021. 79 с.
4. 邵铃. 新世纪以来中共中央政治局集体学习制度研究 [Шао Лин. Институт групповых учебных занятий членов Политбюро ЦК КПК в новую эпоху]. 西南科技大学硕士学位论文 [Юго-Западный университет науки и технологий. Магистерская диссертация]. 2021. 70 с.
5. 许凌飞. 中共中央政治局集体学习制度研究—基于国家学习与适应能力视角 [Сюй Линфэй. Институт групповых учебных занятий членов Политбюро ЦК КПК с точки зрения адаптационных и учебных возможностей государства]. 上海师范大学硕士学位论文 [Шанхайский педагогический университет. Магистерская диссертация]. 2012. 81 с.
6. На коллективной учебе Политбюро ЦК КПК подчеркнуло необходимость продолжать изучать и овладеть законами социалистической модернизации // «Жэньминь Жибао» он-лайн. 10.09.2009 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6753511.html> (дата обращения: 10.03.2022).
7. Ломанов А.В. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований // Вестник РАН, 2020, Т. 90. № 2. С. 103—112. DOI: 10.31857/S0869587320020073
8. Константин Ремчуков: Китай отходит от многополярного мира в направлении биполярного // Независимая газета. 15.02.2021 г. URL: https://www.ng.ru/monitoring/2021-02-15/8_8083_monitoring.html (дата обращения: 10.03.2022).

9. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 1977. URL: <https://gramdict.ru/preface1#singularia-tantum> (дата обращения: 10.03.2022).
10. Значение слова УЧЁБА в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=81788> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Значение слова СЕМИНАР // Большой российский энциклопедический словарь. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy-rus/1743275.html> (дата обращения: 10.03.2022).
12. 陈思, 田雪鹰. 毛泽东组织的一次特殊读书活动 [Чэнь Сы, Тянь Сюэин. Как Мао Цзэдун однажды организовал особое учебное мероприятие]. «Жэньминь Жибао» он-лайн. 28.04.2018. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2018/0428/c85037-29956080.html> (дата обращения: 10.03.2022).
13. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика обучающейся организации. М.: Из-во «Манн, Иванов и Фербер», 2018. 496 с.

References

1. 李亚男, 王久高. 中央政治局集体学习制度研究 [Li Yanan, Wang Jiugao. Research on the collective study system of the Central Politburo]. 思想教育研究 [Studies in Ideological Education]. 2019.12. P. 120—124.
2. 丁俊萍. 中国共产党学习型政党建设的历程及其特点 [Ding Junping. The Process and Characteristics of the CPC Building the Learning Party]. 中国井冈山干部学院学报 [Journal Of China Executive Leadership Academy Jinggangshan]. 2012. 5(1). 92—98 p.
3. 任红玉. 改革开放以来中央政治局集体学习制度研究作 [Ren Hongyu. Research on the Collective Learning System of the Political Bureau of the Central Committee since Reform and Opening]. 山东财经大学硕士学位论文 [A Dissertation for the Master's Degree. Shandong University of Finance and Economics]. 2021. 79 p.
4. 邵铃. 新世纪以来中共中央政治局集体学习制度研究 [Shao Ling. Research on the Collective Study System of the Political Bureau of the CPC Central Committee in the New Century]. 西南科技大学硕士学位论文 [A Dissertation for the Master's Degree. Southwest University of Science and Technology]. 2021. 70 p.
5. 许凌飞. 中共中央政治局集体学习制度研究—基于国家学习与适应能力视角 [Xi Lingfei. A Study on the Collective Learning System of the Political Bureau of the Central Committee CPC — National Learning and Adaptive Capacity Perspective]. 上海师范大学硕士学位论文 [A Dissertation for the Master's Degree. Shanghai Normal University]. 2012. 81p.
6. Na kollektivnoj uchebe Politbjuro CK KPK podcherknulo neobhidimost' prodolzhat' izuchat' i ovladet' zakonami socialisticheskoy modernizacii [At the collective study, the Politburo of the CPC Central Committee stressed the need to continue to study and master the laws of socialist modernization] // Renmin Ribao Online. 10.09.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6753511.html>. Date of Access: 10.03.2022.
7. Lomanov A.V. Sovremenniy Kitai: vnutrennie i vneshnie vyzovy na novom etape preobrazovaniy [Modern China: Internal and External Challenges at a New Stage of Reforms] // Vestnik RAN [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 2. С. 103—112. DOI:10.31857/S0869587320020073

8. Konstantin Remchukov: Kitai otkhodit ot mnogopolyarnogo mira v napravlenii bipolyarnogo [Konstantin Remchukov: China is moving away from a multipolar world toward a bipolar world] // Nezavisimaya gazeta. 15.02.2021 г. URL: https://www.ng.ru/monitoring/2021-02-15/8_8083_monitoring.html Date of Access: 10.03.2022.

9. A.A. Zaliznyak. Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka [Russian Grammar Dictionary]. 1977. URL: <https://gramdict.ru/preface1#singularia-tantum> Date of Access: 10.03.2022.

10. Znachenie slova UCHEBA v Tolkovom slovare russkogo yazyka D.N. Ushakova [Meaning of the word STUDY in the D.N. Ushakov's Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=81788> Date of Access: 10.03.2022.

11. Znachenie slova SEMINAR // Bol'shoi rossiiskii entsiklopedicheskii slovar'. [The meaning of the word SEMINAR // The Big Russian Encyclopedic Dictionary] 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy-rus/1743275.html> Date of Access: 10.03.2022.

12. 陈思, 田雪鹰. 毛泽东组织的一次特殊读书活动 [Chen Si, Tian Xueying. A special reading activity organized by Mao Zedong]. Renmin Ribao Online. 28.04.2018 г. URL: <http://dangshi.people.com.cn/n1/2018/0428/c85037-29956080.html> Date of Access: 10.03.2022.

13. Peter Senge. The Fifth Discipline: The Art and Practice of the Learning Organization. Random House Business Books. 2006. 445 p.

Р.М. Зиганьшин

ТРАДИЦИИ И МОДЕРН В ИДЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

Аннотация. Китай всей своей историей показывает важность взаимосвязи традиции и модерна в жизни государства и общества. В каждом обществе, в самой его природе существуют две прямо противоположные тенденции: стремление к сохранению традиций и стремление к модернизации, обновлению. Они, как две стороны одной медали, как Инь и Ян, существуют в неразрывном единстве. Определяют и обуславливают само существование и историческое развитие различных обществ и государств. Важно сохранять между ними равновесие и гармонию. Крен в любую сторону влечет за собой нежелательные последствия в виде, например, различных социальных брожений и потрясений. Любая крайность чревата появлением своей противоположности. Например, времена разгула всяких вольностей и анархии сменяются, как правило, закручиванием гаек и подавлением прав и свобод. Как и, наоборот, жесткий тоталитаризм, авторитаризм чреват анархией и беспорядками, поскольку то и другое в своих крайних формах вызывает в обществе социальный протест и потребность в противоположном явлении. Здесь мы видим проявление вселенского универсального закона, характерного в том числе и для традиционной китайской философии, по которому противоположности порождают и взаимно обуславливают друг друга.

Китай своим примером показывает России и всему миру, как нужно проводить реформы и решать внутренние и внешние проблемы. В настоящее время всё больше усиливается интерес всего мира к Китаю. Это связано с гигантскими темпами его развития, поражающими успехами в экономике, международной политике, диплома-

тии. Хотя начинал Китай свои реформы и преобразования в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина с гораздо худших стартовых позиций, чем СССР под руководством М.С. Горбачева в 1985 г. Реформы последнего (по мнению автора, давно назревшие к тому времени, но запоздалые, к тому же во многом безграмотно организованные) привели к полному краху великой страны! Сейчас же значение Срединной империи в мировых процессах выросло настолько, что, даже стараясь внешне оставаться на вторых ролях, Китай давно бросил вызов мировому гегемону — Соединенным Штатам, наряду с Россией став одной из основных «проблем» США и все больше вызывает их «обеспокоенность».

Ключевые слова: Китай, традиция, модернизация, государство, общество, марксизм, маоизм, конфуцианство.

Автор: *Зиганшин Ринат Махматович*, кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: rinatzigan@mail.ru

TRADITIONS AND MODERNISM IN IDEOLOGY AND CHINA'S MODERN POLITICS

Abstract. China's entire history shows the importance of the relationship between tradition and modernity in the life of the state and society. In every society, in its very nature, there are two directly opposite tendencies: the desire to preserve traditions and the desire for modernization, renewal. They are like two sides of the same coin, like Yin and Yang exist in inseparable unity. Determine and condition the very existence and historical development of various societies and states. It is important to maintain balance and harmony between them. A roll in any direction entails undesirable consequences in the form of, for example, various social fermentations and shocks. Any extreme is fraught with the appearance of its opposite. For example, the times of rampant liberties and anarchy are replaced, as a rule, by tightening the screws and suppression of rights and freedoms. As on the contrary, rigid totalitarianism, authoritarianism is fraught with anarchy and unrest, since both in their extreme forms cause social protest in society and the need for the opposite phenomenon. Here we see the manifestation of the universal law, characteristic including and for traditional Chinese philosophy, according to which opposites generate and mutually condition each other.

China, by its example, shows Russia and the whole world how to carry out reforms and solve internal and external problems. Currently, the interest of the whole world in China is growing more and more, this is due to the gigantic pace of its development, amazing successes in the economy, international politics, and diplomacy. Although, China began its reforms and transformations from much worse starting positions in 1978 under the

leadership of Deng Xiaoping than the USSR under the leadership of Mikhail Gorbachev in 1985. Whose reforms (I think long overdue by that time, but belated, besides largely illiterate organized) led to the complete collapse of a great country! Now, the importance of the Middle Empire in world processes has grown so much that, even trying to outwardly remain on the sidelines, China has long challenged the world hegemon — the United States. Which, along with Russia, has become one of his main “problems” and is increasingly causing him “concern”.

Keywords: China, tradition, modernization, state, society, Marxism, Maoism, Confucianism.

Author: *Ziganshin Rinat M.*, Ph.D. (Philosophy), Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: rinatzigan@mail.ru

Проблема соотношения традиций и инноваций в свете модернизационной теории имела долгое время ряд стандартных решений. Они состояли в том, чтобы:

во-первых, признать в традиционном обществе наличие господства традиций над инновациями, а также необходимости отказа от возможных инноваций там, где они препятствуют сохранению традиции. Традиционные общества — это общества, основанные на воспроизводстве посредством традиций и воспроизводстве самих традиций;

во-вторых, заключить, что модернизация Запада была связана с естественно-историческим ростом инноваций и в конечном счете с преобладанием инноваций над традициями и формированием самой традиции к получению постоянных инноваций. Уже само инновационное развитие Запада стало его прочной традицией. Раньше Запад был традиционный, ориентированный на Бога и судьбический космос. Ныне Запад — инновационный, но превративший инновации в традицию;

в-третьих, утверждать, что в XXI в. новой инновацией стало вступление в модернизацию многих незападных стран. Россия, Мексика, Турция, Япония, Китай и прежде находились в этом процессе, но он осуществлялся по модели догоняющей Запад модернизации, в которой собственная культура, сохраняющая черты традиционности, воспринималась как препятствие тому, чтобы догнать Запад и стать современным государством. Новым в XXI в. стал отказ от модернизации незападных стран в форме догоняющей Запад модели и переход к признанию значимости культуры и традиций этих модернизирующихся стран для их дальнейшего развития, влияния традиций на ха-

ракти и темпы модернизации и понимание современности (модерна) сегодня [8].

Одним из первых исследователей, обратившим внимание на распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью, был выдающийся социолог и антрополог Ш. Айзенштадт. Он выявил следующие дихотомии модернизации: свобода и авторитарность; стабильность и преемственность; революционность и постепенность; социальная рациональность модерна, пришедшая с Просвещением в Европе, и культурные ориентации и ценности традиций религиозного или мистического опыта. По Айзенштадту, традиция обозначает различные аспекты социальной структуры, поведения индивидов, верований и культурных представлений, способы легитимации социополитического порядка, характер восприятия социальной и культурной реальности, принципы устроения крупных социальных и политических систем. Э.А. Паин считает ошибочным прямое противопоставление традиций и инноваций, и не только потому, что современные общества включают в себя многие традиционные элементы: традиционные общества, в свою очередь, нередко обладают такими чертами, которые потом считаются современными. Кроме того, сама модернизация нуждается в опоре на традицию, поскольку традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация [8]. Опыт модернизации китайского образца свидетельствует о стремлении к выработке в незападных обществах своих собственных моделей капитализма (социализма) и подтверждает тезис о важности традиции при осуществлении модернизации, так как «верность базовым цивилизационным основам общества позволяет сохранить его идентичность, смягчает для народа трудности крутых перемен, а использование имеющегося исторического опыта облегчает для власти проведение модернизации» [9, с. 37].

Представления о своих корнях, традиционных ценностях воплощены, как правило, в разного рода идеях, идеологиях, религиозных учениях. Они, несомненно, содержат в себе значительную долю истины, знаний, накопленных предшествующими поколениями. И здесь у людей возникает в голове противоречие между какой-либо идеей как воображаемой модели описания мира или мечты и существующей реальностью, которая, несомненно, требует осмысления. Это влечет за собой переосмысление, пересмотр существующих идей, многие из которых стали к тому времени догмами. В.Г. Буров отмечает стремление к антидогматизму, объединяющее если не всех, то большинство

современных ему китайских философов [3, с. 95—96]. В Китае считают, что не может существовать единый, универсальный, безотносительно от места и времени, марксизм; что каждая историческая форма марксизма представляет собой относительную истину, которая содержит в себе элементы истины абсолютной, но не сводится к ней. Видный китайский философ Син Фэньсы отмечал, что «не следует цепляться за каждую фразу в произведениях классиков марксизма, заявлять, что все, что сказано в них, является истиной. Подобный подход не только наносит ущерб социалистическому развитию нашей страны, но и подрывает авторитет марксистской философии, способствует появлению сомнений в ее творческом характере. Марксистская философия не может исчерпать всю истину, она всего лишь открывает человечеству дорогу для дальнейшего познания истины. Марксизм не признает существования некоей абсолютно неизменной вечной истины, а рассматривает истину как процесс, это, конечно, абсолютно применимо и по отношению к философии, которую он включает в себя» [3, с. 96—97].

В.Г. Буров вспоминает: «Как-то один уханьский философ взял ручку и написал прямо у меня в тетради следующую фразу “Маркс, Энгельс, Ленин — люди, а не боги”, давая тем самым понять, что нельзя превращать марксизм в новую религию. Незыблемыми являются “четыре основных принципа” — строительство социализма, демократическая диктатура народа, руководящая роль коммунистической партии, господство марксистской идеологии, здесь какие-либо отклонения от общей линии не допускаются. Все остальное можно и нужно обсуждать, неоднократно подчеркивали в беседах со мной мои китайские коллеги. И действительно, нельзя не отдать должное теоретической смелости китайских обществоведов, в частности экономистов. Они по-новому ставят вопрос о роли рынка, общественной, кооперативной, индивидуальной, частной собственности и т. п. в условиях социализма» [3, с. 98].

Здесь автор поставил бы очень важный вопрос: почему для таких стран с сильными традиционными устоями, как Китай и Россия оказалась так привлекательна идея революции (в том числе мировой, перманентной) и чужеродные западные идеи марксизма соответственно в ленинской и маоистской интерпретации? Казалось бы, чем сильнее в какой-либо стране традиционные ценности, тем сложнее в нее внедрить какие-нибудь радикальные идеи. Но недавний исторический опыт Китая и России это опровергает! Синьхайская революция 1911 г. в Китае и Октябрьская революция 1917 г. в России нашли

огромное количество сторонников, впрочем, как и немало противников. Но главное, что революционные идеи там и там овладели умами значительной доли интеллигенции. Ответ на вопрос видится в том, что как, это ни парадоксально, тяга к традиционным ценностям нисколько не противоречит тяге к революциям. То и другое находится в архетипах и архаическом сознании как соотношение Хаоса и Космоса: Хаос служит для исправления «неправильного» Космоса. В традиционных обществах тем более достаточно сильны хилиастические настроения — ожидания времени «торжества правды Божьей на земле». Это характерно для христианской цивилизации, такие настроения можно проследить и в некоторых исламских течениях, например ожидания пророка Махди, что в традиционном Исламе суннитского толка считается ересью. В традиционных обществах, не связанных с авраамическими религиями, привлекают учения, меняющие ориентацию «Золотого века» с прошлого на будущее. Причем на скорое будущее! Так статичные цивилизации меняются на динамичные, у которых «Золотой век» в представлениях людей из идеального, но недостижимого прошлого оказывается во вполне достижимом будущем. Идеи справедливости, свободы, равенства, братства будут востребованы в любом обществе, в любое время. Люди готовы идти за «пророком», проповедующим новое учение — религиозное или светское, которое все это обещает. Для достижения счастья и построения нового лучшего мира необходимо разрушить мир старый «до основания, а затем...». Но потом, как правило, приходит разочарование и возврат к исконным традициям. Здесь выступают в сознании людей, точнее в коллективном бессознательном, другие архетипы — исторические аналоги прошлого. Это некие хилиастические милленаристские ожидания прихода царства всеобщей справедливости и счастья. Исследователи, занимавшиеся проблемой утопий и социальной справедливости в Англии революционного времени — Т.А. Павлова, Э. Бернштейн, У. Шенк и др. указывали на тесную связь идущих из средних веков милленаризма и революции как попытки преодоления социальных проблем: неравенства, несправедливости и т. п. Именно в милленаристских воззрениях лежат основы многих проявившихся впоследствии социальных, а зачастую и политических протестов [1, с. 235—236].

Одна из характерных особенностей китайской культуры — это формирование социально гармонического порядка вещей, которое имманентно уже предполагает устойчивость, истинность и категоричность в истолковании её сущности (или хотя бы видимость её), что

придаёт идее или социальному порядку статус непреходящей ценности, чаще всего моральной. Большое значение в этом смысле имеют традиции конфуцианства, *во-первых*, как одно из наиболее ранних социально-политических учений, которое лежало у истоков формирования традиционных ценностей китайской цивилизации; *во-вторых*, долгое время конфуцианство было официальной идеологией государства и оставило глубокий отпечаток в культуре КНР, в силу своей специфики оказав влияние на формирование общественных институтов, отношение к политической власти и государству, представление китайцев о социальном устройстве своего общества и в конце концов на образование, письменность и литературу, являясь основой подготовки государственного служащего; *в-третьих*, конфуцианство было некой матрицей, лежащей в основе духовного мира китайской цивилизации, источником моральных и правовых норм [2].

Мао Цзэдун, объявивший войну традиционным ценностям, призывающий «бить Конфуция как крысу, перебегающую дорогу», тем не менее оставался плоть от плоти конфуцианцем. Например, в его политической кампании по «исправлению стиля» можно увидеть влияние одного из главных положений Конфуция в управлении государством и обществом — «Об исправлении имён». В его фразе «Поставить древность на службу современности» также прослеживаются конфуцианские идеи. В настоящее время китайские авторы признают, что был выбран неправильный подход к китайской традиционной культуре, рассматривавший её как препятствие на пути модернизации. Например, Линь Яньмэй отмечает: «Мы подвергали национальные культурные традиции медленному уничтожению, нападкам, осмеянию, развёртывали против них широкомасштабные кампании... тем самым был нанесён громадный ущерб ресурсам китайской традиционной культуры... в сфере общественного сознания и культурном строительстве в различной степени были разрушены многие духовные ценности, имеющие общечеловеческий характер» [5, с. 142].

Конфуцианство рассматривается в Китае как основа, а западная наука носит лишь сугубо прикладной характер. Фэн Гуйфэнь считал необходимым укрепить в стране конфуцианский порядок, а из западных наук заимствовать лишь то, что, по его мнению, способствовало силе и могуществу Запада. В то же время он подчёркивал морально-этическое превосходство китайцев над иностранцами. В своём сочинении «О стремлении к западному знанию» он писал, что сформулированные в Китае в давние времена принципы священного учения Конфуция являются основой любых знаний и что в настоящее время

следует освоить лишь ту технику, которая позволила западным державам достичь богатства и военного могущества [7, с. 209].

Китайские авторы подчёркивают, что традиционная культура нужна не только для решения внутренних задач укрепления общественной морали и построения гармоничного общества, но и для создания нового мирового порядка. Они считают, что «китайская традиционная культура с конфуцианской культурой в качестве основы является культурой, обладающей всеобщими ценностями». Её вкладом в формирование всеобщих ценностей может стать общественная этика, идеал великого единения, дух ответственности и идеи гармонии [6, с. 175]. Традиционная культура также становится частью комплексной национальной мощи Китая, обеспечивающей стране не только аргументы для внешней пропаганды, но и защиту от нежелательного внешнего проникновения. Ожидания роста давления со стороны западной культуры в ближайшие десятилетия побуждают китайскую элиту использовать национальную культуру в качестве защитного зaslona.

Одной из основных задач еще 4-го Пленума ЦК КПК 16-го созыва являлась проекция культуры Китая во внешний мир. Китайским руководством тогда был провозглашен призыв: «Укреплять комплексную силу культуры Китая, продвигать китайскую культуру, еще лучше выходить в мир, повышать ее международное влияние» [4, с. 11]. Теория «мягкой силы» основывается на том, что современные государства способны добиваться желаемых результатов во внешней политике при помощи духовной и материальной культуры, общественно-политических принципов, качества проводимой внешней и внутренней политики и т. д. Эти факторы формируют своеобразную «матрицу убеждений» через систему ценностей, которая при правильном использовании безотказно работает на повышение привлекательности имиджа страны, формирует особый ресурс, определяемый Дж. Наем как «мягкая сила». Она характеризуется политологом тремя основными компонентами: культурой, политической идеологией, внешней политикой и дипломатией.

Китай на пути модернизации не пошел слепо ни по советскому варианту, ни по западному. Взяв из того и другого самое лучшее, приемлемое для себя, он под руководством Дэн Сяопина стал строить «социализм с китайской спецификой», в котором было настолько мало от марксистско-ленинских догм, что это в свое время вызывало настоящую истерику у наших советских идеологов. В этом социализме была разрешена частная собственность на средства производства,

коммунистам разрешили заниматься предпринимательской деятельностью. Отношения между СССР и КНР были испорчены еще при Мао Цзэдуне, реформы же Дэн Сяопина дали дополнительный толчок антикитайской истерии в наших советских сми, которые автор хорошо помнит. Китайских коммунистов обвиняли в оппортунизме, ревизионизме, национализме, предательстве идеалов коммунизма и т. д. Обвинения, впрочем, были взаимные. Потом оказалось, что это Китай шел правильным путем, а СССР, придя к глубокому политическому и экономическому кризису, развалился. Внешний фактор, несомненно, в этом присутствовал, но если бы у СССР была бы такая же мягкая мощь в виде традиций государственного управления, культуры, как у Китая, который, кстати, тоже пытались развалить извне, сценарий развития Новой России был бы совсем иной.

Сейчас трудно поверить, что в Китае на фоне отставания от Запада и обидных от него поражений были в свое время популярны идеи полного отказа от своей культуры и полного перенимания культуры западной. Наверно этим нужно было переболеть, пройти потрясения и суровые испытания, чтобы найти свой путь взаимоотношений, гармонии традиции и модернизации.

Библиографический список

1. Балушкина Екатерина. От средневекового миллениаризма к революционной утопии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 13. (114). С. 235—247.
2. Бояркина А.В. Идеи конфуцианства в государственной идеологии КНР // Россия и АТР. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-konfutsianstva-v-gosudarstvennoy-ideologii-knr> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФРАН, 2000. С. 95—96.
4. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050: стратегия соразвития. М.: ИНЭС, 2006. 656 с.
5. Линь Яньмэй. Формирование культуры гармоничного социалистического общества // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 131—145.
6. Ломанов А.В. Традиционное наследие и политика КНР в сфере культуры // XVIII всероссийская конференция «Философии восточно-азиатского региона и современная цивилизация». Информационные материалы. Серия Г. Выпуск 19. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 167—177.
7. Новая история Китая. М.: Наука, 1972. 636 с. С. 209—210.

8. Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-i-traditsiya> (дата обращения: 20.04.2022).

9. Яковлев А. Страны Востока: конец модернизации и выбор цели развития // Азия и Африка сегодня. 2008. № 6. С. 36—39.

References

1. Balushkina Ekaterina. Ot srednevekovogo millenarizma k revolyucionnoj utopii [From medieval millenarianism to revolutionary utopia] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazy'koznanie. Kul'turologiya. 2013. № 13 (114). P. 235—247.

2. Boyarkina A.V. Idei konfucianstva v gosudarstvennoj ideologii KNR [Ideas of Confucianism in the State Ideology of the People's Republic of China] // Rossiya i ATR. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idei-konfucianstva-v-gosudarstvenn-oy-ideologii-knr> (date accessed: 28.03.2022).

3. Burov V.G. Kitaj i kitajcy glazami rossijskogo uchenogo [China and the Chinese through the eyes of a Russian scientist]. Moscow, 2000. P. 95—96.

4. Kuzyk B.N., Titarenko M.L. Kitaj — Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya [China — Russia 2050: co-development strategy]. Moscow, 2006. 656 p.

5. Lin Yangmei. Formirovanie kul'tury' garmonichnogo socialisticheskogo obshhestva [Formation of the culture of a harmonious socialist society] // Problemy' Dal'nego Vostoka. 2008. № 1. P. 131—145.

6. Lomanov A.V. Tradicionnoe nasledie i politika KNR v sfere kul'tury' [Traditional heritage and policy of the PRC in the sphere of culture] // XVIII vsrossijskaya konferenciya «Filosofii vostochno-aziatskogo regiona i sovremennaya civilizaciya». Informacionny'e materialy'. Seriya G. Vy'pusk 19. Moscow, 2013. P. 167—177.

7. Novaya istoriya Kitaya [New history of China]. Moscow, 1972. 636 p. P. 209—210.

8. Fedotova V.G. Modernizaciya i tradiciya [Modernization and tradition] // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-i-traditsiya> (date accessed: 20.04.2022).

9. Yakovlev A. Strany' Vostoka: konec modernizacii i vy'bor celi razvitiya [Countries of the East: the end of modernization and the choice of development goals] // Aziya i Afrika segodnya. 2008. № 6. P. 36—39.

А.В. Пиковер

ПОЗИЦИЯ КПК ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНФОРМАТИЗАЦИИ КАК ОДНОМУ ИЗ ВЕДУЩИХ ПРИВODOB МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

Аннотация. Информатизация является одной из наиболее динамично развивающихся и финансово поддерживаемых отраслей в Китае. В отчётном докладе Ху Цзиньтао на состоявшемся в 2012 г. XVIII съезде КПК указано, что существует четыре наиболее важных способа модернизации страны: информатизация, урбанизация, индустриализация и модернизация сельского хозяйства. Руководство КНР поощряет развитие информатизации, использует информационные технологии для улучшения своей работы. Партийная номенклатура давно активно осваивает сетевые информационные технологии, понимая их роль и значение в контроле и управлении обществом. Интернет и современные технологии пользуются большой популярностью в крупных городах. Государственная политика направлена на распространение использования информационных технологий в малых городах и селах. Таким образом, развитие информатизации в огромной степени зависит от мотивации и поддержки политического руководства страны.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, Си Цзиньпин, цифровая экономика, информатизация, модернизация, Интернет+, Искусственный интеллект+.

Автор: *Пиковер Александр Владимирович*, старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-1266-0909; E-mail: pikover@mail.ru

THE CPC'S POSITION ON THE INFORMATIZATION AS ONE OF THE LEADING DRIVERS OF THE COUNTRY'S MODERNIZATION

Abstract. Informatization is one of the most dynamically developing and financially supported industries in China. Hu Jintao's report at the XVIII CPC Congress held in 2012 indicated that there are four most important ways to modernize the country: informatization, urbanization, industrialization, and modernization of agriculture. The leadership of the People's Republic of China encourages the development of informatization, uses information technology to improve its work. The party nomenclature has been actively mastering network information technologies for a long time, understanding their role and importance in the control and management of society. The Internet and modern technologies are very popular in big cities. The state policy is aimed at spreading the use of information technologies in small towns and villages. Thus, the development of informatization depends to a great extent on the motivation and support of the political leadership of the country.

Keywords: China, PRC, CPC, Xi Jinping, digital economy, informatization, modernization, "Internet+", "Artificial Intelligence+".

Author: *Pikover Alexander V.*, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1266-0909; E-mail: pikover@mail.ru

Высшее руководство КНР уделяет огромное внимание информатизации и отдает себе отчет в том, сколь велика ее роль в модернизации страны. Достаточно сказать, что в Отчетном докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (далее — Доклад) [1] в той части, где говорилось о четырех видах модернизации — индустриализации, урбанизации, модернизации сельского хозяйства и информатизации, «информатизация» упомянута 18 раз, Интернет — восемь раз, а суперкомпьютер — один раз; итого реалии информатизации упомянуты 27 раз, занимая ключевую позицию среди четырех «модернизаций» [2].

В Докладе, в частности, указывается: «Неизменно следовать путем социализма с китайской спецификой по пути индустриализации нового типа, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства; продвигать связку индустриализации и информатизации, позитивную взаимозависимость индустриализации и урбанизации, взаимную согласованность урбанизации и модернизации сельского хозяйства; стимулировать синхронное развитие индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства» — то есть «четыре новые модернизации». Среди синхронно раз-

виваемых «четырёх новых модернизаций» доля контента, относящегося к информатизации, особенно выросла, а это свидетельствует о том, что информатизация поднята до уровня государственной стратегии.

Таблица 1. Частота упоминаний терминов «четырёх новых модернизаций» («四个化» — «Сы гэ хуа») в Докладе Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК

Индустриализация	Информатизация	Урбанизация	Модернизация сельского хозяйства	Итого
10	27	10	5	52
19,23 %	51,92 %	19,23 %	9,62 %	100 %

Источник: URL: <http://www.chinaeg.gov.cn/show-4342.html>

Более конкретный количественный контент анализ, иллюстрирующий вышесказанное, можно видеть в табл. 1.

Из таблицы видно, что на долю информатизации пришлось 52 %: намного больше, чем у индустриализации и урбанизации (по 19 %), а также модернизации сельского хозяйства (9,6 %).

Информатизация упомянута в 2/3 разделов Доклада (всего 12 частей), тогда как индустриализация и урбанизация — в 1/3 частей, а модернизация сельского хозяйства — в 1/6 разделов.

Информатика или информатизация неоднократно упомянуты в Докладе, что говорит о крайне важной их роли в модернизации страны. Информатизация затронута в 1, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11-й главах Доклада, итого в восьми частях.

Таким образом, видно, что информатизация уже затронула все стороны общественно-экономического развития страны и является стимулятором трех прочих «модернизаций».

XVIII съезд КПК указал: посредством «расширения использования сетевых технологий, неизменно следовать путем социализма с китайской спецификой по пути индустриализации нового типа, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства; укреплять и развивать связь индустриализации и информатизации, позитивную взаимозависимость индустриализации и урбанизации, взаимную согласованность урбанизации и модернизации сельского хозяйства; стимулировать синхронное развитие индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства»; реализовать задачи по «масштабному подъему уровня информа-

тизации» [1]. Определены предстоящие потребности информационного строительства в области экономики, политики, культуры, социальной сфере и экологии, связанные с реализацией задач в сфере информатизации, требует «усиления управления сетевым сообществом, продвижения нормативного упорядочивания функционирования Сети».

Знаковым событием в национальной информатизации КНР явилась публикация 9 января 2014 г. в Пекине Доклада об оценке уровня развития информатизации в Китае в 2013 году (2013 нянь Чжунго синьсихуа фачжань шуйпин пингу баогао) [3], который показал быстрое продвижение развития информатизации национальной экономики и социума. Все отрасли и области экономики и социума проявили тенденцию к стремительной информатизации, при этом Национальный индекс развития информатизации (см. Дополнение в конце главы) / (全国信息化指数) [4] поднялся с 52,94 в 2010 г. до 74,84 в 2012 г., в среднем вырастая за год на 18,9 %. Данное исследование показало также, что производственные структуры Китая находятся на этапе стремительного преобразования. Произошедшие качественные изменения уровня применения средств информатизации обеспечили зримый скачок социально-экономического развития страны. Эксперты указывают на то, что созданные новым поколением телекоммуникационных технологий информационные возможности в настоящий момент превратили информатизацию в важнейшую силу всестороннего построения общества всеобщего достатка, а также модернизации системы государственного управления и самого потенциала управления.

На пресс-конференции по случаю публикации Доклада об оценке уровня развития информатизации в Китае в 2013 г. председательствовал заместитель министра промышленности и информатизации Ян Сюэшань. В мероприятии приняли участие руководящие работники различных китайских ведомств — Министерства промышленности и информатизации, Министерства образования, Министерства людских ресурсов и социальной защиты, Минсельхоза, Минкоммерции, Банка Китая, ГСУ, Управления по авторским правам, ответственные лица компетентных структур, курирующих промышленность и информатизацию из 31 провинции, городов центрального подчинения и автономных районов, а также соответствующих исследовательских структур, общим числом 100 человек. Для реализации духа решений XVIII съезда КПК и стимулирования развития информатизации Департамент стимулирования информатизации Министерства промыш-

ленности и информатизации поручил НИИ развития информационной отрасли и ряду других подразделений разработать систему индексирования и оценки уровня информатизации, рассчитать и оценить уровень информатизации в Китае за период 2010—2012 гг., а также опубликовать упомянутый Доклад.

Соответствующие данные показали, что средний уровень информатизации в восточных провинциях лидирует по отношению к провинциям центральным и западным, при этом разрыв между центральными и западными регионами невелик.

В последние три года инфраструктура информационных сетей серьезно продвинулась, цифровые показатели степени готовности Сети оказались выше, чем показатели применения телекоммуникационных технологий и показатели эффективности их применения. **Скорость роста уровня информатизации оказалась напрямую связанной и прямо коррелирующей с государственной политикой стимулирования информатизации.** В области сетевого инфраструктурного строительства происходит мощное государственное сопровождение и продвижение проектов «строительства 3G сетей», «ускорения расширения широкополосного Интернета». Коэффициенты ввода оптоволокна в дома потребителей, расширения стационарных широкополосных сетей, мобильных широкополосных сетей, скорость стационарных широкополосных портов и прочие соответствующие показатели резко возросли. Одновременно значительно углубилась связка информатизации и индустриализации, зримо прибавили показатели применения информатизации на предприятиях. В области информатизации социума за три года повсеместными стали карты соцобеспечения, электронная коммерция, платёжные карты системы UnionPay и т. д. Таким образом, информатизация в социальной области также продемонстрировала относительно высокие темпы.

Исходя из конкретных цифр, с 2010 г. показатели готовности общенациональной информационной сети выросли с 51,1 в 2010 г. до 84,15, с ежегодным приростом в 28,3 %. Общенациональный индекс применения телекоммуникационных технологий вырос с 51,43 в 2010 г. до 70,55 в 2012 г., с ежегодным приростом в 17,1 %. В сфере применения информатизации на предприятиях индекс вырос с 49,76 в 2010 г. до 61,78 в 2012 г., с ежегодным приростом 11,43 %. В e-Government, где одной из главных целей является прозрачность управления, индекс вырос с 47,66 в 2010 г. до 63,92 в 2012 г., с ежегодным приростом 15,8 %. Индекс использования средств информатизации гражданами вырос с 54,16 в 2010 г. до 78,26 в 2012 г., с еже-

годным приростом в 20,21 %, что явилось самым высоким из индикативных показателей. Эффективность использования информатизации поднялась с 54,16 в 2010 г. до 63,92 в 2012 г., с ежегодным приростом в 12 % [4].

Одновременно явно проявился уровень информатизации в каждой провинции и отдельном городе. По состоянию на 2012 г. индекс информатизации выше 90 оказался в основном сконцентрирован в восточных экономически развитых регионах, включая Шанхай, Пекин, Чжэцзян, Тяньцзинь, Цзянсу, Фуцзянь, Гуандун. Индекс информатизации регионов 80—90 оказался в никем не заполненном разрыве. Индекс информатизации 70—80 продемонстрировали Шаньдун, Хубэй, Шэньси, Ляонин, Хайнань, Шаньси. Регионы с индексом информатизации между 60 и 70 сконцентрированы главным образом в Центральном и Западном Китае: это Хэбэй, Гуньси, Цзилинь, Сычуань, Аньхуй, Синьцзян, Цзянси, Чунцин, Внутренняя Монголия, Юньнань, Хэйлунцзян, Хунань, Ганьсу, Хэнань, Цинхай [4].

27 февраля 2014 г. в Пекине под председательством новоизбранного генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина прошло первое заседание [5] учрежденной руководством страны Центральной руководящей рабочей группы по безопасности Интернета и информатизации (中央网络安全和信息化领导小组) (Чжунъян ванло аньчуань хэ синьсихуа линдао сяоцзу), преобразованной в Канцелярию ЦК КПК по кибербезопасности и информатизации [6], которую он же и возглавил. Его заместителями стали ответственный за экономический блок премьер Госсовета Ли Кэцян и бывший главный идеолог КПК, а на тот момент человек, ставший ответственным за административную реформу — Лю Юншань. На заседании был в полной мере поставлен вопрос о стратегии и тактике Китая в условиях обострения информационных войн.

Следуя в русле избранной линии стимулирования развития страны, в том числе посредством активной цифровизации экономики, 25 апреля 2021 г. в административном центре пров. Фуцзянь г. Фучжоу был проведён 4-й саммит по строительству цифрового Китая. Выбор Фучжоу для проведения такого значимого мероприятия не был случайным. Ещё в 2000 г. Си Цзиньпин, будучи губернатором пров. Фуцзянь, начал стратегическое развертывание строительства «цифрового Фуцзяня». Позже, уже в должности секретаря парткома соседней пров. Чжэцзян, в 2003 г. Си настаивал на необходимости проведения индустриализации с помощью информационных технологий и ускорении строительства «цифрового Чжэцзяна».

Ещё ранее, 21 января 2021 г., в издательстве «Чжунъян вэньсянь» отдельным томом вышел сборник писем, работ и статей Си Цзиньпина под названием «Сборник рассуждений Си Цзиньпина о кибердержаве» («Си Цзиньпин гуаньюй ванло цянго луньшу чжайбянь»). Вслед за тем на объединенном сайте Канцелярии Комитета по кибербезопасности и информационным технологиям ЦК КПК и Государственного управления интернет-информации КНР вышло разъяснение заместителя руководителя Отдела пропаганды ЦК КПК, главы комиссии по кибербезопасности и информатизации, главы Государственной администрации по безопасности Интернета и по совместительству заместителя главы информационного бюро Госсовета Чжао Жунвэня под заголовком «Идеологическое оружие и руководство к действию для создания кибердержавы: изучая Сборник рассуждений Си Цзиньпина о кибердержаве [7].

В данном разъяснении, в частности, указывается на необходимость «глубокого понимания научного позиционирования и значения важных идей генерального секретаря Си Цзиньпина о киберсиле», подчеркивается та роль, которую сыграл лично Си Цзиньпин в развитии информатизации Китая, и то значение, какое имеет научная и марксистская идеологическая база этого процесса. Далее сказано: «Эпоха информационных революционных течений исторически пересеклась с великим процессом возрождения китайской нации, что привело к новым возможностям и вызовам для нашего всестороннего строительства социалистического современного государства» [7].

Уже в качестве главы партии и государства Си Цзиньпин, придавая огромное значение Интернету, учреждает Комитет по кибербезопасности и информатизации, координирующий основные вопросы, связанные с политикой, экономикой, культурой, обществом, военными и другими областями кибербезопасности и информатизации, формирует концепцию развития Сети, сетевого управления, концепцию кибербезопасности, киберсуверенитета и ряд других важных идей для продвижения строительства кибердержавы. Кроме того, изложены базовые идеи кибердержавы, включающие работу с общественным мнением в киберпространстве и обеспечение суверенитета и безопасности. Особенно подчеркнута важность привязки теории к реальной практике.

Возвращаясь к апрельскому саммиту в Фучжоу, следует отметить то внимание, которое было ему уделено. Саммит был заблаговременно анонсирован 19 марта 2021 г. пресс-службой Госсовета [8]. На нем

выступили и ответили на вопросы журналистов заместитель директора Государственной канцелярии интернет-информации Ян Сяовэй, заместитель губернатора пров. Фуцзянь г-жа Го Ниннин, мэр г. Фуцжоу Юй Мэнцзюнь, уполномоченный Отдела инноваций и развития высоких технологий Комитета по развитию и реформам Сунь Вэй, уполномоченный Отдела развития информационных технологий Министерства промышленности и информатизации г-жа Ян Юйянь, руководитель Управления научно-технических инноваций и социальной ответственности Госимущества Госсовета Го Пин [8].

По итогам же саммита были сделаны следующие весьма характерные экспертные заявления. Так, академик Китайской академии инженерных наук, ректор Пекинского политехнического университета Чжан Цзюнь заявил: «Мы должны построить новый цифровой Китай, используя возможности цифровой экономики, однако нам ещё предстоит укрепить понимание законов цифровой экономики» [9].

Чжан Цзюнь полагает, что цифровая экономика, опираясь на оцифрованные знания и информацию в качестве базовой составляющей, а также на всепроникающие современные информационные сети в качестве проводника, использовала телекоммуникацию и информационные технологии для явного подъёма всей экономики. Для построения новой экосистемы цифровой экономики необходимо опираться на новый этап развития, влиться в новую структуру развития; усилить проектирование верхнего уровня; ускорить создание новой цифровой инфраструктуры; всесторонне совершенствовать безопасности данных; ускорить, усилить поддержку цифровых технологий для трансформации промышленности; ускоренными темпами искоренить монополизм и злоупотребление большими базами данных и т. д.

По мнению председателя Экспертного совета международного аналитического центра «Ланьди» Академии общественных наук КНР г-жи Чжао Байгэ, консолидация цифровой экономики и социума, будучи взаимосвязаны с общественным договором, способствуют строительству среды всеохватывающего доверия, однако в то же время необходимо проявлять бдительность и внимание к некоторым рискам и проблемам, которые могут возникнуть в процессе трансформации общества посредством цифровой экономики, такие как, например, риски «цифрового разрыва», усиливающийся риск «информационного кокона», новые вызовы «управления конфиденциальностью».

По её мнению, «в настоящее время глубокая интеграция информационных и телекоммуникационных технологий и экономики все

еще находится на начальной стадии развития, и мы должны ещё глубже исследовать основные характеристики развития цифровой экономики, особенно в аспекте соответствия законам и правилам, чтобы, обеспечив быстрое научное развитие цифровой экономики после промышленной революции, в то же время выдерживать историческую проверку» [8].

Директор департамента информационных технологий и промышленного развития Государственного информационного центра Дань Чжигуан считает, что в сфере применения цифровизации в приоритете сценарии Умных городов; будущее Умных городов является основным вектором развития цифровой экономики. По его мнению, операторы и услуги Умных городов — это лучшая цифровая экономическая отрасль, в которой имеется много новых направлений развития, таких как железные дороги, высокоскоростные железные дороги, гражданская авиация, порты, фарватеры, автостоянки и другие крупные концепции интеллектуального транспорта [8].

«В соответствии со сформированной новой социальной структурой экономическим подходом, искусственный интеллект — это производительные силы, блок-цепочки (блокчейны) — производственные отношения, данные — средства производства и факторы производства, а облачные вычисления — инструменты производства» [8], — заявил Дань Чжигуан. Будущее за временем перехода от Интернета к облаку и далее к цепочкам, временем подъёма от сетевого соединения, физического соединения, цифрового соединения к интеллектуальному соединению, трансформации от Интернета+ к Искусственному интеллекту+.

Таким образом, мы видим, что одобряемая и поддерживаемая высшим партийно-государственным руководством КНР цифровая трансформация китайского социума и китайской экономики идёт семимильными шагами. По огромному количеству позиций Китай давно уже перешел от догоняющей к лидирующей мировой позиции. Однако, на наш взгляд, в этом успешном продвижении недооценен ряд существенных и основополагающих аспектов существования общества и человека, и одной из главных причин этого является узкий прагматизм, усиливающий классическую позитивистскую научно-техническую парадигму, и недооценка экзистенциальной стороны вопроса. Именно это приводит к непониманию ряда глубинных процессов трансформации общества и человека, что может иметь далеко идущие непредсказуемые последствия.

Библиографический список

1. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. ИА Синьхуа. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (дата обращения: 01.05.2022).

2. URL: http://www.xj.xinhuanet.com/2012-11/19/c_113722546.htm (дата обращения: 01.05.2022).

3. 2013 нянь Чжунго синьсихуа фачжань шуйпин пингу баогао [«Доклад об оценке уровня развития информатизации в Китае в 2013 году»]. URL: https://wenku.baidu.com/link?url=PpIprAMEK5-zhry9s2yo72S63B_zR62iAL8OkAU5dmCHj061uY3In26YKc26CsY73qJyXli3gD-sNXA44C_ZJv6o4yir0wcoMlktcqsZdq (дата обращения: 01.05.2022).

4. Цюаньго синьсихуа чжишу [Национальный индекс развития информатизации]. URL: http://news.xinhuanet.com/info/2014-01/13/c_133039533.htm (дата обращения: 01.05.2022).

5. Чжуньян ванло аньцюань хэ синьсихуа линдао сяоцзу ди и цы хуэй и чжао-кай [Состоялось первое заседание ведущей рабочей группы ЦК КПК по кибербезопасности и информатизации]. URL: http://www.gov.cn/lhdh/2014-02/27/content_2625036.htm (дата обращения: 01.05.2022).

6. Чжунго гунчаньдан чжуньян ванло аньцюань хэ синьсихуа вэйюаньхуэй [Комиссия ЦК КПК по кибербезопасности и информатизации]. URL: <http://baike.baidu.com/view/12245910.htm?fr=aladdin> (дата обращения: 01.05.2022).

7. Zhao Rongwen. Ванло цянго цзяньшэ дэ сысян учи хэ синдун чжинань — Сюеи «Си Цзиньпин гуаньюй ванло цянго луньшу чжайбянь» [Чжао Жунвэнь. Идеологическое оружие и руководство к действию для создания кибер-державы: изучая «Сборник рассуждений Си Цзиньпина об кибер-державе»]. ВЭБ-сайт Канцелярии ЦК КПК по кибер безопасности и информатизации от 01.02.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-02/01/c_1613753152020388.htm (дата обращения: 01.05.2022).

8. Гоюань синьвэньбань цзю ди сы цзе шуцзи Чжунго цзяньшэ фэнхуэй цзюйсин фабухуэй [«Пресс-служба Госсовета провела пресс-конференцию о «Четвертом саммите по строительству цифрового Китая»]. ВЭБ-сайт Госсовета КНР, сообщение от 23.03.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/23/content_5595084.htm (дата обращения: 01.05.2022).

9. Шуцзы цзинцзи лусян хэфан? Чжуанцзя цун «Хулайван+» сян «чжихуэй+» чжуаньсин ши цюйши [Куда идет цифровая экономика? Эксперт: переход от «Интернета+» к «Искусственному интеллекту+» — вот тренд!]. ВЭБ-сайт «Жэньминь жибао» от 26.04.2021. URL: <http://fj.people.com.cn/n2/2021/0426/c181466-34695071.html> (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. Polnyj tekst doklada, s kotorym vystupil Hu Czin'tao na 18-m s"ezde KPK [The full text of the report delivered by Hu Jintao at the 18th CPC Congress]. IA Xinhua. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (accessed: May 1, 2022).

2. URL: http://www.xj.xinhuanet.com/2012-11/19/c_113722546.htm (accessed: May 1, 2022).
3. Zhongguo xinxihua fazhan shuiping pinggu baogao [Report on the assessment of the level of development of informatization in China in 2013]. URL: https://wenku.baidu.com/link?url=PpIprAMEK5-zhry9s2yo72S63B_zR62iAL8OkAU5dmCHj06IuY3In26YKc26CsY73qJyXli3gD-sNXA44C_ZJv6o4vir0wcoMlktcqsZdq (accessed: May 1, 2022).
4. Xinhua News Agency. URL: http://news.xinhuanet.com/info/2014-01/13/c_133039533.htm (accessed: May 1, 2022).
5. Zhongyang wangluo anquan he xinxihua lingdao xiaozu diyici huiyi zhaokai [The first meeting of the leading working group of the CPC Central Committee on cybersecurity and informatization took place]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2014-02/27/content_2625036.htm (accessed: May 1, 2022).
6. Zhongguo gongchangdang zhongyang wanluo anquan he xinxihua weiyuanhui [CPC Central Committee Commission on Cybersecurity and Informatization]. URL: <http://baike.baidu.com/view/12245910.htm?fr=aladdin> (accessed: May 1, 2022).
7. Zhao Rongwen. Wangluo qianguo jianshede sixiang wuqi he xingdong zhinan — Xuexu ?Xi Jinping guanyu wangluo qianguo lunshu zhaibian? [Zhao Rongwen. Ideological weapons and a guide to action for creating a cyber power: studying the “Collection of Xi Jinping’s Arguments on cyber power”]. Website of the Central Committee of the CPC Chancellery on Cyber Security and Informatization from 01.02.2021. URL: http://www.cac.gov.cn/2021-02/01/c_1613753152020388.htm (accessed: May 1, 2022).
8. Guowuyuan xinwenban jiu disijie shuzi Zhongguo jianshe fenghui juxingfabuhui [The press service of the State Council held a press conference on the “Fourth Summit on the Construction of Digital China”]. Website of the State Council of the People’s Republic of China, message dated 03/23/2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/23/content_5595084.htm (accessed: May 1, 2022).
9. Shuzi jingji luxiang hefang?Zhuangjia:Cong “Hulaiwang+” xiang “zhihui+” zhuanxing shi qushi [“Where is the digital economy going? Expert: The transition from “Internet+” to “Artificial Intelligence+” is the trend”]. WEB site “People’s Daily” from 04/26/2021. URL: <http://fj.people.com.cn/n2/2021/0426/c181466-34695071.html> (accessed: May 1, 2022).

Л.В. Новоселова

КИТАЙ: ВТОРОЙ ГОД РЕМИССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и инструменты социально-экономической политики КНР в период борьбы с эпидемией коронавируса COVID-19 и ее последствиями. Анализируются как бюджетные меры, так и денежно-кредитная политика властей КНР. Автором предложена оценка антикризисного пакета КНР, который приближается к среднему уровню развитых экономик мира при более активном, по сравнению с другими странами, использовании государственных, и прежде всего госбюджетных, ресурсов.

Нормализация эпидемиологической обстановки в сочетании с хорошей эффективностью предпринятых китайским руководством стимулирующих экономику мер обеспечила в целом положительные итоги развития в 2020 г. Китай оказался единственной крупной страной с положительной динамикой роста, его международные позиции упрочились. Тенденции экономического восстановления продолжались и в начале 2021 г. Вместе с тем, будучи достигнуто, прежде всего, за счет крупных кредитных вливаний в экономику, существенных инвестиций и опережающего развития экспорта, все это, по сути дела, возвращало Китай к традиционной и уже изжившей себя модели экономического роста, от которой руководство страны стремилось избавиться все последнее десятилетие. Отсюда предпринятая уже в начале года отмена или смягчение ряда антикризисных мер. Однако, столкнувшись на этом пути с серьезными препятствиями, власти были вынуждены вновь прибегнуть к так называемым противочиклическим мерам взбадривания экономики и бизнеса.

В результате, благодаря оперативной корректировке макроэкономического регулирования, КНР удалось добиться неплохих коли-

чественных показателей развития, несмотря на сложности и неровный характер восстановительного роста. Очевидно, однако, что «коронакризис» заметно осложнит и задержит декларируемый властями переход китайской экономики к более эффективному развитию на основе инноваций, «зеленого производства» и повышающегося внутреннего спроса.

Ключевые слова: Китай, коронавирусная инфекция, пакет антикризисных мер, государственные ресурсы, кредитный навес, ВВП, эффективность.

Автор: Новоселова Любовь Владимировна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: novoselova@iccaras.ru

CHINA: SECOND YEAR OF REMISSION

Abstract. The article discusses the main directions and instruments of the PRC socio-economic policy within fighting against the COVID-19 coronavirus epidemic and its consequences. Both budgetary measures and monetary policy of the PRC authorities are analyzed. The author offers an assessment of China's anti-crisis package, which is close to the average level of the developed economies with a more active use of state, and above all budgetary resources, compared with other countries.

The normalization of the epidemiological situation, combined with the high performance of the measures taken by the Chinese authorities to stimulate the economy, provided generally positive results in 2020. China turned out to be the only major economy with positive growth dynamics, its international position has strengthened. The trends of economic recovery continued in early 2021. At the same time, being achieved due to large credit injections, significant investments and outstripping export growth, all this, in fact, brought China back to the traditional and already obsolete model of extensive economic development, which the government has been trying to get rid of over the past decade. At the beginning of the year this resulted in the cancellation or mitigation of a number of anti-crisis measures. However, faced with serious obstacles along the way, the authorities were forced to resort again to so-called counter-cyclical measures in order to stimulate the economy and business activities.

Due to the timely adjustment of macroeconomic regulation in 2021, the PRC managed to achieve good quantitative indicators of development, despite the difficulties and uneven character of the recovery growth. It is obvious, however, that the "coronacrisis" will significantly complicate and delay the officially declared transition of the Chinese economy to more efficient development based on innovation, "green production" and growing domestic demand.

Keywords: China, coronavirus infection, anti-crisis package, government resources, credit overhang, GDP, efficiency.

Author: Novoselova Lyubov V., D.Sc. (Economics), Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: novoselova@iccaras.ru

Уже в начале 2020 г., столкнувшись с эпидемией коронавируса COVID-19, Китай быстро ощутил болезненные последствия этого. На фоне серии локдаунов, растущей безработицы и массовых банкротств произошло резкое сокращение ВВП и промышленного производства, обрушение инвестиций, сжатие внешней торговли.

В этих условиях примерно 2 % ВВП (2 трлн юаней) [1] было направлено на реализацию разнообразных противоэпидемических мер. При малейших признаках появления инфекции территория заражения изолировалась, все предприятия и организации закрывались, а жители переводились на домашний режим.

При этом правительство сразу же принялось за активное оживление и стимулирование роста экономики. *В налогово-бюджетной сфере* было предпринято масштабное облегчение фискальной нагрузки посредством применения почти трех десятков налоговых и тарифных льгот. Для более 100 млн субъектов рынка (в основном средних и малых предпринимателей) налоги и страховые взносы были снижены примерно на 2,6 трлн юаней в расчете на год. Одновременно Госсовет на 1,6 трлн юаней расширил годовые квоты для выпуска местными правительствами целевых облигационных займов на реализацию инвестиционных проектов.

В области *денежно-кредитной политики* следует прежде всего отметить неоднократные снижения Народным банком Китая (НБК) нормы резервирования средств коммерческих банков, высвободившие для поддержки реального сектора 1,75 трлн юаней [2, р. 3, 21], а также уменьшение процентной ставки по кредитам НБК для коммерческих банков с соответствующим удешевлением банковских кредитов предприятиям. Отсюда расширение в полтора раза (до 3,9 трлн юаней) так называемого инклюзивного (то есть без какой-либо отраслевой и региональной привязки) кредитования банками малых и микропредприятий без обеспечения и залога. Рефинансирование кредитной задолженности малых и средних предприятий, а также предоставление годовой отсрочки для ее погашения и обслуживания позволило перераспределить в пользу реального сектора экономики еще около 1,5 трлн юаней [3].

В целом можно выделить несколько характерных черт китайской программы «антивирусного» стимулирования экономики.

1. *Существенные масштабы помощи*, составившей, по нашей оценке, примерно 12,2 трлн юаней, или 12 % ВВП в 2020 г. Это в несколько раз превосходит аналогичные пакеты помощи развивающихся стран (в среднем 4,1 % ВВП) и приближается к среднему уровню развитых экономик мира (15,8 %) [4, р. 17].

2. *Комплексный характер стимулирования*. Спецификой Китая является одновременное использование едва ли не всего арсенала макроэкономических мер поддержки, известных по опыту других стран мира. Применяются и такие микроэкономические инструменты, как временное снижение тарифов на энергоносители, отмена ряда платежей и сборов на транспорте с целью удешевления логистики для предприятий реального сектора и т. д.

3. *Целевое применение стимулирующих мер*. Меры поддержки концентрируются на наиболее важных, чувствительных и перспективных направлениях развития экономики. Особенностью Китая является нацеленность этих мер на расширение инвестиционного потенциала компаний, то есть на создание условий для дальнейшего роста производства.

4. *Главенствующая роль государственных финансов*. В 2020 г. совокупное общественное финансирование, в состав которого входят все виды денежных средств, направляемых в течение года в реальный сектор экономики, достигло почти 35 трлн юаней, увеличившись за год на 36 %. Этот результат достигнут прежде всего за счет опережающего роста (почти на 80 %) государственных облигационных займов, достигших 8 трлн юаней [5]. Соотношение бюджетной и кредитной составляющих в антикризисном пакете КНР, по оценке, составляет примерно 50:50 против 40:60 в среднем по миру.

В 2021 г. две китайские вакцины получили одобрение ВОЗ и в стране была развернута широкая вакцинация. В октябре того же года на долю Китая приходилось 33 % (2,2 млрд доз) общего числа прививок, сделанных по всему миру. При этом власти КНР сохраняют приверженность жесткой политике «нулевой толерантности» к коронавирусу. В ноябре доля полностью вакцинированного населения КНР достигла 80 %, а число ежедневных заражений не достигало и полусотни случаев. Несмотря на возникающие время от времени локальные вспышки инфекции, все это обеспечивает нормализацию эпидемиологической обстановки.

Практика подтверждает и высокую эффективность принятых антикризисных и стимулирующих мер. Вслед за существенным снижением в начале 2020 г. ВВП КНР со II квартала начал быстро расти,

увеличившись за год на 2,3 %. Прирост добавленной стоимости в промышленности составил 2,4 %, инвестиций в основные фонды — 2,9 %, а оборота внешней торговли — 1,9 %. Стране удалось на 2,1 % повысить среднедушевые реальные доходы населения, а также избежать инфляционного роста цен [6]. В целом по итогам 2020 г. Китай оказался единственной крупной страной с положительной динамикой роста: его удельный вес в мировой экономике повысился с 16,5 до 17,4 %.

Опираясь на внушительную динамику развития промышленности и внешней торговли, тенденции экономического восстановления продолжились и с самого начала 2021 г. В январе—марте с учетом низкой базы отчета в I квартале 2020 г. прирост ВВП год к году составил 18,3 % против 6,5 % в IV квартале 2020 г. Прирост промышленного производства достиг 24 %, в том числе выпуск высокотехнологичной продукции — 31,2 %.

Все это потребовало огромных затрат в виде крупных кредитных вливаний в экономику, существенных инвестиций, а также опережающего роста экспортного производства. К середине 2021 г. инвестиции в промышленность увеличились на 29,8 %, а ее задолженность по банковским кредитам — на 41,6 %. Экспорт КНР вырос на 49 %, а профицит торгового баланса — даже на 61,1 % [7, p. 6, 11, 12].

Тем самым, не умаляя достигнутых показателей и результативности принятых мер, следует признать, что с точки зрения качества экономического роста постковидное восстановление экономики в определенной степени уводит Китай в сторону от принятой еще в начале прошлого десятилетия новой концепции экономического развития, достигаемого не столько за счет опережающего роста инвестиций и экспорта, сколько на основе инноваций, экологически чистого производства и расширения внутреннего рынка.

Между тем, как свидетельствует опыт КНР, особенно после мирового финансового кризиса, экстенсивная модель экспортно ориентированного развития сопровождается прогрессирующим истощением национальных ресурсов, падением эффективности производства, возникновением «финансовых пузырей» и «плохих долгов» в экономике, деградацией природной среды, избыточной зависимостью от внешних рынков. Все это обуславливает жизненную важность продвижения КНР к новой модели экономического роста, наблюдавшегося в течение двух последних пятилеток. Именно это, судя по всему, уже в начале 2021 г. обусловило весьма оперативные попытки возвращения КНР к доковидным, наработанным за годы «новой нормаль-

ности», инструментам макроэкономической политики с частичной отменой или смягчением экстренных мер борьбы с COVID-19.

В первой половине 2021 г. в рамках так называемой финансовой консолидации происходила поэтапная отмена введенных ранее налоговых льгот, были возобновлены выплаты компаний в фонды социального страхования. В январе—мае 2021 г. бюджетные доходы выросли на 24,5 % в годовом выражении, вернувшись к допандемическим значениям. Также был прекращен выпуск специальных госзаймов на борьбу с эпидемией, квоты для целевых облигаций местных правительств сохранены на уровне предыдущего года, а их практическая реализация существенно замедлилась.

Одновременно НБК перешел от мягкой денежной политики к ее нейтральному варианту, предусматривающему сохранение неизменного уровня процентных ставок по кредитам, а равно и нормы резервирования средств коммерческих банков. При этом реализация программы инклюзивного кредитования малых и средних предприятий, как и отсрочка погашения и обслуживания таких кредитов, была продлена до конца 2021 г.

Параллельно с этим применялось и определенное ограничение банковского кредитования. Главной целью явился рынок недвижимости, на долю которого (вместе с отраслями-смежниками) приходится до 30 % китайского ВВП и который в то же время представляет собой один из наиболее проблемных секторов экономики с точки зрения разгона инфляции и накопления «плохих долгов». В этой связи был налажен строгий контроль за выполнением введенного несколькими месяцами ранее «правила трех красных линий», означающего необходимость соблюдения компаниями-девелоперами трех ключевых соотношений: между привлеченными кредитами и собственными средствами (1:1), наличными средствами и краткосрочной задолженностью (1:1), кредитной задолженностью и активами (0,7:1). Невыполнение даже одного из этих требований, по сути дела, лишает застройщика возможности новых заимствований. Принимались и такие ограничительные меры, как повышение процентных ставок по ипотеке, увеличение первоначального взноса за жилье и затруднение его перепродажи [8, р. 23—24].

Предпринятая корректировка экономической политики говорит о стремлении властей избежать нарастания весьма опасного и труднопреодолимого финансового «навеса» в экономике и при этом сохранить возможности использования макроэкономического инструментария для хеджирования рисков, связанных с рецидивами эпидемии.

Обоснованность такого подхода получила подтверждение уже во второй половине года, выявив неустойчивость и противоречивость тенденций экономического восстановления.

Причины этого выходят за пределы чисто статистического эффекта, связанного с экстраординарными колебаниями базы расчетов в предыдущем 2020 г. Отметим, в частности, прокатившиеся, начиная с середины 2021 г., по различным регионам (г. Пекин, провинции Хэбэй, Сычуань, Ляонин, Хунань, Цзянсу, Гуандун и т. д.) возвратные всплески пандемии коронавируса, связанные с более контагиозным штаммом Delta. С учетом жесткости китайской антивирусной политики «нулевой толерантности», осенью 2021 г. это вызвало нарушение производственных, транспортно-логистических и сбытовых цепочек в промышленности, включая перебои в работе морских портов страны. Дополнительные осложнения в этой сфере были вызваны ухудшением осенью 2021 г. эпидемиологической обстановки в некоторых зарубежных странах — поставщиках сырья и материалов для китайской промышленности.

Наконец, следует сказать о дефиците электроэнергии, вызвавшем начиная с августа 2021 г. введение нормированного энергопотребления по меньшей мере в 20 из 31 административно-территориальных единиц КНР. Причины этого связаны с незавершенностью реформы ценообразования в угольной электроэнергетике КНР, а также с активизацией кампании за оздоровление окружающей среды и переход к зеленой экономике и, соответственно, с многочисленными закрытиями угольных шахт — важнейшего в Китае источника загрязнения. В сочетании с упомянутой выше финансовой консолидацией и секторальным ограничением кредитной активности банков все это уже в III квартале 2021 г. обусловило торможение инвестиционной динамики в КНР, а также снижение темпов прироста ВВП до 4,9 % против 7,9 % во II и 18,3 % в I квартале.

Таким образом, уже первые и, надо признать, довольно осторожные попытки правительства возвратиться к допандемической модели развития экономики столкнулись с препятствиями. Чтобы и далее не усугублять ситуацию, денежные власти были вынуждены вновь прибегнуть к так называемым противоциклическим мерам взбадривания экономики. В июле и декабре 2021 г. НБК дважды уменьшал норму резервирования средств коммерческих банков (каждый раз на 0,5 %), доведя ее до самого низкого за все годы экономической реформы уровня в 8,4 %. Это обеспечило дополнительное поступление в экономику 2,2 трлн юаней.

В сентябре и ноябре коммерческим банкам были предоставлены специальные транши НБК (на 300 млрд и 200 млрд юаней соответственно) для кредитования мелких и средних предприятий, а также проектов декарбонизации экономики. В декабре НБК на 0,25 % понизил процентную ставку по программе перекредитования сельских предприятий, а также малого и среднего бизнеса [9].

В целом можно согласиться с представителями денежных властей КНР в оценке денежной политики 2021 г. как «гибкой, аккуратной и умеренной». Размеры совокупного общественного финансирования составили 31,35 трлн юаней, сократившись за год на 9,9 %. Это произошло главным образом за счет уменьшения выпуска государственных и корпоративных облигаций (на 1,31 и 1,09 трлн юаней соответственно). Кредитные ресурсы, являющиеся основной частью совокупного финансирования, составили 20,11 трлн юаней, оставшись, по сути, на прежнем уровне [9].

На фоне кредитной стабилизации идет заметная реструктуризация ориентированных на увеличение инвестиций средне- и долгосрочных заимствований в пользу таких приоритетных отраслей, как высокотехнологичная обрабатывающая промышленность (годовой прирост — 32,8 %), сфера услуг (15,4 %) и инфраструктура (15,3 %).

При этом «кредитный навес» в экономике (отношение кредитной задолженности к ВВП) сократился на 7,7 %, составив по итогам 2021 г. 272,5 % [9]. С учетом одновременного сокращения бюджетного дефицита (до 2,1 % ВВП за три квартала 2021 г. против 5,3 % ВВП в предыдущем году) это расширяет возможности для финансового маневра государства, поддержки малых и средних предприятий, технических инноваций и экологически чистых производств. В целом, несмотря на сложности и неровный характер восстановительного роста, посредством оперативной корректировки макроэкономического регулирования Китаю удалось добиться неплохих показателей развития экономики в 2021 г. При увеличении общемирового ВВП на 5,9 % соответствующий показатель в КНР составил 8,1 %.

Основным двигателем экономического восстановления является промышленность: созданная здесь добавленная стоимость за год выросла на 9,6 %. При этом в соответствии с системой национальных экономических приоритетов Китай продолжает стимулировать развитие отраслей и сфер экономики, определяющих научно-технический прогресс и позволяющих закрепить стране в верхнем эшелоне глобальных цепочек добавленной стоимости.

Наблюдается опережающий рост таких современных, технологически емких отраслей и видов производства, как высокотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности (18,2 %) и производство машинно-технической продукции (12 %), включая выпуск электромобилей и других «новых энергетических транспортных средств» (145,6 %), промышленных роботов (44,9 %), интегральных схем (33,3 %), микропроцессоров (22,3 %) и т. д.

Ускорилося восстановление сферы услуг, испытавшей наиболее ощутимые потери в период пандемии. Добавленная стоимость, созданная в этой сфере, увеличилась на 8,2 % по сравнению с предыдущим годом. Здесь также наиболее быстро развивались современные высокотехнологичные отрасли. В их числе передача информации (17,2 %), информационные технологии и программное обеспечение (14,5 %), электронная торговля (14,1 %) и т. д. [10]

Таким образом, для экономики, как и для человеческого организма, последствия COVID-19 носят затяжной, многоплановый характер. В Китае постковидное восстановление экономики плохо сочетается с непростыми процессами преобразования модели экономического роста, переориентацией страны на новые цели и источники развития. Возвращение к прежним драйверам экстенсивного развития, вызванное экстраординарными обстоятельствами пандемии, дополнительно осложняет этот процесс, делая его более уязвимым и пролонгированным.

Библиографический список

1. Доклад об исполнении центрального и местных бюджетов за 2020 год и проекте центрального и местных бюджетов на 2021 год. URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814110.htm (дата обращения: 08.04.2022).

2. KPMG. China Economic Monitor (Китайский экономический мониторинг). Issue 2020 Q2, August 2020. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/05/china-economic-monitor-q2-2020.pdf> (дата обращения: 12.06.2021).

3. Statistical Report on Credit Structure of Financial Institutions (Статистический отчет о кредитной структуре финансовых учреждений) (2020). URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709143/4185603/2021020214483547560.pdf> (дата обращения: 26.02.2022).

4. World Economic Situation and Prospects 2021 (Мировая экономическая ситуация и перспективы на 2021 год). United Nations. New York, 2021. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (дата обращения: 25.01.2022).

5. Report on Aggregate Financing to the Real Economy (Flow) (Отчет о совокупном финансировании реального сектора экономики (Денежный поток) (2020). URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709140/4162104/index.html> (дата обращения: 09.04.2021).

6. Statistical communique of the People's Republic of China on the 2020 national economic and social development (Статистическая сводка Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии за 2020 год). URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (дата обращения: 04.03.2022).

7. KPMG. China Economic Monitor (Китайский экономический мониторинг). Issue 2021Q2, May 2021. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/05/china-economic-monitor-q2-2021.pdf> (дата обращения: 21.02.2022).

8. Rebalancing Act. From Recovery to High-Quality Growth (Ребалансировка. От восстановления к качественному росту) China Economic Update–December 2021. World Bank Group. Wash. 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36828/P17579700654ca02f0a3ba07ea043314196.pdf?sequence=1&isAllo wed=y> (дата обращения: 07.03.2022).

9. SCIO press conference on China's financial statistics in 2021 (Пресс-конференция Информационного бюро Государственного совета о финансовой статистике Китая за 2021 год) URL: http://www.china.org.cn/china/2022-01/21/content_78004328_11.htm (дата обращения: 15.02.2022).

10. National Economy Continued to Recover with Expected Development Targets Well Achieved in 2021 (Национальная экономика продолжила восстановление с успешным достижением ожидаемых целей развития в 2021 г.). URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (дата обращения: 04.03.2022).

References

1. Doklad ob ispolnenii tsentral'nogo I mestnykh biujetov za 2020 god I proektt tsentral'nogo I mestnykh biujetov na 2021 god. (Report on the execution of the central and local budgets for 2020 and the draft central and local budgets for 2021) (in Russ.) URL: http://russian.news.cn/2021-03/16/c_139814110.htm (accessed: 08.04. 2021).

2. KPMG. China Economic Monitor. Issue 2020 Q2, August 2020. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2020/05/china-economic-monitor-q2-2020.pdf> (accessed: 12.06.20210).

3. Statistical Report on Credit Structure of Financial Institutions (2020). URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709143/4185603/2021020214483547560.pdf> (accessed: 26.02.2022).

4. World Economic Situation and Prospects 2021. United Nations. New York, 2021. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (accessed: 25.01.2022).

5. Report on Aggregate Financing to the Real Economy (Flow) (2020). URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688247/3688978/3709140/4162104/index.html> (accessed: 09.04.2021). 1 p.

6. Statistical communique of the People's Republic of China on the 2020 national economic and social development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (accessed: 04.03.2022).

7. KPMG. China Economic Monitor. Issue 2021Q2, May 2021. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/cn/pdf/en/2021/05/china-economic-monitor-q2-2021.pdf> (accessed: 21.02.2022).

8. Rebalancing Act. From Recovery to High-Quality Growth. China Economic Update-December 2021. World Bank Group. Wash. 2021. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36828/P17579700654ca02f0a3ba07ea043314196.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 07.03.2022).

9. SCIO press conference on China's financial statistics in 2021 URL: http://www.china.org.cn/china/2022-01/21/content_78004328_11.htm (accessed: 15.02.2022).

10. National Economy Continued to Recover with Expected Development Targets Well Achieved in 2021. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202202/t20220227_1827963.html (accessed: 04.03.2022).

Ф.Ф. Шарипов, О.А. Тимофеев

О РЕФОРМИРОВАНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ КНР¹

Аннотация. Роль предприятий государственного сектора в экономике России на современном этапе претерпевает серьезные изменения. В этой связи представляет интерес исследование опыта усилий руководства КНР по совершенствованию промышленной политики в условиях турбулентности мировой экономики, наличия внутренних и внешних вызовов экономике Китая, связанных в первую очередь с преодолением последствий COVID-19. Среди мер, предпринимаемых в данной сфере, хотелось бы обратить внимание на продолжение реформы предприятий государственного сектора, начатой в предыдущей 13-й пятилетке. Речь идет о совершенствовании инструментов управления 97 крупнейшими государственными компаниями центрального подчинения, работающими во всех оборонных и ключевых гражданских секторах. Ответственность за осуществление этой комплексной работы возложена на Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению государственным имуществом. Ключевая задача — обеспечение национального научно-технического прогресса и минимизация технологической зависимости КНР. План действий на 2020—2022 гг. по реформированию государственного сектора был одобрен на заседании Комиссии ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, возглавляемой Си Цзиньпином. В основу плана положено продолжение реформ смешанной формы собственности при параллельном укреплении руководящей роли КПК и усилении пар-

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00616.

The study was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research, project 20-010-00616.

тийного строительства в государственных корпорациях с целью содействия привлечению новых инвестиций. Для этого необходимо предложение инвесторам понятных правил игры и обеспечение соответствующего уровня прозрачности китайского рынка.

Ключевые слова: государственный сектор экономики, Россия, Китай, реформирование предприятий, государственные корпорации центрального подчинения, технологические инновации, инвестиции.

Авторы: Шарипов Фанис Фалихович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международного производственного бизнеса ГУУ. E-mail: fanissh@rambler.ru

Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент РУДН. E-mail: timooa@mail.ru

ON REFORMING ENTERPRISES OF THE STATE SECTOR OF THE ECONOMY OF CHINA

Abstract. Experts assess differently the role of public sector enterprises in the Russian economy at the present stage. In this connection, it is interesting to study the experience of intensifying the efforts of the Chinese leadership to improve industrial policy is a natural response to the turbulence of the world economy, a set of internal and external challenges to the Chinese economy, primarily related to with COVID-19 recovery. Among the measures taken in this area, we would like to draw attention to the continuation of the reform of public sector enterprises, which began in the previous 13th Five Year Plan. This includes improving the management tools of the 97 largest central State companies operating in all defence and key civilian sectors. The State Council Committee on Control and Management of State Property is responsible for this complex work. The key task is to ensure national scientific and technological progress and minimize the technological dependence of China. The 2020—2022 Public Sector Reform Action Plan was approved at the meeting of the CPC Central Committee on Comprehensive Deepening of Reforms, headed by Xi Jinping. The plan is based on the continuation of mixed ownership reforms, while strengthening the leadership role of the CCP and strengthening party-building in public corporations to encourage new investment. This requires offering investors clear rules of the game and ensuring an appropriate level of transparency of the Chinese market.

Keywords: public sector, Russia, China, enterprise reform, state corporations of central subordination, technological innovations, investments.

Authors: Sharipov Fanis F., Ph.D. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of International Production Business of the GUU. E-mail: fanissh@rambler.ru

Timofeev Oleg A., Ph.D. (History), Associate Professor, People's Friendship University of Russia, Moscow. E-mail: timooa@mail.ru

В руководстве КНР в целом удовлетворены результатами реформ госсектора, прежде всего государственных компаний и предприятий, которые планируется продолжить в ходе 14-й пятилетки (2021—2025). Как отмечают зарубежные эксперты, в Пекине заявляют об углублении рыночной направленности соответствующих преобразований, однако речь не идет об ослаблении контроля и предоставлении большей свободы указанным хозяйствующим субъектам. На практике китайцы намерены еще более расширить и усовершенствовать применяемый госаппаратом набор инструментов управления для решения стратегически важных внутренних задач, а также укрепления влияния Поднебесной на международной арене [1, с. 3].

На данном этапе ответственность за осуществление преобразований возложена на Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению госимуществом (ККУГ; State-owned Assets Supervision and Commission of the State Council), в чьем прямом подчинении находятся 97 крупнейших государственных корпораций центрального подчинения (ГКЦП), работающих во всех оборонных и ключевых гражданских секторах. В ведомстве полагают, что начатые в госсекторе в 13-й пятилетке (2016—2020) кардинальные перемены, включающие в себя реформу смешанной формы собственности (РСФС) при усилении руководящей роли компартии, изменения налоговой политики, упразднение, слияние и поглощение неэффективных и «избыточных» компаний, реструктуризацию отраслевых корпораций, привели к существенному улучшению дел. Так выглядят итоги деятельности крупнейших государственных корпораций центрального подчинения в 2020—2021 гг. [16] (табл. 1).

Таблица 1. Итоги деятельности крупнейших государственных корпораций центрального подчинения в 2020—2021 гг. (трлн юаней)

№	Наименование показателя	2020	2021
1	Суммарные активы	218,3	—
2	Операционные доходы	30,3	36,3
3	Чистая прибыль	1,84	2,4

Рост операционных доходов в 2020—2021 гг. составил 19,5 %, а чистой прибыли — 30,3 %. В то же время среднегодовой рост активов, а также производительности труда составил 12,7 %, 7,4 %, 10,7 % и 7,8 %. Для сравнения, в ходе 13-й пятилетки общая стоимость акти-

вов ГКЦП вышла на уровень 69,1 трлн юаней (10,6 трлн долл.) при среднегодовом росте в 7,7 %.

В настоящее время ГКЦП более чем в 180 странах и регионах мира располагают активами, оцениваемыми примерно в 8 трлн юаней (1,23 трлн долл.), и реализуют за рубежом примерно 8 тыс. проектов с участием 12,5 млн работников [2, 3, 4]. Во время всплеска эпидемии COVID-19 в 2020 г. рост операционных доходов ГКЦП составил 1,4 трлн юаней (215 млрд долл.), увеличившись на 2,1 % [5].

В данном контексте на ГКЦП возложена особая ответственность за обеспечение научно-технического прогресса и минимизацию технологической зависимости КНР — стратегической цели Пекина. По этой причине их вложения в НИОКР в сложный 2020 г. не только не сократились, но продемонстрировали одни из самых высоких темпов роста за пятилетку, увеличившись на 11,3 %, и составили четверть от всех инвестиций в науку и технику в Китае. При этом доля выручки ГКЦП, направленная на исследования и разработки, повысилась за год на 0,3 % — до рекордных 2,55 %. Численность ученых и инженеров в ГКЦП увеличилась за последние годы с 800 тыс. до 1 млн человек, в том числе 229 членов Академии наук КНР и Китайской академии инженерных наук. В 13-й пятилетке они были удостоены 364 государственных наград в области науки и техники (38 % от общего количества в стране) [6, 7, 8]. На состоявшемся в июне 2020 г. заседании возглавляемой Си Цзиньпином Комиссии ЦК КПК по всестороннему углублению реформ был одобрен План действий на 2020—2022 гг. по реформированию государственного сектора. Комментарии по этому поводу, не рассчитанные на иностранцев, ККУГ дал лишь в феврале 2021 г. Из них, например, следует, что основные усилия в обозначенный период будут сосредоточены на продолжении РСФС при параллельном укреплении руководящей роли КПК и усилении партийного строительства в госкомпаниях. Углублять реформу планируется путем «содействия взаимопроникновению и совместному развитию капиталов различных типов». В формируемых финансово-инвестиционных партнерствах должна неуклонно возрастать роль кадрового капитала в лице руководства государственных компаний, которое в обязательном порядке по совместительству возглавляет корпоративные партийные организации и строго следует директивам вышестоящих органов КПК. С учетом таких изменений партийно-государственный аппарат получает максимальный набор рычагов стратегического и оперативного управления «интегрированными актива-

ми» со значительной долей частного капитала для решения приоритетных задач внутри страны и за рубежом (табл. 2).

Таблица 2. Компании КНР на фондовой бирже (на февраль 2021 г.)

Тип	Количество	Капитализация (трлн долл.)
Государственные	1463	7,4
Частные	3799	10,8

Отмечается положительный опыт использования ранее созданных в рамках РСФС более 1000 компаний, блокирующий пакет акций которых принадлежит государству. В связи с этим в Госсовете КНР намерены активизировать регистрацию на фондовых биржах предприятий госсектора. Придать «рыночный облик» планируют ГКЦП, переустроенным в ходе реформы в компании с ограниченной ответственностью. Такой формальный статус крупнейших профильных корпораций КНР для обоснования того факта, что они в своей деятельности руководствуются собственными коммерческими интересами, а не директивами партии и правительства [9].

По мнению экспертов, реализации трехлетнего плана призван содействовать созданный в конце декабря 2020 г. целевой фонд, в который на первом этапе планируется привлечь 70,7 млрд юаней (примерно 11 млрд долл.), а в перспективе планируется привлечь 200 млрд юаней (30,7 млрд долл.). Его управление поручено осуществлять ГКЦП China Chengtong Holdings Group (занимается финансово-инвестиционными операциями с государственными активами) во взаимодействии с другими соучредителями и акционерами. Всего за время проведения РСФС различными инвестиционными госструктурами КНР было учреждено и контролируется 32 акционерных фонда для финансирования 365 проектов государственно-частного партнерства с общим капиталом 192,8 млрд юаней (29,66 млрд долл.) [10].

Трехлетний план действий по реформированию госсектора является составной частью 14-й пятилетки (2021—2026). Первоочередной задачей ГКЦП и госкомпаний в целом является выход на лидирующие позиции в деле достижения научно-технологической независимости страны за счет развития собственных инноваций. Им предписано не только активизировать прикладные разработки, но и внести весомый вклад в продвижение и финансирование фундаментальных исследований, государственные расходы на которые в 2021 г. планируется увеличить на 10,6 %. К концу указанного года средняя доля

выручки, инвестируемой ГКЦП в НИОКР, должна практически удвоиться и достичь 5 %. Кроме того, указанным структурам поручено построить 13 демонстрационных инновационных баз государственного значения в дополнение к уже созданным более 440 технологическим платформам, используемым как средства коллективного доступа при проведении НИР с участием смежных организаций, в том числе малых и средних предприятий. Тем самым ГКЦП выполняют возложенную на них миссию флагманов и организаторов реализации на практике стратегического курса Пекина на массовые инновации [11]. Выступая на пресс-конференции 23 февраля 2021 г., глава ККУГ и секретарь ее парторганизации Хао Пэн (Hao Peng) заявил о том, что период 2020—2022 гг. рассматривается как решающий этап реформы госпредприятий, основными целями которой является повышение конкурентоспособности, инновационности и устойчивости к рискам, угрожающим национальной экономике [12].

По замыслу КНР за счет технологических инноваций госкомпаний должны решить важнейшую проблему — поднять уровень базовых отраслей промышленности КНР, слабость которых, по признанию специалистов, является серьезным препятствием на пути развития национальной экономики и чревата разрывом внутренних производственных цепочек, в которых вынужденно присутствуют не выпускаемые в стране наукоемкие комплектующие.

С учетом узости национального рынка сбыта госкомпаниям предписано также активизировать глобальную промышленно-экономическую экспансию, действуя в соответствии с новым принципом «решая внутригосударственные задачи, продвигаться вовне (yinei suwai)», одновременно руководствуясь концепцией «импортировать сырье и полуфабрикаты для производства и экспорта готовой продукции (liangtou zaiwai)». При этом особое внимание предписано уделить работе в государствах, поддерживающих китайскую инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), включая Россию, в которых ГКЦП уже реализуют свыше 3400 связанных с ОПОП проектов [13].

Китайские госкомпании фактически уже начали выполнять указанные установки, что нашло отражение в некоторых показателях 2021 г. В частности, прямые инвестиции в виде государственного и частного капитала КНР в страны ОПОП возросли в январе—феврале 2021 г. в годовом исчислении на 12,1 %, до 3,05 млрд долл., а их доля в общем объеме китайских зарубежных капитальных вложений увеличилась на 2,4 %, до 19,9 %. Показательно, что такой крен в сторону «опоясанных государств» произошел на фоне снижения за этот же пе-

Таблица 3. Категории государственных предприятий КНР [14]

Правительственные предприятия	Выпускают товары и услуги в отраслях, полностью контролируемых властями	State Grid Corporation of China
Коммерческие госпредприятия в стратегических секторах	В стратегически важных секторах экономики или в естественных монополиях	Aviation Industry Corporation of China
Коммерческие госпредприятия в полностью конкурентоспособных секторах	В секторах, где есть значительная конкуренция со стороны частных и иностранных фирм	China Foods Limited

риод суммарного объема китайских прямых инвестиций за рубежом на 7,9 %, до 15,36 млрд долл. [15] (табл. 3).

На этом фоне западные обозреватели обращают внимание на медленные и четко дозированные темпы реформы госпредприятий, что не способствует усилению их прозрачности, а, наоборот, повышает уровень недоверия относительно реальных планов правительства в данной сфере. Несмотря на заявления о конкурентном нейтралитете, представители частных и иностранных предприятий в Китае отмечают целый ряд проблем, с которыми они сталкиваются в отличие от государственных предприятий.

По мнению аналитиков Американской торговой палаты в Китае, госпредприятиям, которые подверглись реструктуризации, еще предстоит убедить внешних наблюдателей в позитивном характере произошедших изменений. Неспособность властей публично выполнить ранее заявленные цели реформы госсектора лишь усилила аргументы тех, кто говорит о неготовности КНР к более глубоким экономическим преобразованиям [1, с. 4, 14].

За рубежом хотели бы, чтобы Пекин четко следовал основному содержанию реформы госпредприятий: разделение собственности и управления; сокращение вмешательства в повседневную деятельность; предоставление организациям в конкурентных секторах возможности реструктуризации и работы в соответствии с рыночными принципами. По мере достижения этих целей власти должны стремиться к гораздо большему уровню прозрачности и углублению соответствующей коммуникации с внешним миром.

Как считают американские аналитики, для улучшения взаимопонимания с иностранным бизнесом Пекину следовало бы принять ряд дополнительных мер. Применительно к котирующимся на фондовых рынках госкомпаниям эти изменения должны включать в себя обна-

родование классификаций всех госпредприятий (в том числе подконтрольные местным органам власти) и информирование акционеров о любых нерыночных целях, преследуемых такими структурами.

Для коммерческих госпредприятий в стратегических секторах было бы целесообразно раскрывать все прямые и косвенные субсидии и предоставлять акционерам отчетность по любым директивам правительства. Их партийные ячейки должны регулярно в полном объеме отчитываться о своей деятельности, включая участие в принятии важных решений и назначении руководителей.

Что касается коммерческих госпредприятий в полностью конкурентоспособных секторах, то властям следует прекратить любые субсидии, которые также не были бы доступны частным компаниям. Руководство указанных предприятий должно назначаться на основе конкретных заслуг и без какого-либо политического вмешательства, особенно со стороны парторганизаций. Необходимо четко определить, в какой степени они смогут реально участвовать в привлечении частного капитала. Для неэффективных компаний нужно было бы предусмотреть возможность продажи активов внешним игрокам, включая частных покупателей.

Как резюмируют обозреватели, хотя рекомендуемые изменения и не устранят настороженность иностранного бизнеса, связанную с особой ролью, которую госпредприятия играют в китайской экономике, но они смогут более отчетливо прояснить инвесторам правила игры и обеспечить дополнительную прозрачность рынков Китая [1, с. 5, 14].

Библиографический список

1. White Paper on the Business Environment in China [Белая книга о деловой среде в Китае] // The American Chamber of Commerce in South China. 2021. February 25. URL: <http://www.amcham-southchina.gov.com> (дата обращения: 01.05.2022).

2. China's central SOEs assets to near 69 trln yuan: regulator [Активы центральных государственных предприятий Китая достигли почти 69 трлн юаней: регулятор] // Xinhua.2020. December 25. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).

3. Chinese SOEs mull development plans for 2021—2025 [Китайские госпредприятия обдумывают планы развития на 2021—2025 гг.] // Xinhua.2021. February. 23. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).

4. Активы ГКЦП в 13-й пятилетке увеличились на 7,7 % // Комитет КНР по контролю и управлению госимуществом. 2021. 2 марта. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (дата обращения: :01.05.2022).

5. Как будут работать ГКЦП в 2021 г.? // Xinhua. 2021. February. 24. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).
6. ГКЦП ведут за собой развитие науки и техники высокого уровня с опорой на собственные силы // «Жэньминь Жибао». 2021. 12 марта. URL: <http://www.people.com.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
7. China's central SOEs spend more on R&D // Xinhua. 2021. February 12. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).
8. Вложения ГКЦП в НИОКР в 2020 г. достигли 2,55 % их доходов // Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению госимуществом. 2021. 18 февраля. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
9. О задачах трехлетнего плана действий по реформированию госсектора // Комитет Госсовета КНР по контролю и управлению госимуществом. 2021. 1 февраля. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
10. China launched SOE mixed-ownership reform fund // Xinhua. 2020. December 30. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).
11. Об основных целях плана социально — экономического развития КНР на 14-ю пятилетку и до 2035 г. // Госсовет КНР. 2021. 13 марта. URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
12. China's centrally administered SOE's aim for growth above national GDP in 2021 [Китайское государственное предприятие с централизованным управлением поставило перед собой цель обеспечить рост выше национального ВВП в 2021 г.] // Global Times. 2021. February 23. URL: <http://globaltimes.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
13. Рабочий доклад правительства // Госсовет КНР. 2021. 21 марта. URL: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 01.05.2022).
14. Borst N. SOE Reform in China. Implications for Policymakers and Investors [Борст Н. Реформа ГП в Китае. Последствия для политиков и инвесторов] // Seafarer Capital Partners. 2021. March 25. URL: <http://www.seafarerfunds.com> (дата обращения: 01.05.2022).
15. China's non-financial ODI down 7,9 pct in first two month [Нефинансовые ПИИ Китая снизились на 7,9 % за первые два месяца] // Xinhua. 2021 March 18. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 01.05.2022).
16. 2021 нянь Чжунго яжун'ян ци'е цзин'ин цинкуан фэньси: цзичань фучжайлюй чисюй сяцзян, сяо'и цзэнчан чуан лиши цзуй хао шуйпин [Анализ предпринимательской деятельности центральных предприятий Китая в 2021 г.: отрицательные долговые показатели продолжают снижаться, рост эффективности показывает лучший уровень в истории] // чан'е синьси ван. 08.02.2022. URL: <https://www.chyx.com/industry/202202/994769.html> (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. White Paper on the Business Environment in China // The American Chamber of Commerce in South China. 2021. February 25. URL: <http://www.amcham-southchina.gov.com> (date accessed: 01.05.2022).

2. China's central SOEs assets to near 69 trln yuan: regulator // Xinhua.2020. December.25. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
3. Chinese SOEs mull development plans for 2021—2025. // Xinhua.2021. February. 23. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
4. Assets of the SOE in the 13th Five-Year Plan increased by 7.7 % // Committee of the PRC on Control and Management of State Property. 2021. March 2. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (date accessed: 01.05.2022).
5. How will SOE work in 2021? Xinhua.2021. February. 24. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
6. The SOE leads the development of high-level science and technology with self-reliance // «Renmin Zhibao». 2021. March 12. URL: <http://www.people.com.cn> (date accessed: 01.05.2022).
7. China's central SOEs spend more on R&D // Xinhua. 2021. February 12. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
8. The investments of the SOE in R&D in 2020 reached 2.55 % of their revenues // Committee of the State Council of the People's Republic of China on Control and Management of State Property. 2021. February 18. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (date accessed: 01.05.2022).
9. On the tasks of the three-year action plan for public sector reform // Committee of the State Council of the PRC on control and management of state property. 2021. February 1. URL: <http://www.sasac.gov.cn> (date accessed: 01.05.2022).
10. China launched SOE mixed-ownership reform fund // Xinhua. 2020. December 30. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
11. On the main goals of the plan of social and economic development of the People's Republic of China for the 14th Five-Year Plan and until 2035 // State Council of the People's Republic of China. 2021. March 13.
12. China's centrally administered SOE's aim for growth above national GDP in 2021 // Global Times. 2021. February 23. URL: <http://globaltimes.cn>. <http://www.gov.cn> (date accessed: 01.05.2022).
13. Working report of the Government // State Council of the People's Republic of China. 2021. March 21. URL: <http://www.gov.cn> (date accessed: 01.05.2022).
14. Borst N. SOE Reform in China. — Implications for Policymakers and Investors // Seafarer Capital Partners. 2021. March 25. URL: <http://www.seafarerfunds.com> (date accessed: 01.05.2022).
15. China's non-financial ODI down 7,9 pct in first two month // Xinhua. 2021 March 18. URL: <http://www.xinhuanet.com> (date accessed: 01.05.2022).
16. 2021 nian Zhongguo Zhongyang qiye jingying qingkuang fenxi: zichan fuzhailv chixu xiajiang, xiaoyi zengzhang chuang lishi zuihao shuiping [Analysis of the operation of China's central enterprises in 2021: the asset-liability ratio continues to decline, and the profit growth hits the best level in history] // chanye xinxiwang. 08.02.2022. URL: <https://www.chyxx.com/industry/202202/994769.html> (date accessed: 01.05.2022).

Е.С. Баженова

ЛИКВИДАЦИЯ БЕДНОСТИ В КНР — НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ПЕРИОД 14-й ПЯТИЛЕТКИ (2021—2025)

Аннотация. Статья посвящена исследованию последнего этапа борьбы с абсолютной бедностью в КНР и новым задачам и перспективам на период следующей пятилетки. Китай на 10 лет раньше намеченного срока выполнил задачу по ликвидации бедности, предусмотренную Повесткой дня ООН на период до 2030 г. в области устойчивого развития. На мероприятии, посвященном подведению итогов по ликвидации бедности, в мае 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о преодолении Китаем абсолютной бедности и отметил, что, несмотря на достигнутые успехи, Пекин будет продолжать международное сотрудничество в области всемерного и всемирного уменьшения бедности, предоставляя всю возможную поддержку развивающимся и бедным странам. Пресс-канцелярией Госсовета КНР была опубликована Белая книга, названная «Борьба с бедностью: опыт и вклад Китая», для того, чтобы «зафиксировать этапы великой борьбы китайского народа в ликвидации крайней нищеты, поделиться его опытом» [1, с. 17]. Китай много десятилетий планомерно шел к решению этой непростой задачи. В каждой стране свои причины разрастания бедности и свои возможности для ее постепенной ликвидации, но некоторые аспекты китайского опыта, такие как ориентация политики по борьбе с бедностью на адресную помощь нуждающимся, целенаправленность подобных усилий, возложение ответственности прежде всего на местные власти и активное участие в глобальном сотрудничестве, заслуживают внимания. На протяжении многих лет правительство КНР прилагает немалые усилия для сокращения бедности и повышения уровня

жизни бедных слоев населения, где главное место занимает прежде всего развитие бедных сельских районов. Простого направления ресурсов для решения этой задачи недостаточно, реальные действия охватывают широкие области создания инфраструктуры в сельской местности как условия увеличения доходов бедных людей, расширение возможностей социального обеспечения и оказание общественных услуг в сфере здравоохранения, образования и культуры.

Ключевые слова: абсолютная бедность, ликвидация нищеты, доходы населения, экономические реформы, бедное население, социально-экономическое развитие.

Автор: *Баженова Елена Степановна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

CHINA POVERTY ELIMINATION: NEW TASKS AND PROSPECTS FOR THE 14TH FIVE-YEAR PLAN PERIOD (2021—2025)

Abstract. The article devoted to the analysis of the final stage of the struggle with absolute poverty in China and new tasks and prospects for the next Five-Year plan period. China fulfilled misery elimination task envisaged by the United Nations agenda for the period up to 2030 in the field of sustainable development 10 years earlier comparing with the contemplated term. In May, 2021 at the final conference devoted destitution elimination the Chairman Xi Jinping declared the final victory over poverty and pointed out that in spite of this success China would continue international cooperation on the field of the struggle with misery, giving all possible support to developing and poor countries. The White Book which is called “the Struggle with Poverty: Chinese experience and contribution” was published by the Press-Bureau of the State Council with the aim “to show the main stages of the great struggle of Chinese people with misery and to share its experience with the other countries” [1, p. 17]. China spent many decades for fulfillment of this very difficult task. Each country has its own reasons for poverty increase and its own possibilities for its elimination, but it is possible to take into account some aspects of Chinese experience such as policy orientation in the struggle with misery at address support of poor people, concentration of these efforts on the main directions, responsibility of local authorities, active participation in global cooperation. For many years Chinese government spent a lot of efforts for poverty decrease and the improvement of poor population living standards, where the development of poor rural areas is on the first place. It is not sufficient to direct resources for fulfillment of this task, real actions are included broad spheres of infrastructure building in rural regions as the main condition for poor people income increase, broadening possibilities of so-

cial insurance and different services in the field of public health, education and culture.

Keywords: abject poverty, population number, misery elimination, social and economic development, population distribution, living conditions, population income.

Author: Bazhenova Elena S., Ph.D. (Economics), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Искоренение бедности рассматривается руководством КПК как важная и необходимая часть работы по обеспечению социальной стабильности. Китайская модель по ликвидации нищеты показала свою эффективность. Но успешной была программа преодоления абсолютной бедности (черта бедности — 2300 юаней в год). И теперь перед Китаем стоит следующая цель — перейти от «количества к качеству», а это значит: продолжение принятия мер для увеличения доли среднего класса, выравнивание уровня жизни сельских и городских жителей, снижение разницы в доходах между различными слоями населения и разными регионами, выполнение других важных задач социального развития для полной реализации программы построения общества малого благоденствия «сяокан».

С 2012 г. правительство КНР сделало более адресной поддержку отдельных социальных групп — женщин, детей, пожилых людей, национальных меньшинств — и постоянно держит работу по уменьшению бедности именно в этих группах в центре внимания.

На Центральном рабочем совещании по экономическим вопросам, которое состоялось 11 декабря 2014 г., впервые на уровне работы ЦК КПК было выдвинуто понятие «целенаправленная ликвидация бедности». 18 июня 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время инспекционной поездки в пров. Гуйчжоу отмечал, что в работе по поддержке бедных «самое важное и самое ценное — это целенаправленность, и ключ к достижению успеха заключается именно в целенаправленности». После этого выражение «целенаправленная помощь бедным» стало одним из наиболее часто употребляемых. В Предложениях по составлению 13-го пятилетнего плана, опубликованных 3 ноября 2015 г., был представлен план работы по «осуществлению целенаправленной помощи бедным и целенаправленной ликвидации бедности». Это означало, что нужно перестать прикрываться усредненным показателем доходов, но уделять больше внимания обеспечению базового благосостояния народа и жизни населения с низкими доходами.

Подразумевается, что надо целенаправленно изучать проблемы бедного населения, оказывать ему целевую, адресную помощь и при этом тщательно руководить работой по оказанию помощи бедным семьям. ЦК КПК четко обозначил необходимость таких усилий, поскольку работа по поддержке бедного населения вышла на финишную прямую и вступила в этап «вгрызаться в твердую кость, штурмовать крепости и сниматься с лагеря». Для достижения необходимой целенаправленности в работе Си Цзиньпин выдвинул ряд конкретных требований, а именно: точно определить бенефициаров, точно направлять и распределять помощь, адресно использовать средства, а также целенаправленно направлять работников в зависимости от ситуации в деревнях, что позволит добиться высокой эффективности в деле ликвидации бедности.

По итогам 13-й пятилетки (2016—2020), несмотря на потери в 2020 г. в результате пандемии коронавируса, Китай смог добиться важных результатов в социально-экономической сфере. *Во-первых*, Китай по показателю валового внутреннего продукта смог выйти за пределы 100 трлн юаней — 101,6 трлн юаней; *во-вторых*, объявил об окончательной победе над бедностью. Если в 1978 г. на рубеже экономической реформы в Китае свыше 250 млн человек (30,7 % населения) относились к категории «бедного населения», у которых годовой доход на человека был менее 2100 юаней в год, то в 2010 г. бедных насчитывалось только 26,88 млн человек (2,8 % населения) по этому же показателю «линии бедности» — менее 2100 юаней год. Но в том же 2010 г. показатель линии бедности был повышен до 2300 юаней на человека, и общая численность бедного населения поднялась до 165,7 млн человек (17,2 % населения) [2]. В 2018 г. общая численность бедного населения уменьшилась до 16,6 млн человек, а по итогам 2020 г., несмотря на эпидемию коронавируса, было объявлено о том, что в стране полностью покончено с абсолютной бедностью и КНР одной из первых стран мира выполнила поставленную ООН задачу на 2030 г. «покончить с бедностью». Следует отметить, что по итогам 2020 г. распределяемый доход в среднем по стране составил 32 189 юаней на человека в год, в городе — 43 834 юаня, в деревне — 17 131 юань, что в разы превышает установленную в КНР так называемую линию бедности. [3, с. 4].

На последней сессии ВСНП были обозначены три основные задачи на 14-ю пятилетку (2021—2025): 1) заметно увеличить научно-технический потенциал страны и выйти на лидирующие позиции в мире, чтобы уйти от иностранной зависимости по высокотехноло-

гичной продукции; 2) всемерно осуществлять политику «двух циркуляций» — одновременное развитие на внутреннем и внешнем рынке; 3) обеспечить неуклонное повышение доходов населения [4, с. 16].

Уже в 2018 г. многие показатели заметно превысили прогнозируемые. В частности, объем ВВП составил 90,0 трлн юаней, что заметно превышает прогнозируемый на 2030 г., а ВВП на душу населения — 64 644 юаней на человека, что значительно выше прогноза на 2030 г. — 45 000 юаней. Также уровень распределяемых доходов в 2018 г. — 28 228 юаней — превысил прогнозируемый показатель на 2030 г. — 25 000 юаней. Для борьбы с бедностью были внесены поправки в Закон о подоходном налоге в августе 2018 г., и в результате поправок при сохранении прогрессивных ставок подоходного налога необлагаемый налоговый минимум с начала 2019 г. составил 60 000 юаней в год (или 5000 юаней в месяц), что затрагивает более 2/3 населения страны.

Поправки в Закон КНР о подоходном налоге были приняты в год 40-летия экономических реформ с учетом быстрого роста доходов населения и стремительно растущей социальной дифференциации в китайском обществе как по линии город — деревня, так и по линии приморские — внутренние районы. Принятые поправки предусматривают дальнейший рост прогрессивного индивидуального подоходного налога с той части населения, доходы у которой значительно превышают доходы основной массы населения страны. В то же время значительно увеличился необлагаемый налогом минимум и значительная часть населения КНР с доходами менее 60 000 юаней в год (5000 юаней в месяц) была освобождена от уплаты подоходного налога.

Пока еще сохраняется значительный разрыв в доходах на душу населения между городом и деревней. В частности, в 2017 г. средний располагаемый доход на душу населения в КНР составил 25 794 юаня, в городе — 36 396 юаней, зато в деревне — лишь 13 432 юаня, то есть почти в три раза ниже, чем в городе. Рост доходов городских жителей с 1978 г. шел значительно быстрее, чем сельских. Лишь с 2010 г. темпы роста доходов жителей деревни стали опережать темпы роста доходов городских жителей. В среднем за 40 лет реформ в среднем доходы жителей КНР выросли в 82,2 раза: в городах — в 59,3 раза, в деревне — в 100 раз. Однако по-прежнему разрыв в доходах между городскими и сельскими жителями сохраняется и средние доходы городских жителей превышают доходы сельских жителей в 2,7 раза.

Также существует и заметный территориальный разрыв в доходах населения. Например, доходы жителей Пекина — 57 230 юаней в год — и Шанхая — 58 988 юаней в год — почти в четыре раза превосхо-

дят средние размеры доходов населения в западных районах Китая: в Тибете — 15 457 юаней в год, Ганьсу — 16 011 юаней в год, Гуйчжоу — 16 704 юаня в год [5, с. 58—62].

Еще одной важной задачей развития в 14-й пятилетке (2021—2025) стал курс руководства КНР на повышение народного благосостояния, который в значительной мере связан с развитием внутреннего рынка и внутреннего потребления. Рост внутреннего потребления должен будет расти за счет повышения доходов населения, и располагаемые доходы населения будут расти темпами, сопоставимыми с ростом ВВП, то есть не менее 6 % в год. При этом приоритет будет отдан повышению уровня жизни населения с низкими доходами и расширению численности среднего класса.

В настоящее время численность среднего класса в Китае составляет от 400 млн до 500 млн человек, и победа над бедностью будет способствовать росту экономики, расширению внутреннего рынка.

В 2021 г. после полной ликвидации бедности Китай продолжил борьбу с относительной бедностью, особенно в деревне. Фонд борьбы с бедностью преобразован в фонд возрождения села и в него выделено 156 млрд юаней.

Также продолжена борьба с безработицей, которая не должна превышать показатель 5,5 %. Планируется увеличить до 2025 г. долю городского населения с 60 до 65 % общей численности населения, то есть ежегодно увеличивать численность городского населения на 12 млн человек. При этом предполагается ежегодно создавать не менее 11 млн новых рабочих мест, и, по данным на 2021 г., в КНР было создано 12 млн новых рабочих мест.

Отдельным вопросом стоит предоставление городской прописки рабочим-мигрантам из деревни, общая численность которых составляла 285,6 млн человек в 2020 г. [3, с. 4] Предполагается, что увеличение численности рабочих-мигрантов в городах будет способствовать росту численности среднего класса, что приведет к росту их потребительской активности и позволит заметно расширить внутренний потребительский рынок.

Также для расширения внутреннего потребительского рынка была признана необходимость уделить больше внимания проблемам старения населения. Старение населения угрожает снижением внутренней потребительской активности, которая на сегодня обеспечивает львиную долю роста китайской экономики. По прогнозным данным, к 2025 г. доля населения в возрасте свыше 60 лет в Китае составит свыше 30 %, что окажет неблагоприятное влияние на рынок

рабочей силы в стране. Поэтому было принято решение о постепенном переходе к полной отмене ограничения рождаемости по всей стране, как это было уже сделано на северо-востоке КНР в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь.

По статистическим данным на 2020 год, объем розничного товарооборота составил 39,2 трлн юаней (38,6 % ВВП) — падение на 3,9 % по сравнению с предыдущим годом из-за эпидемии коронавируса. При этом значительная часть розничного товарооборота приходится на городское население — 33,9 трлн юаней (86,5 %), в то время как на село — лишь 5,3 трлн юаней (13,5 %) при том, что доля городского населения составляет 60 %, а доля сельского — 40 % [3, с. 6]. Очевидно, что ключ к росту внутреннего потребительского рынка лежит в развитии села и увеличении покупательной способности сельских жителей Китая.

Претворению в жизнь новой политики способствует повышение жизненного уровня населения. В 2021 г. ВВП КНР составил 146 трлн юаней, а ВВП на душу населения — более 12 тыс. долл. Уровень урбанизации составил уже более 64 % общего числа жителей страны, а величина группы среднего класса достигла 400—500 млн человек. В соответствии с нынешним критерием определения бедности, за прошедшие восемь лет 99 млн малоимущих жителей сельской местности покончили с бедностью. О том, что ликвидирована проблема абсолютной нищеты, председатель КНР Си Цзиньпин объявил накануне 100-летнего юбилея Коммунистической партии Китая.

За годы реформ национальное богатство было перераспределено в пользу беднейшей части населения, что дало возможность КНР встать на путь устойчивого развития и к настоящему времени войти в число наиболее экономически и технологически развитых государств в мире.

Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу под названием «Борьба с бедностью: опыт и вклад Китая». Книга издана для того, чтобы представить подход Китая и поделиться его опытом и действиями по борьбе с нищетой. Эти действия охватывают весьма широкие сферы: сюда входят развитие инфраструктуры в деревне, повышение уровня доходов бедных людей, а также развитие социального обеспечения и общественных услуг в области здравоохранения, образования и культуры.

Претворяется в жизнь целый ряд специальных программ, нацеленных на оказание помощи бедным слоям населения, и они дифференцируются в зависимости от местных и природных условий. Это

активизация программы по оказанию поддержки молодым поколениям из бедных семей в получении профессионального образования («Дождь и роса»); совершенствование систем трудоустройства путем подготовки более развернутых программ по целевому трудоустройству («Весенний ветер»); укрепление связей между местами проживания работников и районами, в которые они привлекаются для труда. В последнее время власти на местах используют пути уменьшения бедности за счет доходов от имущества. Выделенные из правительственных бюджетов целевые финансовые средства направляются на сельское хозяйство, вкладываются в строительство инфраструктурных объектов и развитие различных отраслей производства в бедных районах. Затем часть этого имущества в виде паев передается бедным семьям, полностью или частично лишившихся возможности работать, чтобы те могли получать доходы от этого имущества [1, с. 18].

На протяжении многих лет правительство КНР прилагает огромные усилия для ликвидации бедности и улучшения условий жизни населения, где центральным звеном является оказание адресной помощи в развитии бедных сельских районов для достижения еще одной цели — полного построения среднезажиточного общества.

В странах БРИКС проживает 3 млрд человек, а это 43 % мирового населения. Если партнерам Китая удастся приблизиться к решению проблемы бедности, это может стать важным условием для глобального успеха и стабильности. Китай показал, что справиться с бедностью в мировом масштабе возможно лишь совместными усилиями.

Таким образом, прогрессивный Китай дает надежду бедным и развивающимся странам на возможность с помощью государственного управления искоренения бедности, совершенствования демографической ситуации в этих странах, достижения целей устойчивого развития.

Можно констатировать практическое решение задачи преодоления бедности, и на этой основе выдвигаются новые планы повышения уровня жизни населения Китая, причем постепенно всех его слоев, всех районов страны, и приближение к мировым показателям по уровню жизни населения.

Библиографический список

1. Поделиться чудом // Дыхание Китая. № 125. 9 июня 2021 г. С. 17—19.
2. Чэнь Сивэн. Цзяньцзе даин топинь гунцзянь чжань. Жуци шисянь цаюнь-мань сяокан мубяо [Решительно победить в битве с бедностью и достичь цели все-

общего благосостояния в соответствии с графиком]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c541/201601/87a6480eb1e3442398c46f37f7f2aded.shtml> (на кит. яз.).

3. Чжунхуа жэньминь гунхэго 2020-нянь гоминь цзинци хэ шэхуэй фачжань тунци баогао 2020 [Статистические данные социально-экономического развития КНР за 2020 год]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 01.05.2022) (на кит. яз.).

4. Ван Сяолин, Ло Цзе. План нового развития // Китай. 2021. № 4 (185). С. 14—17.

5. Чжунго тунци чжайяо — 2018 [Китайский статистический справочник — 2019]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2019. 218 с. (на кит. яз.).

References

1. Podelitxia chudom [Share the wonder] // Dikhaniye Kitaya. 2021. № 125. Pp. 17—19.

2. Jianjue daying tuopin gongjian zhan. Ruqi shixian quanmian xiaokang mubiao [Resolutely win the battle against poverty and achieve the goal of a comprehensive well-off as scheduled]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c541/201601/87a6480eb1e3442398c46f37f7f2aded.shtml> (in Chinese).

3. Zhonghua renmin gongheguo 2020-nian guomin jingji he shehui fazhan tungji baogao 2020 [Statistical Communique of social and economic development of China in 2020]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (in Chinese).

4. Wang Xiaolin, Lo Jie. Plan novogo razvitiya [New development plan] // Kitai. 2021. № 4 (185). Pp. 14—17.

5. Zhongguo tongji zhaiyao — 2018 [China Statistical Abstract]. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2019. 218 p. (in Chinese).

Т.Л. Гурулева

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ В 2016—2020 гг. И ЗАДАЧИ ЕЕ РАЗВИТИЯ ДО 2025 г.¹

Аннотация. Статья посвящена анализу основных результатов выполнения 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китая в области образования и изучению основных направлений развития системы образования на период 14-й пятилетки. Исследование показало, что задачи 13-й пятилетки в указанной области в основном выполнены и перевыполнены, а по некоторым статистическим показателям Китай даже обогнал государства со средними и высокими доходами. В связи с достижением предельных статистических показателей развития системы образования стало очевидно, что экстенсивный путь развития образования себя исчерпал и динамика функционирования системы образования должна измеряться показателями, оценивающими ее качество, а не количество интегрированных в нее человеческих и материальных ресурсов. Поэтому в октябре 2020 г. ЦК КПК и Госсовет КНР поставили цель разработать к 2035 г. новую систему оценки качества образования по большому ряду предложенных параметров. Кроме того, в ноябре 2020 г. ЦК КПК также обозначил основные задачи развития системы образования на 14-ю пятилетку.

Ключевые слова: Китай, КНР, образование в Китае, модернизация образования в КНР, система образования.

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы по теме «Политическая система КНР» (FMSF-2021-0007).

The article was written as part of the research work on the topic “Political system of PRC” (FMSF-2021-0007).

Автор: Гурулева Татьяна Леонидовна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0253-0075>; E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

CHINA'S EDUCATION SYSTEM IN 2016—2020 AND TASKS OF ITS DEVELOPMENT UNTIL 2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main results of the implementation of the 13th five-year plan for the socio-economic development of China in the field of education and the study of the main directions of development of the education system for the period of the 14th five-year plan. The study showed that the tasks of the 13th five-year plan in this area were mainly fulfilled and overfulfilled, and according to some statistical indicators, China even overtook the states with middle and high incomes. In connection with the achievement of the limiting statistical indicators of the development of the education system, it became obvious that the extensive path of development of education has exhausted itself and the dynamics of the functioning of the education system should be measured by indicators that assess its quality, and not the amount of human and material resources integrated into it. Therefore, in October 2020, the CPC Central Committee and the State Council of the PRC set a goal to develop by 2035 a new system for assessing the quality of education based on a wide range of proposed parameters. In addition, in November 2020, the CPC Central Committee also outlined the main tasks of developing the education system for the 14th five-year plan.

Keywords: China, PRC, education in China, modernization of education in the PRC, education system.

Author: Guruleva Tatiana L., D.Sc. (Education), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0253-0075>; E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

На 2020 г. пришлось окончание нескольких важных этапов в области развития образования в Китае. Прежде всего, было завершено выполнение Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг., в этом же году закончилась 13-я пятилетка, также ставившая определенные задачи развития образования. Кроме того, завершился первый этап выполнения стратегии «Модернизация образования Китая-2035».

В связи с этим 1 марта 2021 г. на сайте центрального народного правительства был опубликован документ «Основные статистические результаты развития образования страны в 2020 г.», в котором нашли

отражение важнейшие итоги развития образования, достигнутые к этому году, а также представлена динамика достижения данных результатов с 2015 г. [2] Документ предварил ежегодный Национальный статистический отчет по развитию образования, который публикуется Министерством образования летом каждого года и предоставляет данные за предыдущий год [1].

Предварительные итоги выполнения Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг. были изучены нами ранее [7], целью данной статьи является изучение результатов выполнения задач 13-ой пятилетки и анализ задач развития образования на 14-ю пятилетку.

Согласно указанному выше документу [2], валовой коэффициент охвата различными моделями дошкольного образования (1, 2 и 3-летняя модель) в 2020 г. равен 85,2 % (48,2 млн человек), при том что в 2015 г. он составлял всего 75 % (42,7 млн человек); таким образом, рост этого показателя за 13-ю пятилетку превысил 10 %. В 2009 г. валовой коэффициент охвата 1-летним дошкольным образованием составлял 74 %, 2-летним — 65 %, 3-летним — 50 %, а количество детей, интегрированных в этот вид образования, включало всего 26,6 млн человек. К концу периода выполнения Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010—2020 гг. планировалось повысить валовой коэффициент охвата дошкольным образованием до 95, 80 и 70 % соответственно и увеличить количество детей, получающих дошкольное образование, до 40 млн человек. Указанный в 2020 г. достигнутый показатель в 85,2 % вполне укладывается в заявленные в Программе границы роста валового коэффициента охвата дошкольным образованием, а количество детей, охваченных системой дошкольного образования, превысило плановое на 8,2 млн человек (48,2 млн человек). При этом за период 13-й пятилетки успешно выполнена задача развития инклюзивных детских садов, которые в 2016 г. охватывали 29,7 млн человек (67,5 % от общего числа детей, включенных в систему дошкольного образования), а в 2020 г. — 40,8 млн человек (84,7 % соответственно). Всего в 2020 г. количество дошкольных учебных заведений составило 291 700 учреждений, число поступивших в дошкольные образовательные учреждения в этом году достигло 17,9 млн человек. Всего в системе дошкольного образования на полную ставку работает 2 913 400 штатных воспитателей.

Количественным показателем роста обязательного девятилетнего образования является коэффициент прочности, который расчи-

тывается как отношение числа всех обучающихся, поступивших в школу в 1-м классе, к числу учеников, закончивших 9 классов. За период 13-й пятилетки коэффициент прочности вырос с 93 % (130 млн человек) в 2015 г. до 95,2 % (156,4 млн человек) в 2020 г. В 2009 г. этот показатель составлял 90,8 % (157 млн человек), к 2020 г. его планировалось увеличить до 95 % (165 млн человек). Таким образом, процентный показатель 2020 г. достигнут, а разницу в абсолютных цифрах, вероятно, можно объяснить неточностью сделанных в 2009 г. прогнозов количества обучающихся на данной ступени образования. В 2020 г. количество учебных заведений, осуществляющих обязательное девятилетнее образование, составило 210 800 организаций. Количество учащихся, поступивших в них, составило 34,4 млн человек. Количество штатных учителей, обеспечивающих образовательный процесс в школах девятилетнего образования на полную ставку, составило 10,3 млн человек.

В общем количестве общеобразовательных школ, обеспечивающих обязательное девятилетнее образование в 2020 г. (210 800 учебных заведений), число начальных учебных заведений (1—6 класс) составило 158 000 организаций. В них обучается 107,3 млн человек, что составляет 99,96 % детей данной возрастной группы. В 2015 г. чистый коэффициент охвата начальным образованием составлял 86,9 млн человек (99,88 %). В 2009 г. количество детей данной возрастной группы (6—12 лет) в Китае составляло 95 486 431 человек, а количество обучающихся в начальной школе — 100 714 661, то есть коэффициент охвата данной возрастной группы составлял 105,5 %. Превышение 100 % порога в 2009 г. объясняется обучением в начальной школе 13, 14, 15-летних и старше учеников, которые на тот момент учились в начальной школе. В 2020 г. в начальную школу поступило 18 млн человек. Всего образовательный процесс в начальной школе обеспечивают 6,4 млн штатных учителей, работающих на полную ставку.

Остальную часть из 210 800 учебных заведений, реализующих обязательное девятилетнее образование, составляют средние школы первой ступени (7—9 классы) — 52 800 организаций. В них в 2020 г. обучалось 49,1 млн человек, что составляет 102,5 % этой возрастной группы (13—16 лет). В 2015 г. количество обучающихся в средней школе первой ступени было 43,1 млн человек (104 %). Превышение 100 % показателя этого коэффициента объясняется обучением на данной ступени детей, не входящих в указанную возрастную группу (очевидно, пришедших из начальной школы, где они также превышали рамки возрастной группы). В 2020 г. в среднюю школу старшей

ступени поступило 16,3 млн человек, количество штатных учителей, работавших на полную ставку на данной ступени среднего образования, составило 3,8 млн человек.

Валовой коэффициент охвата образованием средней школы старшей ступени в 2020 г. составил 91,2 % (41,3 млн человек). В 2015 г. этот показатель был 87 % (40,4 млн человек). В 2009 г. он равнялся 79,2 % (46,2 млн человек), и его планировалось увеличить до 90 % (47 млн человек). В итоге процентный показатель оказался перевыполнен за 10 лет на 1,2 %. В 2020 г. количество школ, осуществляющих обучение на этапе старшей ступени средней школы, составило 24 400 организаций, а количество поступивших в них учеников превысило 15 млн человек. Среди всех средних школ старшей ступени (24 400 учебных заведений) общеобразовательных школ старшей ступени насчитывалось 14 200 организаций, где всего обучалось 24,9 млн человек (набор 2020 г. составил 8,8 млн человек). Количество штатных учителей, занятых в общем среднем образовании старшей ступени составило 1,9 млн человек. Средних профессиональных учебных заведений, осуществляющих обучение на старшей ступени средней школы, составило 9865 организаций, в них в указанном году обучалось 16,3 млн человек (в 2020 г. поступило 6,3 млн человек). Количество штатных учителей, работающих в средних профессиональных учебных заведениях, составило 849,5 тыс. человек. В 2009 г. количество обучающихся в средних профессиональных учебных заведениях было 47 %, а оставшиеся 53 % приходились на общеобразовательную среднюю школу старшей ступени. В 2020 г. это соотношение составило 39,5 к 60,5 % соответственно, то есть процентное соотношение обучающихся в общеобразовательной средней школе старшей ступени увеличилось.

Валовой коэффициент охвата высшим образованием в 2020 г. составил 54,4 % (41,8 млн человек). В 2015 г. этот показатель был всего 40 % (36,5 млн человек). В 2009 г. он составлял всего 24,2 % (29,8 млн человек). К 2020 г. его планировалось увеличить до 40 % (35,5 млн человек). Всего в 2020 г. количество учебных заведений высшего образования составило 2378 организаций, среди которых высших учебных заведений по программам подготовки бакалавриата — 1270 (включая 21 учреждение высшего профессионального образования), по программам специального образования *чжуанькэ* — 1468. Всего в системе высшего образования обучается 32,8 млн человек по программам подготовки бакалавров и специалистов *чжуанькэ* (в 2020 г. набрано 9,7 млн человек); 3,1 млн человек по программам постдипломного об-

разования (магистратура и докторантура, в 2020 г. набор составил 1,1 млн человек). Также по программам подготовки бакалавров и специального образования *чжункэ* обучается 7,8 млн взрослых (набор 2020 г. — 3,6 млн человек) и еще 8,5 млн человек обучается в рамках дистанционного образования (набор 2020 г. — 2,8 млн человек). Количество штатных преподавателей, занятых в системе высшего образования, составляет 1,8 млн человек.

Количество коррекционных школ в 2020 г. составило 2244 учреждения, в них обучается 880,1 тыс. человек (в 2020 г. поступило 149 тыс. человек). Количество штатных учителей составляет 66,2 тыс. человек.

9 октября 2020 г. на сайте Центрального народного правительства размещен документ «В области образования Китай по многим показателям превысил средний уровень стран со средними и высокими доходами» [11].

В нем указано, что за период 13-й пятилетки Китай построил самую большую систему образования в современном мире. Решена задача увеличения набора в высшие профессиональные учебные заведения. Распространение образования всех уровней достигло или превысило средний уровень стран со средними или высокими доходами. Распространение образования и повышение его качества способствовали превращению Китая в державу с высоким уровнем развития человеческого капитала. С 2016 по 2019 г. количество выпускников общих и профессиональных вузов в общей сложности составило более 32 млн человек, а общее количество выпускников средних и высших профессиональных учебных заведений — более 34 млн. В 2019 г. средняя продолжительность обучения населения трудоспособного возраста (мужчины с 16 до 60 лет, женщины с 16 до 50 лет) достигла 10,7 лет. Заложена успешная основа для гарантированного обеспечения обязательного девятилетнего образования и борьбы с бедностью в образовании. На 15 сентября 2020 г. количество учеников, бросивших школу, уменьшилось с 600 тыс. человек (в 2018 г.) до 2419 человек; таким образом, проблема оставления школы по причине бедности практически решена. За последние пять лет Китай интегрировал 428 000 учителей в Программу специальных должностей. В 2015—2019 гг. 390 млн человеко-раз была оказана материальная помощь учащимся из семей с экономическими трудностями, а программа улучшения питания учащихся системы обязательного образования в сельской местности принесла пользу 40 млн сельских учеников.

С 2012 г. ежегодные расходы на образование превышают 4 % ВВП, в 2019 г. они составили более 4 трлн юаней, что на 8,25 % боль-

ше, чем в 2018 г. Доля работников с высшим образованием, пополнявших рынок труда в 2019 г., составила 50,9 %.

Анализ указанных документов позволяет заключить, что за период 13-ой пятилетки в основном выполнена задача углубления реформы и развития образования, включающая:

- популяризацию средней школы старшей ступени (валовой коэффициент охвата в 2020/21 учебно году вырос с 87 до 91,2 %);
- развитие инклюзивных детских садов (доля детей, посещающих инклюзивные детские сады, составила 84,7 % от всех детей, интегрированных в систему дошкольного образования);
- развитие непрерывного образования [по программам подготовки бакалавров и специального образования *чжуанкэ* обучается 7,8 млн взрослых, а также еще 8,5 млн человек обучаются в рамках дистанционного образования; успешно функционирует государственная платформа *中国职业教育与成人教育网* (URL: www.cvae.com.cn), созданная Министерством образования КНР]. Что касается создания платформы, содержащей индивидуальные учебные аккаунты и аккумулирующей академические кредиты (个人学习账号和学分累计制度), то пока такой платформы нет, и эта работа находится в процессе обсуждения;
- осуществление информатизации образования [по данным за 2019 г., к Интернету были подключены 157 632 начальные школы (из 158 000, что составило 99,8 %); 51 930 средних школ первой ступени (из 52 800; 98,4 %); 13 778 средних школ старшей ступени (из 14 200; 97 %); создана и в полном объеме функционирует государственная платформа образовательных ресурсов *国家教育资源公共服务平台* (URL: www.edu.cn), на которой во время пандемии 17 февраля 2020 г. был открыт Государственный облачный онлайн-класс *国家网络云课堂* (Cloud Classroom), предоставляющий по заявке в рамках единого расписания онлайн-уроки по программам обучения с 1 по 12 классы включительно];
- усиление педагогического состава [в целом штатный преподавательский корпус составляет более 17,3 млн человек. В системе высшего образования, по данным за 2019 г., занято 1 760 786 человек, из них ученую степень доктора имеют 27,1 % (476 652 человека), степень магистра 36,7 % (645 889 человек), степень бакалавра 35,4 % (623 647 человек), образование по программам подготовки *чжуанькэ* 0,8 % (14 598 человек); в системе среднего профессионального образования в 2019 г. было занято 642 197 преподавателей, указанное распределение составило 0,07 % (430 человек), 8,1 % (52 255 человек); 84,43 %

(542 051 человек); 7,1 % (45 791 человек); 0,3 % (1670 человек) соответственно];

- развитие сотрудничества между предприятиями и учебными заведениями (в рамках Плана 2.0 «шесть превосходных, один выдающийся» на 2019—2021 гг. предусмотрено создание нового механизма совместного обучения с промышленными предприятиями, в рамках которого с 2018 г. Министерство образования КНР поэтапно публикует списки проектов сотрудничества предприятий и университетов; с 2017 г. реализуется «Экстренный план» реформы инновационного предпринимательского образования в вузах, в рамках которого создается платформа для студентов вузов, на которой они смогут представлять свои компетенции, что также будет содействовать укреплению взаимосвязи обучения студентов с производством) [9];

- создание высших учебных заведений мирового уровня и первоклассной науки [(реализация с 2015 г. Проекта «два первоклассных», в который в настоящее время входит 137 университетов, в числе которых 42 университета мирового класса (класс А — 36, класс В — 6) и 95 университетов, имеющих первоклассные научные дисциплины (465); в первую сотню вузов рейтинга ТНЕ (2019—2020) входят три университета континентального Китая (в 2016—2017 гг. — 2), а рейтинга QS (2019—2020) — шесть вузов континентального Китая (в 2016—2017 гг. — 4)] [8];

- развитие международного образовательного сотрудничества (реализация совместных образовательных программ, создание совместных образовательных учреждений и сетевых университетов [6], а также международных двусторонних ассоциаций вузов [5], обмен студентами и преподавателями; в 2018 г. в Китае обучалось 492 185 иностранных студентов из 196 стран и регионов мира; количество китайских студентов, обучающихся в 2019 г. за границей, составило 703 500 человек, что на 6,25 % больше, чем в 2018 г.);

- стандартизация педагогических кадров, оборудования, учебных зданий и территорий образовательных организаций [например, в общеобразовательной средней школе старшей ступени в 2019 г. работало 1 859 242 учителя, из них 10,6 % (197 002 человека) завершили обучение по программам постдипломного образования, 88 % (1 636 615 человек) — по программам бакалавриата; 1,4 % (25 257 человек) — по программам *чжуанькэ*; 0,02 % (349 человек) — по программе средней школы старшей ступени, в среднем на одного учителя приходится 13,1 ученика; в общеобразовательной школе первой ступени это распределение представлено следующим образом: 3,5 % (131 646 чело-

век), 83,9 % (3 141 892 человека); 12,5 % (469 255 человек); 0,1 % (4496 человек) соответственно, в среднем на одного учителя в средней школе первой ступени приходится 12,9 ученика; в начальной школе указанное распределение представлено так: 1,4 % (85 135 человек); 61,2 % (3 833 676 человек); 34,7 % (2 178 498 человек); 2,7 % (170 109 человек) соответственно, в среднем на одного учителя приходится 16,8 ученика]. Что касается стандартизации оборудования, учебных зданий и территорий, то официальных данных для анализа недостаточно, не указываются стандартные показатели обеспеченности обучающихся литературой, количеством квадратных метров учебных аудиторий и других площадей.

Помимо выполнения задачи углубления реформы и развития образования можно констатировать достижение значимых результатов в решении задач ускорения равномерного развития образования, усиления подготовки в университетах инновационных кадров, ускорения строительства обучающегося общества.

Что касается планов развития образования до 2025 г. (на 14-ю пятилетку), то в основном документе ЦК КПК ставится цель создания системы образования высокого качества, в области развития разных видов образования были указаны следующие задачи [12]:

- придерживаться принципа общественной пользы образования, углублять реформы образования, содействовать реализации справедливого образования, осуществлять сбалансированное развитие обязательного образования, образовательную интеграцию города и деревни, совершенствовать систему гарантии инклюзивного дошкольного, коррекционного образования и образования трудных подростков, осуществлять диверсифицированное развитие образования средней школы старшей ступени;

- увеличить инвестиции в человеческий капитал, усилить пригодность профессионально-технического образования, укрепить взаимодействие общеобразовательной и профессиональной школ старшей ступени, интеграцию образования и производства, сотрудничество образовательных учреждений и предприятий;

- повысить качество высшего образования, классифицировать систему университетов мирового уровня и первоклассных научных дисциплин, ускорить подготовку дефицитных кадров в области естественных, технических, сельскохозяйственных и медицинских специальностей;

- повысить качество и уровень образования в районах проживания национальных меньшинств, повысить динамику распространения общегосударственного языка и письменности;

- укреплять и стандартизировать развитие системы частного образования, стандартизировать внешкольные организации, осуществляющие обучение и тренинги;
- раскрыть преимущества дистанционного образования, совершенствовать систему обучения в течение всей жизни, построить обучающееся общество.

Таким образом, можно заключить, что Китай исчерпал «экстенсивный путь» развития образования и стоит перед необходимостью выработки новых, качественных критериев оценки его развития. В изданном в октябре 2020 г. документе «Основные положения программы развития образования страны на 14-ю пятилетку» [3] указано, что вузы должны представить в Министерство образования свои предложения до конца апреля 2021 г. для составления готового плана. Этот план отражает основные идеологемы XIX съезда КПК: «мировая образовательная держава», «обучающееся общество», «образование *сучжи*» [4]; идеологемы стратегии «Модернизация образования Китая-2035»: «обучающаяся страна», «мировая держава человеческих ресурсов», «мировая держава квалифицированных кадров», «качественное образование с китайской спецификой передового мирового уровня»; идеи Комплексной программы углубления реформы оценки качества образования новой эпохи, опубликованной в октябре 2020 г., ставящей общую цель создания к 2035 г. новой системы оценки качества образования по различным типам параметров, а также пункты, изложенные в документе «Основные задачи плана работы Министерства образования на 2021 г.» [10], включающие разработку и выполнение таких планов, как План реализации аудита и оценки качества обучения по программам бакалаврского образования общих высших учебных заведений (2021—2025), План долгосрочной и среднесрочной информатизации образования (2021—2035), План информатизации образования на 14-ю пятилетку, План мероприятий по совместному созданию образования «Один пояс, один путь» 2021—2025 гг., План мероприятий по повышению качества профессионального образования (2020—2023), План по подготовке кадров в области фундаментальных научных дисциплин (2021—2035), Основные положения программы научно-технического развития вузов на среднесрочный и долгосрочный периоды (2021—2035), План научно-технического развития вузов на 14-ю пятилетку, Общегосударственный план разработки учебных материалов для высших, средних и начальных учебных заведений (2019—2022) и др.

Библиографический список

1. 2019 нянь цзяоюй тунци шуцзюй (Национальный статистический отчет по развитию образования за 2019 г.). URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A03/moe_560/jtjtsj_2019/ (дата обращения: 07.03.2022).

2. 2020 нянь цюаньго цзяоюй ши'е тунци чжюао цзего (Основные статистические результаты развития образования страны в 2020 г.). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/01/content_5589503.htm (дата обращения: 07.03.2022).

3. Гоцзя цзяоюй ши'е фачжань «ши сы у» гуйхуа ганяо (Основные положения программы развития образования страны на 14-ю пятилетку). URL: <http://www.hnit.edu.cn/ssw/info/1004/1212.htm> (дата обращения: 07.03.2022).

4. Гурулева Т.Л. 19 съезд КПК о развитии образования в новую эпоху социализма с китайской спецификой // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. С. 164—172.

5. Гурулева Т.Л. Ассоциация как новая форма сотрудничества России и Китая в области образования и науки // 70 лет современному китайскому государству. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 20 и 22 марта 2019 г.). М.: ИДВ РАН, 2019. С. 243—255.

6. Гурулева Т.Л. Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108—123.

7. Гурулева Т.Л. Результаты выполнения программы реформы образования в Китае и задачи развития образования до 2022 г. // Китайское государство на ключевом этапе построения «среднезажиточного общества». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 81—92.

8. Гурулева Т.Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 185—197. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13>

9. Гурулева Т.Л., Ван Бин. Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 636—654. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654>

10. Цзяоюй бу 2021 нянь гунцзо яодянь (Основные задачи работы Министерства образования на 2021 г.). URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1690937053146987597&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 07.03.2022).

11. Цзяоюй ши'е до сян чжибяо чаого чжун гао шоужу гоцзя пинцзюнь шуйпин (В области образования Китай по многим показателям превысил средний уровень стран со средними и высокими доходами). URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-10/09/content_5549828.htm (дата обращения: 07.03.2022).

12. Чжунгун чжунъян гуаньюй чжидин гомин цзинци хэ шэхуэй фачжань ди ши сы гэ у нянь цзихуа хэ 2035 нянь юаньцзин мубяо дэ цзянь'и (Предложения ЦК КПК о разработке 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития и перспективных целей до 2035 г.). URL: <http://spxy.qlu.edu.cn/2020/1106/c6087a157936/page.htm> (дата обращения: 07.03.2022).

References

1. National statistical reports on education development for 2019 (In Chin.). Available at: URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A03/moe_560/jytjsj_2019/ (accessed: 07 March 2021).

2. Main results of national education statistics in 2020 (In Chin.). Available at: URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/01/content_5589503.htm (accessed: 07 March 2021).

3. Outline of the “14th Five-Year Plan” for the Development of National Education (In Chin.). Available at: URL: <http://www.hnit.edu.cn/ssw/info/1004/1212.htm> (accessed: 07 March 2021).

4. Guruleva T.L. 19 s#ezd KPK o razvitii obrazovanija v novuju jepohu socializma s kitajskoj specifikoj [19th Congress of the CPC on the development of education in a new era of socialism with Chinese characteristics]. Novaja jepoha: Kitaj posle XIX s#ezda KPK — “New Era: China after the 19th Congress of the CPC”. Moscow, 2018, pp. 164—172.

5. Guruleva T.L. Associacija kak novaja forma sotrudnichestva Rossii i Kitaja v oblasti obrazovanija i nauki [Association as a new form of cooperation between Russia and China in the field of education and science]. 70 let sovremennomu kitajskomu gosudarstvu — 70 years of the modern Chinese state. Moscow, 2019, pp. 243—255.

6. Guruleva T.L. Bedareva N.I. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaja v oblasti sozdanija setevyh universitetov i sovместnyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Cooperation between Russia and China in the field of creating network universities and joint educational institutions]. Vysšee obrazovanie v Rossii — Higher education in Russia, 2019, no. 4, pp. 108—123.

7. Guruleva T.L. Rezul'taty vypolnenija programmy reformy obrazovanija v Kitae i zadachi razvitija obrazovanija do 2022 goda [The results of the implementation of the education reform program in China and the tasks of education development until 2022]. Kitajskoe gosudarstvo na zakljuchitel'nom jetape postroenija “srednezahitocnogo obshhestva” — The Chinese state at the final stage of building a “moderately prosperous society”. Moscow, 2020, pp. 81—92.

8. Guruleva T.L. Universitety KNR: sovremennoe sostojanie i strategija global'nogo razvitija do 2035 goda [Universities of the PRC: current state and strategy of global development until 2035]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija — Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. Regional studies. International relationships, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 185—197. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13>

9. Guruleva T.L., Wang Bing. Vysšee obrazovanie v KNR: instituty i mehanizmy gosudarstvennogo i partijnogo upravlenija [Higher education in the PRC: institutions and

mechanisms of state and party management]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija — Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 636—654. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654>

10. Key points of the Ministry of Education's work in 2021 (In Chin.). Available at: URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1690937053146987597&wfr=spider&for=pc> (accessed 07 March 2021).

11. Many indicators of education surpass the average level of middle- and high-income countries (In Chin.). Available at: URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-10/09/content_5549828.htm (accessed 07 March 2021).

12. Proposals of the Central Committee of the Communist Party of China on Formulating the Fourteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development and the Long-term Goals for 2035 (In Chin.). Available at: URL: <http://spxy.qdu.edu.cn/2020/1106/c6087a157936/page.htm> (accessed 07 March 2021).

М.А. Гулева

РАЗВИТИЕ СЕКТОРА НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В последнее десятилетие улучшение качественных характеристик населения приобрело решающее значение для властей Китая. Наука и образование были провозглашены «основой» социалистической модернизации и «корнем» дальнейшего развития китайского общества.

До недавнего времени основным фокусом для властей служила система базового государственного образования, в развитии которой за годы реформ удалось достичь внушительных результатов. Сегмент частного образования, хотя формально и имел политическую поддержку, тем не менее развивался довольно хаотично. Экономические реформы в стране создали предпосылки для повышения спроса населения не только на государственное, но и на частное образование, чему способствовал целый ряд факторов, среди которых, в том числе, рост благосостояния и урбанизация, а также доступность частных учебных заведений для мигрантов, уезжающих в другие регионы на заработки. Однако развитие сферы негосударственного образования имело ярко выраженную региональную специфику, поэтому происходило довольно неравномерно.

В последнее время развитие частных учебных заведений стало одним из важных направлений работы властей. Деятельность частных и международных учебных заведений регламентируется все больше, контроль над работой и обеспечением необходимого уровня образования становится все строже. После достаточно тяжелого для негосударственного сектора 2020 г., когда почти все учебные заведе-

ния были переведены на дистанционный формат обучения из-за пандемии коронавируса, в 2021 г. власти страны стали готовить беспрецедентные реформы, которые должны были коснуться всего сегмента обязательного образования и оказать значительное влияние на дальнейшую работу всех частных школ в стране. Усиление контроля со стороны правительства и более строгие правила по управлению негосударственными учебными заведениями различных ступеней призваны укрепить роль государства в секторе частного обучения, качественно повысить уровень образования и привести частные учреждения к большему паритету с государственными учебными заведениями.

Ключевые слова: Китай, КНР, негосударственные образовательные учреждения, частые школы, реформы, *миньбань*, пандемия, учебные программы.

Автор: *Гулева Мария Александровна*, кандидат экономических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: guleva.m@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE NON-STATE EDUCATION SECTOR IN CHINA AT THE PRESENT STAGE

Abstract. In the last decade, improving the qualitative characteristics of the population has become crucial for the Chinese authorities. Science and education have been proclaimed as the 'backbone' of socialist modernization and the 'root' for the further development of Chinese society.

Until recently, the main focus for the authorities has been the basic public education system, in the development of which impressive results have been achieved over the years of reform. The private education segment, although formally politically supported, has developed rather erratically. Economic reforms in the country have created preconditions for increased demand for private as well as public education, which has been stimulated by a number of factors, including growth of welfare and urbanization, as well as accessibility of private educational institutions for migrants moving to other regions to earn money. However, the development of the non-state education sector had distinct regional specificities, so it has been quite uneven.

Recently, the development of private educational institutions has become one of the important activities of the authorities. The activity of private and international educational institutions is becoming more and more regulated, and control over their work and over ensuring the necessary level of education is becoming stricter. After a rather difficult year for the private sector in 2020, when almost all educational institutions were switched to distance learning due to the coronavirus pandemic, in 2021 the authorities started preparing unprecedented reforms that will affect the entire

compulsory education segment and will have a significant impact on the future operation of all public schools in the country. Increased government oversight and stricter rules for the management of non-public schools at various levels are intended to strengthen the state's role in the private education sector, improve the quality of education and bring them to greater parity with public schools.

Keywords: China, PRC, non-state educational institutions, private schools, reforms, minban, pandemic, curriculum.

Author: *Guleva Maria A.*, Ph.D. (Economics), Associate Professor, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: guleva.m@gmail.com

В последние годы реформирование системы образования в Китае привлекает все больше и больше внимания. Однако сегмент частного образования до сих пор оставался в тени.

Постепенно негосударственные образовательные учреждения (далее — НОУ) начинают играть все более весомую роль в жизни китайского общества. Растет численность учащихся на всех этапах обучения, количество школ увеличивается, тем самым позволяя все большему числу детей получать доступ к образованию вне зависимости от региона их проживания. По факту частное образование стало компенсировать ту нехватку ресурсов, которую не мог охватить государственный сектор.

Наладив в целом работу государственных учебных заведений, власти начали масштабную работу по отраслям, которым ранее уделялось значительно меньше внимания. Частное образование стало одной из них. С сентября 2021 г. вступили в силу новые поправки к Закону, регулирующие работу НОУ; кроме того, властями также был запущен ряд реформ в системе обязательного образования. В развитии отрасли в перспективе непременно произойдут изменения.

Полноценное развитие негосударственных образовательных учреждений началось с периода реформ и открытости, когда созданный общественными силами вектор развития получил название «народного» [1]. С 80-х годов XX в. и до настоящего момента НОУ, называемые *миньбань* (民办), прошли значительный и непростой путь развития.

Главной причиной развития частного образования в период реформ и открытости послужила неспособность государства обеспечить образовательные запросы населения. Имеющиеся на тот момент государственные учебные заведения не могли охватить все слои населения, проживающие в различных регионах страны. С одной стороны, подобные школы создавались в интересах детей разбогатевшей уже на

тот момент элиты, с другой — для жителей сельской местности, которые искали возможности предоставления образования своим детям [2, с. 161].

Развитие отрасли на современном этапе

На сегодняшний день развитие НОУ в Китае имеет ярко выраженную региональную специфику. Оно неразрывно связано с социально-экономическим развитием регионов и политикой местных властей. Во многих регионах власти вовсе не занимаются управлением негосударственными учебными заведениями, действуя по принципу «сначала развитие, потом нормирование деятельности».

Современная система частного образования охватывает все основные этапы обучения, начиная с детских садов и заканчивая высшими учебными заведениями.

Еще в начале 2000-х годов среди детских садов преобладали именно частные, так как государство в тот момент еще акцентировало внимание на развитии и стимулировании в первую очередь обязательного 9-летнего образования. После 2010 г. ситуация стала стремительно меняться и дошкольное образование с государственной поддержкой стало наращивать свои масштабы, однако и сегодня 30 % всех детских садов в стране — частные.

В целом, по статистическим данным за 2019 г., в стране более 1/3 всех учебных заведений приходились на НОУ, а общее число учеников составило 20 % от всех учащихся в Китае (табл. 1) [4].

За годы реформ в сфере образования властям страны удалось достичь внушительных результатов. Показатель неграмотного населения снизился до 4,59 %, а охват обязательным 9-летним образованием, наоборот, достиг 95 % [4]. И хотя основной движущей силой сегодня является сегмент государственного образования, тем не менее частные учебные заведения играют все более значимую роль в жизни китайского общества.

За последние 10 лет удалось достигнуть определенного прогресса в масштабах развития начальных и средних учебных заведений. С 2008 по 2019 г. количество НОУ в этой сфере выросло с 13 081 до 15 448, сохраняя в среднем темпы роста на уровне 1,33 %. Число учеников выросло более чем на 8 млн, с 11,49 млн до 19,91 млн человек [5]. При этом устойчивая тенденция роста численности учащихся сохраняется на всех ступенях образования. Численность преподаватель-

Таблица 1. Данные о численности учащихся, преподавательского состава и количестве учебных заведений в государственных и негосударственных учебных заведениях

	Ученики (млн)		Учебные заведения (тыс.)		Учителя (млн)	
	Гос. образ. учреждения	НОУ	Гос. образ. учреждения	НОУ	Гос. образ. учреждения	НОУ
Детские сады	47,13	26,49	281,1	173,2	2,76	1,69
Начальная школа	92,25	9,44	160,1	6,2	5,48	0,50
Средняя школа 1-й ступени	48,27	6,87	52,4	5,7	2,58	0,42
Средняя школа 2-й ступени ¹	24,14	3,59	13,9	3,4	1,85	0,23
ВУЗ (бакалавриат)	17,5	4,39	2,6	0,4	1,74	0,25

Составлено по: Zhongguo tongji nianjian 2020 (Ежегодный статистический сборник 2020 г.) — Tab. 21-1—21-5 (электронный вариант).

ского состава росла не так равномерно, как число учащихся. Наиболее устойчивую тенденцию сохраняют воспитатели в дошкольных заведениях, где на сегодняшний день работает уже почти 2 млн педагогов.

Источники финансирования по своему составу довольно разнообразные и включают в себя общественные организации, предприятия и компании, иностранных граждан и граждан КНР, административные органы образования и государственные учебные учреждения.

Среди моделей негосударственных школ в настоящее время преобладают «учрежденные народом при поддержке государства», «учрежденные государством при поддержке народа», акционированные учебные заведения, а также школы, созданные предприятиями и компаниями [3, с. 335]. Школ, открытых частными лицами и совместно с иностранными учебными заведениями, пока не так много. Те же школы, которые были открыты «народом при поддержке государства», имеют разнообразные связи со школами государственными, процент их выпускников, продолжающих обучение, довольно высок, и поэтому подобные школы пользуются большей популярностью.

¹ В Китае средняя школа делится на две ступени: начальную и среднюю. Средняя школа 1-й ступени включается в себя 7—9 классы и вместе с начальной школой (1—6 классы) составляет обязательное бесплатное 9-летнее обучение. Средняя школа 2-й ступени (10—12 классы), как правило, является платной и пока не включена в систему обязательного образования.

Кроме некоторых НОУ, получающих определенное финансирование на уровне местных правительств за выполнение задачи по распространению обязательного образования, остальные школы получают лишь политическую поддержку и поощрение их работы без каких-либо финансовых вложений. Именно по этой причине главным источником финансирования при создании НОУ являются учебные взносы. Их доля, как правило, превышает 80 % от всех поступлений. Временные меры по регулированию взносов в негосударственных учебных заведениях (2005) устанавливали, что с учащихся НОУ могут взиматься учебные взносы и плата за общежитие, а отдельные сборы за дополнительные предоставляемые за период учебы услуги не следует включать в подобные расчеты [7]. Они могут взиматься только в том случае, если ученик сам захочет их заплатить.

Норматив учебных взносов (на уровне высшей школы) колеблется от 3 до 10 тыс. юаней в год на человека, а плата за общежитие — не менее 1 тыс. юаней. Доходы от взносов за обучение при этом сильно разнятся от школы к школе и в зависимости от региона, поэтому учебные заведения, расположенные в крупных городах, имеют больше источников финансирования, привлекают более обеспеченные семьи и имеют возможность более качественно развивать учебную инфраструктуру.

Реформы в сфере частного образования в 2021 г.

После того как в сегменте государственного образования удалось достичь устойчивого развития, власти обратили внимание и на другие сферы образования. В частности, с 2019 г. началась работа по оценке и перспективам развития негосударственных учебных заведений. Результатом проведенного мониторинга стали меры, вводимые Министерством образования относительно функционирования всех частных образовательных учреждений.

С 1 сентября 2021 г. вступают в силу поправки к Закону о негосударственных учебных заведениях [9]. Основные положения можно свести к следующему:

- согласно документу, общественные организации и физические лица могут иметь в ведении частные учебные заведения, не привлекая к этому бюджетные средства. Наоборот, будет поощряться привлечение средств из различных фондов и пожертвований. Для данных кате-

горий граждан запрещается проведение операций по слиянию школ с целью получения дохода;

- частные учебные заведения должны признавать и поддерживать руководство в лице Коммунистической партии Китая. В них в обязательном порядке должен быть введен предмет нравственного воспитания, по аналогии с государственными школами;

- руководящие должности в НОУ должны в том числе занимать члены КПК. Это будет достаточно серьезным нововведением, особенно для школ, учредителями которых являются иностранные колледжи и вузы;

- учреждения с иностранным капиталом и общественные организации, находящиеся под управлением из-за рубежа, не могут контролировать или принимать участие в управлении частными школами, относящимися к ступеням обязательного образования. Кроме того, запрещается ведение занятий иностранцами в любых учебных заведениях, относящихся к системе обязательного 9-летнего обучения;

- государственные школы, относящиеся к системе обязательного образования, не могут иметь подведомственные частные учебные заведения и не могут сами переквалифицироваться в НОУ. Другие госшколы могут быть учредителями НОУ, но не разрешается получение от них прибыли;

- запрещается сбор взносов за поступление в НОУ, даже если подобные сборы носят характер пожертвований или спонсорской помощи;

- все сборы, осуществляемые НОУ, должны быть четко регламентированы и не осуществляться в интересах отдельных сторон;

- необходимо создание четкой системы найма и заключения договоров с основным штатом НОУ. Все преподаватели должны иметь соответствующую необходимую квалификацию;

- местные правительства должны обеспечить регулярный контроль и работу с управляющими НОУ на местах, в то время как власти провинций должны быть ответственными за налаживание механизма поддержки и стимулирования развития сектора частного образования;

- все учебные программы должны соответствовать требованиям Министерства образования, в противном случае их использование в учебном процессе запрещается и приравнивается к нарушению и нанесению ущерба национальным интересам страны.

Указанные меры, несомненно, отразятся на работе частных школ и, вероятно, довольно сильно изменят ландшафт в данной отрасли. Усиление контроля со стороны правительства и более строгие прави-

ла для управления НОУ призваны укрепить роль государства в секторе частного обучения, качественно повысить уровень образования и привести эти учреждения к большему паритету с государственными учебными заведениями.

Проблемы развития отрасли негосударственного образования

Долгое время частный сектор образования развивался достаточно хаотично без значительных вмешательств и регламентов со стороны властей. По этой причине в юридическом и экономическом развитии подобных учебных заведений возникали различные препятствия.

А ситуации, когда расходы на образование являются главной статьей бюджета значительной части китайских семей (по разным данным, более 70 % семейных средств идет именно на образование), даже несмотря на хорошую репутацию школы и желание дать своим детям лучшее образование, чересчур завышенная стоимость обучения ожидаемо вызывает недовольство со стороны родителей, а иногда и местных властей. После того как в 2021 г. образование в частных школах в крупных городах выросло в среднем почти на 30 %, введение поправок относительно контроля над ростом цен в секторе НОУ представляется важным и необходимым шагом со стороны властей [10].

Учебные взносы являются основным источником дохода частных учебных заведений, которые своими силами несут все финансовые расходы. До сих пор одной из наиболее острых проблем частных школ является проблема нехватки учебных помещений. Большинство НОУ не имеют своих зданий и вынуждено арендовать площади у более крупных государственных школ/вузов либо у местных властей. Кроме высокой арендной платы, школы, особенно находящиеся в небольших городах и поселках, испытывают нехватку учебных материалов, приборов, оборудования [12]. Негосударственные детские сады, начальные и средние школы страдают от частой сменяемости преподавательского состава, неукomплектованности кадров и низкого уровня заработной платы. Пандемия лишь усугубила финансовое положение многих учебных заведений, находящихся вне крупных городов.

Именно поэтому в новых поправках, вступивших в силу в сентябре 2021 г., говорится о том, что НОУ должны преимущественно носить нефинансовый характер и не могут служить источником дохода для отдельных групп лиц, предприятий или объединений. В настоя-

ший момент разрабатывается более четкая юридическая база функционирования частных учебных заведений, которая должна упорядочить и привести к единому знаменателю работу всего сегмента негосударственного образования [13].

Частное образование по-прежнему находится на стадии развития и роста. Однако в настоящий момент власти начали все более активно регламентировать деятельность НОУ и вводить новые правила [14]. Негосударственные учебные заведения будут и дальше играть важную роль в развитии системы образования Китая, так как они охватывают значительную часть населения страны, которая по тем или иным причинам не имеет возможности получать образование в государственных учебных заведениях, однако очевидно, что их деятельность претерпит немало изменений в ближайшей перспективе.

Библиографический список

1. Гайгэ кайфан 40 нянь, во циньли дэ чжунго миньбань цзяоюй дэ фачжань бяньнянь // Ди и цзяоюй [40 лет реформ и открытости, пройденный путь развития негосударственного образования в Китае // Первое образование] URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/rllQd1ZXQAcOCOOUOKnQ3ig> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

2. М. Брэй. Исследование по сравнительному образованию. Подходы и методы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. С. 158—160.

3. У Дагуан, Хэ Сюэлянь. Негосударственное образование в КНР // Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX—XXI вв.: сравнительный анализ / отв. ред. Н.Е. Боровская, Чжу Сяомань. М.: Б. и., 2007. С. 327—342.

4. Чжунго тунци няньцзянь 2020 [Статистический сборник Китая 2020] // URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

5. Миньбань гаоден цзяоюй кан фэнсянь нэнли гэнцянь // Чжунгуаньцунь хуляньван цзяоюй чуансинь чжунсинь [Частное образование более устойчиво к рискам // Инновационно-образовательный интернет-центр Чжунгуаньцунь]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/gaADBIbUOFatT9Hum9Pt2w> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

6. Миньбань чжунсяосюэ цзяоюй фачжань дэ цюйши, тяочжань юй дуйцэ // Чжунго цзяоюй сюэкань [Тенденции, вызовы и политика в развитии частного начального и среднего образования // Журнал образования Китая]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/fkBFZaw4GIak7i5Wnf_Lzw (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

7. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньбань цзяоюй цуцзиньфа [Закон Китайской Народной Республики о содействии развитию негосударственного образования] // Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: <http://www.npc.gov.cn/>

zgrdw/npc/xinwen/2019-01/07/content_2070265.htm (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

8. Чжунхуа жэньминь гунхэго миньбань цзяюй пуцзинь фаши шитяо [Положения о реализации Закона Китайской Народной Республики о содействии развитию негосударственного образования] // Официальный сайт Правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-05/14/content_5606463.htm (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

9. Чжэнцзюэ лицзе миньбань цзяюй дэ гуньсин, пуцзинь миньбань цзяюй цзянькан фачжань [Правильно понимать общественную составляющую частного образования и способствовать его здоровому развитию] // Jiemodui. URL: <https://www.jiemodui.com/N/124784> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

10. Private education to be promoted // Официальный сайт Правительства КНР. URL: http://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202105/14/content_WS609e6a5cc6d0df57f98d9852.html (дата обращения: 06.02.2022).

11. 2021 нянь Чжунго миньбань цзяюй ханьэ шичан сяньчжуан, цзинчжэн гэцзюй цзи фачжань цяньюцзин фэньси. Цзигоу гуймо хо цян чисюй кочжан [Анализ состояния рынка, конкуренция и перспективы развития индустрии частного образования Китая в 2021 г. Масштабы учебных заведений могут продолжать расширяться]. URL: <https://bg.qianzhan.com/trends/detail/506/210219-071ac767.html> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

12. Миньбань цзяюй, чжунчэн гуньи // Сюэцю [Частное образование, ставшее общественным благом // Сюэцю] URL: <https://xueqiu.com/6078704079/180419437> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

13. Чжэнцэ социнь, цзыбэнь цюйлэн, миньбань цзяюй цян мяньлинь чжуаньсин тяочжань [Ужесточая политику и уменьшая капитал: частное образование столкнется с проблемами трансформации] // Jiemodui. URL: <https://www.jiemodui.com/N/120346> (дата обращения: 06.02.2022) (на кит. яз.).

14. Ministry sets out after-school plans // China Daily. URL: <http://www.china-daily.com.cn/a/202107/14/WS60ee508ba310efa1bd661e83.html> (дата обращения: 06.02.2022).

References

1. Gǎigé kāifāng 40 nián, wǒ qīnlì de zhōngguó mínbàn jiàoyù de fā zhǎn biànciān [40 years of reform and opening up, I have experienced the development and changes of private education in China]. Dì yī jiàoyù. Available at: URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/rllQd1ZXQAcOCOOUKnQ3ig> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

2. M. Bray. Research on Comparative Education. Approaches and methods. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshsei shkoly ekonomiki Publ., 2020, pp. 158—160 (In Russ.).

3. Wu Dagan, He Xuelian. Non-State Education in the PRC. Ed. N.E. Borevskaya, Zhu Xiaoman. Russia — China: Educational Reforms at the Turn of XX—XXI Centuries: Comparative Analysis. Moscow, without a publisher, 2007, pp. 327—342 (In Russ.).

4. Zhōngguó tǒngjì niánjiàn 2020 [China Statistical Yearbook 2020]. Available at: URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2020/indexch.htm> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

5. Mínbàn gāoděng jiàoyù kàng fēngxiǎn nénglì gēng qiáng [Private higher education has stronger anti-risk capability]. Zhōngguāncūn hùliánwǎng jiàoyù chuàngxīn zhōngxīn. Available at: URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/gaADB1bUOFatT9Hum9Pt2w> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

6. Mínbàn zhōng xiǎoxué jiàoyù fāzhǎn de qūshì, tiǎozhàn yu duicè [Trends, Challenges and Countermeasures for the Development of Private Primary and Secondary Education]. Zhōngguó jiàoyù xué kān. Available at: URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2019-01/07/content_2070265.htm (In Chin.).

7. Zhōnghuá rénmín gònghéguó mínbàn jiàoyù cùjìn fǎ [The Law of the People's Republic of China on the Promotion of Private Education]. Official Website of the Ministry of Education of PRC. Available at: URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A02/zfs_left/s5911/moe_619/201805/t20180508_335337.html (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

8. Zhōnghuá rénmín gònghéguó mínbàn jiàoyù cùjìn fǎ shíshī tiáo [Implementation Articles of the Law of the People's Republic of China on the Promotion of Private Education]. Official Website of the State Council of PRC. Available at: URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2021-05/14/content_5606463.htm (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

9. Zhèngquè lǐjiě mínbàn jiàoyù de gōngyì xìng, cùjìn mínbàn jiàoyù jiànkāng fāzhǎn [Correctly understand the public welfare of private education and promote the healthy development of private education]. Jiemodui. Available at: URL: <https://www.jiemodui.com/N/124784> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

10. Private education to be promoted. Official Website of the State Council of PRC. Available at: URL: http://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202105/14/content_WS609e6a5cc6d0df57f98d9852.html (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

11. 2021 Nián zhōngguó mínbàn jiàoyù hángyè shìchǎng xiànzhuàng, jìngzhēng géjú jí fāzhǎn qiánjǐng fēnxī jīgòu guīmó huò jiāng chíxù kuòzhāng [Analysis of the market status, competition pattern and development prospects of China's private education industry in 2021 The scale of institutions may continue to expand]. Available at: URL: <https://bg.qi anzhan.com/trends/detail/506/210219-071ac767.html> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

12. Mínbàn jiàoyù, zhōng chéng gōngyì [Private education will eventually become a public welfare] Xueqiu. Available at: URL: <https://xueqiu.com/6078704079/180419437> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

13. Zhèngcè suǒ jǐn, zìběn qū lěng, mínbàn jiàoyù jiāng miànlín zhuǎnxíng tiǎozhàn [Tightening policies and cooling capital, private education will face transformation challenges]. Jiemodui. Available at: URL: <https://www.jiemodui.com/N/120346> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

14. Ministry sets out after-school plans. China Daily. Available at: URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202107/14/WS60ee508ba310efa1bd661c83.html> (accessed: 06.02.2022) (In Chin.).

Т.Н. Кучинская

КИТАЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (ВНУТРЕННИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей управления пространственным развитием современного китайского государства. Основные положения автора выстраиваются на основе методологии познания китайского регионализма, разрабатываемой в рамках научной Школы интерпретаций региональных практик современного Китая (Забайкальский государственный университет, г. Чита), позволяющей комплексно представить модель пространственного развития КНР. Автор представляет китайский регионализм как инструмент пространственной модернизации КНР и её «внутренних» регионов. В работе проводится анализ основных стратегий и планов пространственного развития КНР на ближайшую и долгосрочную перспективу [«Экономический пояс Нового шелкового пути», «Морской экономический пояс XXI века» (в рамках проекта «Один пояс, один путь»), «Экономический пояс вдоль р. Янцзы», «Регион Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй», «Регион дельты р. Чжуцзян» (регион Большого залива) и др.] и моделей их скоординированного развития в рамках новой концепции построения архитектоники КНР — «двойной циркуляции». Представлена характеристика репрезентативной модели китайского регионализма, выстраиваемая на основе взаимосвязи потенциала древних региональных культур Китая и современного регионального экономического развития. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу, что описываемая модель китайского регионализма характеризуется стремлением к углублению и расширению межрегиональной связанности пространства КНР в целях его устойчивого безопасного развития. Построение новой архитектоники пространственного развития Китая требует дальнейшего анализа в ра-

курсе российско-китайского взаимодействия на межгосударственном, международном, межрегиональном и приграничном уровнях.

Ключевые слова: китайский регионализм, пространственная модернизация, социокультурное пространство, стратегии пространственного развития, «двойная циркуляция», региональная культура, культурные коридоры КНР.

Автор: Кучинская Татьяна Николаевна, доктор философских наук, кандидат политических наук, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения Северной Америки ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет».

ORCID: 0000-0002-6335-3159; Web of Science Researcher ID: A-2367-2013; E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

CHINESE REGIONALISM AS PARADIGM OF SPATIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT: MODERN TRENDS (INTERNAL ASPECT)

Abstract. The article is devoted to the study of the features of managing the spatial development in modern Chinese state. The main statements of the author are built on the basis of the Chinese regionalism methodology, developed within the framework of the scientific School of Interpretations of Regional Practices of Modern China (Transbaikal State University, Chita). The methodology makes it possible to comprehensively present the PRC's model of spatial development. The author presents Chinese regionalism as a tool for the spatial modernization of the PRC and its "internal" regions. The paper analyzes the main strategies and plans for the PRC's spatial development in the short and long term ("The Silk Road Economic Belt", "The 21st Century Maritime Silk Road" (within the framework of the "One Belt — One Road Initiative"), "Yangtze River Economic Belt", "Beijing-Tianjin-Hebei Region", "Pearl River Delta" (Great Bay Region), etc.), and models of their coordinated development within the framework of the new concept of building the PRC architectonics — "Double Circulation". The characteristic of the representative model of Chinese regionalism, built on the basis of the relationship between the potential of China's ancient regional cultures and modern regional economic development, is presented. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the described model of Chinese regionalism is characterized by the desire to deepen and expand the interregional connectivity of the PRC space in order to ensure its sustainable and safe development. Building a new architectonics of China's spatial development requires further analysis through the lens of Russian-Chinese interstate, international and transborder interactions perspective.

Keywords: Chinese regionalism, spatial modernization, socio-cultural space, spatial development strategies, "double circulation", regional culture, cultural corridors of the PRC.

Author: Kuchinskaya Tatiana N., D.Sc. (Philosophy), Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Head of Oriental and North American Regional Studies Department, Transbaikal State University (TSU) (Chita). ORCID: 0000-0002-6335-3159; Web of Science Researcher ID: A-2367-2013; E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Пространственное развитие Китая находится в процессе трансформации, обусловленной внутренними и внешними факторами. К основным из них принято относить: *природно-географические*: рельефные, климатические особенности, масштабы территории и имеющиеся территориальные ресурсы; *цивилизационные* факторы, а именно: разные историко-временные периоды социокультурного освоения территорий КНР, относительная замкнутость; *культурные* факторы, обусловившие высокую этнокультурную и культурно-религиозную гетерогенность пространства; *социально-экономические* факторы формирования высокой региональной дифференциации; а также *геополитические* факторы, включающие протяженность границы, геополитическое окружение, мировой и региональный порядки [1].

Начиная с 80-х годов XX в. основным механизмом трансформации пространственного развития КНР выступали формирующиеся в период политики «реформ и открытости» рыночные отношения, сместив акцент в пространственном экономическом развитии Китая в сторону восточной прибрежной зоны и модели стимулирования развития «великой международной циркуляции» (国际大循环), направленной на привлечение зарубежных инвестиций, инноваций и активное освоение ресурсов за рубежом, поиск внешних рынков сбыта товарной продукции, рабочей силы и т. д., что, в свою очередь, усилило естественно сформированные региональные разрывы. В противовес данным тенденциям правительство КНР инициировало ряд макрорегиональных инициатив, таких как «Программа развития Западного региона» (1999), «Возрождение старопромышленной базы Северо-Восточного региона КНР» (2003), «Подъем Центрального региона Китая» (2004). С тех пор централизованное стратегическое планирование стало фундаментальной идеей управления пространственным развитием КНР.

Современное социокультурное развитие КНР характеризуется появлением новых форм пространственной модернизации, направленной на сбалансированное развитие через механизмы внутренней и внешней регионализации [2; 3]. Познание специфики данных механизмов через методологию теории регионализма является одним из аспектов исследования Забайкальской научной Школы интерпретаций

региональных практик современного Китая (профессора В.А. Абрамов, Н.А. Абрамова, г. Чита). Основная научная идея Школы заключается в попытке систематизации и интеграции основных положений общей теории регионализма к исследованию современного социокультурного развития КНР в контексте познания внутренних и внешних практик регионализации Китая сквозь призму российско-китайских отношений и трансформации архитектоники мирового пространства.

Китайский «новый» регионализм, теоретическая конструкция которого представляется в рамках социокультурного и регионологического подходов, реализуется в различных управленческих практиках КНР, интерпретируемых нами как «внешняя» и «внутренняя» регионализация [4, с. 98]. Появление инновационных форм региональных практик и трансформация архитектоники китайского социокультурного пространства актуализирует научную рефлексию отличительных признаков и локально-региональных контекстов понимания значимости и учета специфики китайского регионализма, в том числе в практике российско-китайского взаимодействия [5, с. 36].

В контексте познания китайского регионализма чаще всего речь идет о процессах внешней регионализации страны, конструирования «китайского региона» в рамках Большой Восточной Азии, конфуцианско-буддийского ареала, евразийского пространства (А.Д. Воскресенский, С.В. Севастьянов, А.В. Лукин, С.Г. Лузянин, В.А. Дергачёв и др.). Однако не менее важным представляется анализ внутренней регионализации КНР в контексте построения новой архитектоники развития КНР в современных условиях.

Пространственная организация современного Китая представляет собой сложный и многомерный феномен, включающий региональные образования разного порядка, особые формы территориального управления и развития горизонтальных межрегиональных связей, вызывающие научный интерес с точки зрения теоретического и практического значения.

Основными формами пространственной организации КНР выступают административно-территориальные единицы (провинции, города центрального подчинения, автономные районы, особые административные районы и т. д.); макроэкономические региональные пространства (4—8 макроэкономических зон, выделяемых по уровню социально-экономического развития: Северо-Восточный, Восточный, Центральный, Западный регионы КНР) и региональные образования, выделяемые по отдельным признакам (экологическая, культурная, этно-религиозная формы регионализации).

К инновационным формам пространственной организации КНР относятся особые зоны, кластеры, треугольники, оси, пояса, коридоры — механизмы, направленные на обеспечение горизонтальных связей и преодоление региональных разрывов в рамках стратегии «гармоничного» развития КНР.

К основным треугольникам развития (三角) КНР относятся:

- 1) регион дельты р. Янцзы (长三角): Шанхай—Цзянсу—Чжэцзян;
- 2) Бохайская зона (环渤海): Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй;
- 3) регион дельты р. Чжуцзян (珠三角): Гуандун—Цзянси—Фуцзянь, расширенный до региона Большого залива: Гуандун—Сянган—Аомэнь;
- 4) западный треугольник развития (西三角): Чунцин—Сычуань—Шэньси.

Кратко охарактеризуем каждый из представленных проектов [6]. Так, регион дельты р. Янцзы представляет собой городскую агломерацию с самой высокой в КНР степенью урбанизации, плотностью населения и уровнем экономического развития. Данный экономический треугольник сосредоточен в Шанхае, с подцентрами в Нанкине и Ханчжоу, включая Сучжоу, Уси, Янчжоу, Тайчжоу, Наньтун, Чжэньцзян, Чанчжоу в пров. Цзянсу; Нинбо, Цзясин, Хучжоу, Шаосин, Чжоушань в пров. Чжэцзян, Хэфэй, Уху и другие крупные города региона. Скоростные автомагистрали Шанхай—Ханчжоу и Шанхай—Нанкин и густая сеть железных дорог связывают регион в единое целое.

Кроме того, регион дельты р. Янцзы является частью стратегии «Экономического пояса вдоль р. Янцзы» (长江经济带) наряду с двумя другими его зонами — среднего и верхнего течения р. Янцзы. Экономический пояс играет роль связующего моста между отдаленными западными провинциями и более развитыми территориями дельты реки, а также, соединяясь на западе с проектом «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП), является важным коридором коммуникации материкового Китая с миром. Встраиваясь в «Один пояс, один путь» (ОПОП), стратегия ЭПШП «стягивает» пространство востока, центра, запада (горизонтальные связи), севера, юга (вертикальные) в единый каркас, предоставляя возможность образовывать внутренним регионам гибкие межрегиональные связи для достижения целей краткосрочного и долгосрочного развития. Таким образом, более 29 городов вдоль р. Янцзы в полной мере используют как внутренние, так и международные ресурсы и рынки, чтобы стать одним из самых динамичных регионов страны. На сегодняшний день приоритетной задачей является формирование новой модели экономического роста

без ущерба для окружающей среды на основе новых технологий, с привлечением талантов высокого уровня с целью качественного улучшения уровня жизни населения слаборазвитых районов среднего и верхнего течения Янцзы. Для этой цели создан фонд размером более 100 млрд юаней [7, с. 11—13].

Треугольник Бохайского залива формируется в рамках стратегии «Согласованного развития региона Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй». На практике расширенная инициатива представляет собой экономический пояс Бохайского моря, соединяющий Северный регион КНР с международными транспортными коридорами. Регион Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй в треугольнике Бохайского залива выступает в качестве центра, Ляодунский п-ов и Шаньдунский п-ов — в качестве двух крыльев; в более широком формате регион формируется в рамках модели сотрудничества «5+2»: Хэбэй, Шаньдун, Ляонин, Шаньси, а также центральная и восточная части Внутренней Монголии: пять провинций и регионов, плюс два муниципалитета — Пекин и Тяньцзинь.

Особенности развития региона Бохайского залива в основном проявляются в формировании сети промышленных кластеров и городских поясов на основе интеграции транспортных коммуникаций, развитии и модернизации производства в целях создания новой платформы для регионального экономического развития, координации и сотрудничества.

В рамках стратегии в 2017 г. был разработан проект организации зоны инновационного развития Сюньань (雄安新区), городской округ Баодин, пров. Хэбэй; сформирован координационный административный центр — район Тунчжоу в Пекине. Представленный в 2018 г. План развития Сюньаня на 2018—2035 гг. предполагает разработку инновационных проектов в области науки и образования, здравоохранения, занятости, экологии, цифровизации с целью создания «модели социалистического города инновационного типа» [8, с. 198]. В рамках плана создан фонд скоординированного развития инновационной зоны Сюньань. За относительно небольшой период в инновационной зоне было создано более 3000 высокотехнологичных производств, цифровые платформы управления энергетикой, транспортом, социальным обслуживанием населения на основе сети высокоскоростного Интернета 5 G. Инновационная зона Сюньань призвана стать моделью качественного регионального развития КНР.

Формирующийся треугольник развития дельты р. Чжуцзян, который включает в себя девять провинций и два специальных админист-

ративных района «9+2»: Гуандун, Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Гуанси, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Сянган и Аомэнь — в последние годы демонстрирует значительный рост и возможности для расширения — до масштаба мегарегионального проекта мирового уровня.

Особенности развития региона дельты р. Чжуцзян в основном отражаются в: быстрой урбанизации территорий; формировании «экспортно ориентированной» модели развития; появлении «взрывной» урбанизации с преобладанием сельской урбанизации; выраженной полицентричностью производственной специализации; развитии кластеров агломерационного типа по системе внутреннего, среднего и внешнего кругов «кольцевой модели развития», не характерной для сельской местности [9].

В 2017 г. правительством КНР было принято решение о расширении региона дельты р. Чжуцзян: главами особых административных районов (ОАР) и пров. Гуандун было подписано Рамочное соглашение об углублении сотрудничества Гуандун—Сянган—Аомэнь и содействии строительству региона Большого залива. Регион дельты р. Чжуцзян оказался в центре новой амбициозной инициативы, направленной на его преобразование в «зону Большого залива Гуандун—Сянган—Аомэнь (кит. 粤港澳大湾区)» путем дальнейшей интеграции Сянгана, Аомэня и девяти городов пров. Гуандун и превращение в городской кластер мирового уровня. Конкретные мероприятия по реализации данной инициативы вошли в план на 13-ю пятилетку КНР. В 2019 г. китайское правительство опубликовало Обновленный план развития района Большого залива Гуандун—Сянган—Аомэнь. План предусматривает создание в регионе суперагломерации, в состав которой будут входить 11 городов. План будет осуществляться в два этапа: первый — до 2022 г., второй — до 2035 г. Главная цель — развитие тесного взаимодействия материкового Китая с Сянганом и Аомэнем в соответствии с принципом «Одно государство, две системы». Также План предполагает активное развитие зон свободной торговли в Шэньчжэне, Гуанчжоу и Чжухае, укрепление торговли, развитие специализированных отраслей экономики, улучшение инвестиционной среды и инфраструктуры [10]. Регион Большого залива, соединяясь с «Морским шелковым путем XXI века», наряду с регионами экономического пояса р. Янцзы выступает частью глобального проекта ОПОП.

Наименее развитый треугольник развития КНР расположен в Западном регионе КНР и носит название «Западный треугольник раз-

вития» (大西三角”、“新西三角”“西三角”经济区). Концепция была предложена китайскими учеными Лю Бинфу и Чу Хань (2007). Регион охватывает территорию городов Чунцина, Сианя пров. Шэньси, г. Чэнду пров. Сычуань и прилегающие к ним районы общей площадью около 300 тыс. кв. км. Проект треугольника предполагает создание крупного экономического субъекта в западном регионе с центром в городской агломерационной связке Чунцин—Чэнду и городской агломерации Гуаньчжун в Сиане. Общий экономический объем валового регионального продукта (ВРП) составляет почти 1,2 трлн юаней, около 20 % от общего экономического объема Западного региона КНР. Расширенная инициатива охватывает более 60 городов, имеет общую площадь 380 тыс. кв. км, население 130 млн человек, с общим ВРП 1,9 трлн юаней, что составляет 7 % ВВП страны и 40 % ВРП Западного региона КНР [11].

В октябре 2020 г. запущен проект построения экономической циркуляции в региональной паре городов Чэнду—Чунцин («成渝地区双城经济圈建设规划纲要») в рамках новой модели «двойной циркуляции». Целью строительства является создание нового полюса роста и источника регионального роста для качественного функционирования внутри региона. Предполагается, что развитие региональной пары поможет создать высокоуровневую модель регионального сотрудничества, сформировав промышленный кластер мирового уровня в сфере инновационных технологий.

Чэнду—Чунцин известны как города-потребители: отмечается высокий спрос на инвестиции, особенно — в инфраструктуру. В июле 2020 г., в городах Сычуань и Чунцин был запущен 31 крупный проект, объемы финансирования которых превысили 500 млрд юаней.

В 2020 г. Западный треугольник развития получил новый импульс (План построения экономической циркуляции в региональной паре городов Чэнду—Чунцин («成渝地区双城经济圈建设规划纲要») [13]) в условиях перехода на новую модель развития, вызванного необходимостью противостояния внутренним социально-экономическим вызовам, протекционистской политике США и стран Запада, а также вынужденного изоляционизма периода пандемии, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. Руководство КНР анонсирует переход к новой модели построения архитектоники пространственного развития — модели «двойной циркуляции» («国内国际双循环»), представленной в Предложениях ЦК КПК к Плану на 14-ю пятилетку национального экономического и социального развития и долгосрочных целей на 2035 год, принятых на 5-м пленуме Центрального комитета КПК

19-го созыва, который проходил в конце октября 2020 г. Предложенная модель предполагает управление пространственным развитием с опорой на внутреннюю и международную экономическую циркуляцию, первостепенное значение имеет обеспечение «связанности» внутреннего экономического пространства и продолжающееся его сопряжение с международными коридорами в рамках ОПОП.

Таким образом, в качестве основных управленческих стратегий, определяющих специфику внутреннего китайского регионализма, официально определены: «Один пояс, один путь» (ОПОП), объединяющий инициативу «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП) и «Морской шёлковый путь XXI века», «Экономический пояс вдоль реки Янцзы», «Скоординированное развитие региона Пекин—Тяньцзинь—Хэбэй» в рамках треугольника развития Бохайского залива, «Регион Большого залива (Гуандун—Гонконг—Макао)» в рамках треугольника дельты р. Чжуцзян, «Расширенная инициатива Западного треугольника развития» с опорой на проект создания городской агломерации Чэнду—Чунцин, Северо-Восток — Восточная часть автономного района Внутренняя Монголия. Развитие данных стратегий в рамках новой модели построения архитектоники КНР «двойной циркуляции» предполагает обеспечение горизонтальной связанности национального пространства.

Другим важным практическим аспектом реализации китайского внутреннего регионализма является поиск инновационных инструментов развития территорий. Помимо основных (производство, технологии, инновации, ресурсы) таковыми выступает региональная культура посредством развития культурного брендинга территорий и культурных индустрий [14]. Суть тенденции заключается в привлечении потенциала древних региональных культур к разработке региональных стратегий развития.

В целом в социокультурном пространстве КНР выделяется более 15 региональных культур, оказывающих влияние на формирование региональных моделей. Так, например, региональная культура Дунбэй активно эксплуатируется в стратегии построения культурно-туристического бренда Северо-Восточного региона КНР. Древняя региональная культура Цилу выступает ресурсом развития экономической модели Шаньдунского п-ова, культуры Янчжао, Чу — региона среднего течения р. Янцзы [15].

В начале 2020 г. правительство КНР разработало новый план «Строительство культурного коридора Башу» в целях содействия развития городской пары Чэнду—Чунцин. Цель проекта — исполь-

зовать ресурсы культуры Башу для развития туризма региона и сохранить культурное наследие уникальной древней культуры. С 2020 г. Сычуань и Чунцин подписали в общей сложности 63 соглашения о стратегическом сотрудничестве, создали 11 кооперативных союзов, продвинули 107 ключевых задач, более 200 ключевых проектов по защите культурного наследия Башу, совместно провели более 50 выставок в Сычуани, Шэньси, реализовали восемь крупных проектов, включая Парк культуры и Горно-оздоровительный туристический курорт Ухуа, имеют общий объем инвестиций 4,168 млрд юаней [16].

Специфика культурного пояса Башу — для внутреннего потребления, комплексного социокультурного развития оси Чунцин—Чэнду, региона верхнего течения р. Янцзы (Западная макроэкономическая зона) и позиционирование богатого культурного наследия древней региональной культуры Башу в стране и мире (распространение направлений: Запад, Север, Юг). В целом использование потенциала региональной культуры для разработки моделей пространственного развития становится распространенной практикой в КНР.

Подводя итоги, отметим, что китайский регионализм как парадигма управления внутренним пространственным развитием КНР обладает рядом специфических черт. Китайский регионализм формируется в условиях ряда факторов: культурно-цивилизационных, социально-экономических, геополитических и геоэкономических; является открытым (связанность внутренних и внешних стратегий пространственного развития), с формированием новой архитектоники в условиях изоляционистских тенденций политики «двойной циркуляции» (геополитические риски, санкционная политика, пандемия).

Основная цель — обеспечение связанности пространства посредством стратегий развития, направленных на обеспечение межрегиональных связей (основные формы: специальные зоны, кластеры, пояса, оси, треугольники, коридоры развития); основные инструменты — пространственные связи (транспортная инфраструктура, бюджетно-налоговая политика, инновации, привлечение альтернативных ресурсов развития — культурная репрезентация).

Построение новой архитектоники пространственного развития КНР требует дальнейшего анализа в ракурсе российско-китайского взаимодействия на межгосударственном, международном, межрегиональном и приграничном уровнях.

Библиографический список

1. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: дисс. ... д-а филос.наук: 09.00.13 / ЗабГУ. Чита, 2013. 413 с.
2. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. К вопросу о методологии управления развитием социокультурного пространства современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: материалы X Междунар. науч.-практич. конференции. Чита, 2018. С. 7—16.
3. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Трансформация социокультурного пространства в модернизации современного Китая // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. № 20. С. 6—14.
4. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения: монография. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
5. Кучинская Т.Н. Китайский регионализм: социокультурные основания: монография. Чита: ЗабГУ, 2017. 228 с.
6. Сань да цзинцзинь цюань = Три экономических круга. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%89%E5%A4%A7%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%9C%88/4278514> (дата обращения: 22.04.2022).
7. Абрамова Н.А., Абрамов В.А. Ресурс стратегий в управлении пространственным развитием КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Материалы XI Междунар. науч.-практич. конференции. 2019. С. 7—15.
8. Тимошенко А.В., Кучинская Т.Н. Новая зона Сюньань как инструмент регионального развития Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: Материалы XIII Междунар. науч.-практич. конференции. Чита, 2021. С. 195—201.
9. Wu Jason Jia-Xi. Chinese Regional Planning Under Xi Jinping: The Politics and Policy Implications of the Greater Bay Area Initiative. Harvard University, Cambridge, MA, 2020. 54 p.
10. Макеев К. В., Кучинская Т. Н. Регион дельты реки Чжунцзян КНР: тенденции и перспективы развития // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2021. № 24. С. 59—63.
11. Си саньцзяо цзицюань = Западный треугольник развития. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%A5%BF%E4%B8%89%E8%A7%92%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%9C%88/5102317> (дата обращения: 29.04.2022).
12. Лю Хэ. Цзякуай гоуцзянь и гонэй да сюньхуань вэй чжути, гонэй гоцзи шуан сюньхуань сянку цуцзинь дэ синь фачжань гэцзюй = Ускорение построения новой модели развития, в которой внутренний большой цикл является основной частью, а внутренние и международные двойные циклы продвигают друг друга URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2020-11/25/content_5563986.htm (дата обращения: 22.05.2021).

13. Колосова В.Д., Кучинская Т.Н. «Двойная циркуляция» в развитии экономики Китая: региональный аспект // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конференции. Чита, 2021. С. 168—177.

14. Дорожкова С.А., Кучинская Т.Н. Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации. Сборник статей VIII Междунар. науч.-практ. конференции. Чита, 2016. С. 72—80.

15. Кучинская Т.Н. Китайская модель мягкой силы: современные трансформации // Дискурс-Пи. 2017. № 2 (27). С. 103—109.

16. Чуань юй гун цзянь башу вэньхуа лююю цзоулан цюйдэ цзедуань син чэнго = Некоторые результаты совместного строительства Сычуаньско-Чунцинского культурно-туристического коридора Башу. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/qgwhxxlb/cq/202202/t20220222_931154.htm (дата обращения: 29.04.2022).

References

1. Kuchinskaja T.N. Arhitektonika sociokul'turnogo prostanstva Kitaja v uslovijah transnacional'nogo mezhkul'turnogo vzaimodejstviya RF i KNR: diss. ... d-a filos.nauk [Architectonics of China's Socio-cultural Space in Context of Transnational Intercultural Interaction between RF and PRC: Doctoral Thesis]: 09.00.13 / ZabGU. Chita, 2013. 413 p.

2. Abramova N.A., Abramov V.A. K voprosu o metodologii upravlenija razvitiem sociokul'turnogo prostanstva sovremenного Kitaja // Aktual'nye problemy razvitija KNR v processe ejo regionalizacii i globalizacii: materialy X Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii [Toward Methodology for Managing Modern China's Socio-cultural Space Development // Issues of PRC Development in Process of its Regionalization and Globalization]. Chita, 2018. P. 7—16.

3. Abramova N.A., Abramov V.A. Transformacija sociokul'turnogo prostanstva v modernizacii sovremenного Kitaja // Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra [Transformation of Socio-cultural Space and modernization in China, Russia and China: Issues of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center]. 2017. № 20. P. 6—14.

4. Abramov V.A. Globalizirujushhij Kitaj: grani sociokul'turnogo izmerenija: monografija [Globalizing China: Facets of the Sociocultural Dimension]. M.: Vostochnaja kniga, 2010. 240 p.

5. Kuchinskaja T.N. Kitajskij regionalizm: sociokul'turnye osnovanij [Chinese regionalism: sociocultural foundations]. Chita: ZabGU, 2017. 228 p.

6. San da jingji quan = Three Economic Circles URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%89%E5%A4%A7%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%9C%88/4278514> (Accessed: 22.04.2022).

7. Abramova N.A., Abramov V.A. Resurs strategij v upravlenii prostanstvennym razvitiem KNR // Aktual'nye problemy razvitija KNR v processe ejo regionalizacii i globalizacii. Materialy XI Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii [Resource for

Strategies in China's Spatial Development Management, Issues of PRC Development in Process of its Regionalization and Globalization] 2019. P. 7—15.

8. Timoshenko A.V., Kuchinskaja T.N. Novaja zona Sjuna' kak instrument regional'nogo razvitija Kitaja // Aktual'nye problemy razvitija KNR v processe ejo regionalizacii i globalizacii: Materialy XIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii [Xiong'an New Zone as a Tool for China's Regional Development, Issues of PRC Development in Process of its Regionalization and Globalization] Chita, 2021. P. 195—201.

9. Wu Jason Jia-Xi. Chinese Regional Planning Under Xi Jinping: The Politics and Policy Implications of the Greater Bay Area Initiative. Harvard University, Cambridge, MA, 2020. 54 p.

10. Makeev K. V., Kuchinskaja T. N. Region del'ty reki Chzhuczjan KNR: tendencii i perspektivy razvitija // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstvija: sbornik Vostochnogo centra [Pearl River Delta Region of China: Development Trends and Prospects, Russia and China: Issues of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center]. 2021. № 24. P. 59—63.

11. Xi sanjiao jingji quan [Western Development Triangle] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%A5%BF%E4%B8%89%E8%A7%92%E7%BB%8F%E6%B5%8E%E5%9C%88/5102317> (Accessed: 29.04.2022).

12. Lu He. Jiakuai goujian yi guonei da xunhuan wei zhuti, guonei guoji shuang xunhuan xianghu cujin de xin fazhan geju = Accelerate Construction of New Development Pattern with Domestic Cycle as Main Body and Dual Circulation. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2020-11/25/content_5563986.htm (Accessed: 22.05.2021).

13. Kolosova V.D., Kuchinskaja T.N. «Dvojnaja cirkuljacija» v razvitii jekonomiki Kitaja: regional'nyj aspekt // Aktual'nye problemy razvitija KNR v processe ejo regionalizacii i globalizacii. Materialy XIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii [“Double Circulation” in China's Economic Development: Regional Aspect, Issues of PRC Development in Process of its Regionalization and Globalization]. Chita, 2021. P. 168—177.

14. Dorozhkova S.A., Kuchinskaja T.N. Kul'turnye brendy kak instrument “mjagkoj sily” Kitaja // Aktual'nye problemy razvitija KNR v processe ee regionalizacii i globalizacii. sbornik statej VIII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii [Cultural Brands as Tool of China's “Soft Power”, Issues of PRC Development in Process of its Regionalization and Globalization]. Chita. 2016. P. 72—80.

15. Kuchinskaja T.N. Kitajskaja model' mjagkoj sily: sovremennye transformacii // Diskurs-Pi [Chinese Model of Soft Power: Modern Transformations, Discourse-Pi]. 2017. № 2 (27). P. 103—109.

16. Chuan yu gong jian bashu wenhua luyou zoulang qude jieduan xing chengguo Construction of Sichuan-Chongqing Bashu Cultural and Tourism Corridor Yielded Phased Results URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/qgwhxxlb/cq/202202/t20220222_931154.htm (data Accessed: 29.04.2022).

Т.Р. Зайцева

СИСТЕМА СУДОВ ПО ПРАВАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КНР: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Аннотация. В статье проанализированы предпосылки возникновения судов по защите прав интеллектуальной собственности и их правовой статус. Автор, полагаясь на законодательные акты КНР в области регулирования авторских прав и других смежных прав, выделяет основные направления и проблемы развития защиты прав интеллектуальной собственности в КНР за последние тридцать лет. Бурное экономическое развитие после провозглашения политики реформ и открытости, необходимость привлечения иностранных инвестиций, потребность в научно-техническом прогрессе поставили перед государственными органами задачу обеспечения защиты интеллектуальных прав.

Китай в 1980 г. стал членом Всемирной организации интеллектуальной собственности и начал активно реформировать законодательство в этом направлении. В 80-е и 90-е годы XX в. был принят ряд законов и нормативно-правовых актов, которые законодательно давали гарантии защиты интеллектуальной собственности. Также в составе народных судов начиная с 1993 г. начали появляться трибуналы, рассматривающие исключительно споры, связанные с интеллектуальной собственностью. Со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г. практика создания отдельных инстанций по рассмотрению споров по интеллектуальным правам стала широко применяться. Государственную политику по созданию системы правосудия в данной области можно поделить на два этапа: в рамках первого этапа были приняты основополагающие нормативно-правовые акты и экспериментально были учреждены суды по

правам интеллектуальной собственности в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу; в связи с эффективностью созданных судов на втором этапе был учрежден суд апелляционной инстанции и четвертый суд по правам интеллектуальной собственности на о. Хайнань. В целом практика законодательного регулирования сферы защиты авторских прав и иной интеллектуальной собственности в КНР показательна, и она способствует быстрому росту высокотехнологических отраслей народного хозяйства.

Ключевые слова: КНР, Китай, Верховный народный суд, судебная система, суды по правам интеллектуальной собственности, авторское право, интеллектуальное право, товарный знак, патент, полезное изобретение.

Автор: *Зайцева Татьяна Романовна*, преподаватель Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: tatyana.zaytseva888@mail.ru

INTELLECTUAL PROPERTY COURT SYSTEM IN CHINA: EMERGENCE AND DEVELOPMENT

Abstract. This article analyzes the prerequisites for the emergence of courts for the protection of intellectual property rights and their legal status. The author, relying on the legislative acts of the PRC in the field of regulation of copyright and other related rights, highlights the main directions and problems of development of the protection of intellectual property rights in the PRC over the past thirty years. Rapid economic development after the proclamation of the policy of reforms and openness, the need of foreign investment, the need for scientific and technological progress have set the task of ensuring the protection of intellectual rights for government agencies.

China in 1980 became a member of the World Intellectual Property Organization and began actively reforming legislation in this direction. In the 80s and 90s of the XX century, several laws and regulations were adopted that legally guaranteed the protection of intellectual property. Also, since 1993, tribunals began to appear in the composition of the people's courts, considering exclusively disputes related to intellectual property. With the entry of the People's Republic of China into the World Trade Organization in 2001, the practice of creating separate instances for the solving of disputes on intellectual property rights has become widely used. The government policy of establishing a justice system in this area can be divided into two stages: in the first stage, fundamental legal acts were adopted and intellectual property rights courts were experimentally established in the cities of Beijing, Shanghai and Guangzhou; due to the effectiveness of the established courts, the Court of Appeal and the fourth court of intellectual property rights in Hainan island were established in the second

phase. In general, the practice of legislative regulation of the protection of copyrights and other intellectual property in the PRC is indicative, and it contributes to the rapid growth of high-tech industries of the national economy.

Keywords: PRC, China, Supreme People's Court, Judicial System, Intellectual Property Rights Courts, Copyright, Intellectual Property Law, Trademark, Patent, Utility Invention.

Author: *Zaytseva Tatiana R.*, Lecturer at the Institute of Public Administration and Management of the RANEPА under the President of the Russian Federation. E-mail: tatanazaytseva888@mail.ru

Судебная система Китайской Народной Республики имеет свои отличительные черты. В первую очередь это проявляется в том, что судебная система в КНР не является в полной мере обособленной ветвью власти, как в других странах. В отличие от Российской Федерации, где судебной системе посвящена отдельная глава Конституции РФ, в Конституции КНР судебная система входит, как и другие государственные органы, в третью главу под названием «Структура государства». Согласно ст. 128 Конституции КНР, «Народный суд Китайской Народной Республики является государственным судебным органом» [1].

Структура судебной системы регламентирована ст. 129 Конституции КНР и включает в себя «...Верховный народный суд, местные народные суды, военные суды и иные специализированные суды» [1]. В число специализированных судов входят морские, военные, железнодорожные суды, а также с недавних пор и суды по правам интеллектуальной собственности.

Специализированные суды по правам интеллектуальной собственности в Китае прошли долгий процесс становления. Защита интеллектуальных прав впервые была законодательно закреплена в 1978 г. с началом «политики реформ и открытости». Были приняты значимые законы: Закон КНР от 23 августа 1982 г. «О товарных знаках» [2], Закон КНР от 12 марта 1984 г. «О патентах» [3], Закон КНР от 7 сентября 1990 г. «Об авторском праве» [4], Закон КНР от 2 сентября 1993 г. «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» [5].

До появления судебных палат по интеллектуальным правам споры, касающиеся данных вопросов, рассматривались в качестве гражданских, административных и уголовных дел. В 1993 г. в Пекине были впервые созданы судебные трибуналы по интеллектуальным правам в составе народных судов, и, таким образом, в Китае появились специализированные судебные инстанции, рассматривающие споры по пра-

вам на интеллектуальную собственность. Такие же судебные трибуналы были созданы в Шанхае в 1994 г. в составе народных судов высшей и средней ступеней. А в 1996 г. Верховный народный суд (ВНС) КНР также учредил в своем составе трибунал по интеллектуальным правам. Данная практика создания отдельных инстанций в составе народных судов стала широко применяться после вступления Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г. По мере распространения судебных трибуналов по интеллектуальным правам возникла необходимость в их модернизации и улучшении, и теперь подсудность дел таким судам не ограничивается границами административных делений и распространяется на межрегиональном уровне.

В 2013 г. суды КНР в качестве судов первой и второй инстанции рассмотрели более 110 тыс. дел по вопросам прав интеллектуальной собственности, что является самым большим показателем в мире, и к этому времени по всему Китаю насчитывалось 410 трибуналов по интеллектуальным правам [6, с. 13]. Тем не менее количество рассматриваемых интеллектуальных споров разнилось между разными регионами страны: так, например, в Пекине, Шанхае, Гуандун и Цзянсу рассматривалось огромное количество такого рода дел, а в Тибете, Цинхае и Ланьчжоу, наоборот, количество споров по интеллектуальным правам было ничтожно мало.

По мнению профессоров международной научно-исследовательской бизнес-школы Hanken Н. Ли, Н. Брун, М. Ли, апелляцияционное рассмотрение решений трибуналов на уровне провинций каждой апелляционной инстанцией отдельно друг от друга привело к отсутствию единого стандарта судопроизводства в области прав интеллектуальной собственности [7, с. 165].

25 июня 2008 г. Государственный совет КНР принял Обзор «Национальная стратегия интеллектуальной собственности» [8], в котором была отмечена необходимость изучения возможности создания апелляционной инстанции на уровне всего государства в целях выработки единых стандартов решения интеллектуальных споров.

В целях стимулирования технических инноваций и исследований, а также для защиты прав на интеллектуальную собственность, в 2013 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПК от 12 ноября 2013 г. «О некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформ» [9] было принято решение о создании обособленных судов по интеллектуальным правам. Позже, 31 августа 2014 г., Постоянный Комитет ВСНП рассмотрел и принял Постановление «О создании судов по правам интеллектуальной собственности в городах Пекин,

Шанхай и Гуанчжоу» [10], и позже, 3 ноября 2014 г., Верховным народным судом КНР было издано толкование данного постановления — «Правила подсудности дел судам по правам интеллектуальной собственности в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу» [11].

Выбор именно этих трех городов был обусловлен следующими факторами:

во-первых, выбор города Пекин связан с тем, что он является политическим и культурным центром страны и в судах города рассматривается огромное количество административных споров, связанных с регистрацией патентов и товарных знаков;

во-вторых, выбор города Шанхай обусловлен его значением в качестве экономического и финансового центра страны, где огромное количество иностранных компаний ведут свою деятельность;

в-третьих, суды города Гуанчжоу имеют большой опыт в разрешении патентных споров из-за большого количества дел, связанных с интеллектуальной собственностью.

По утверждению члена судебной коллегии по интеллектуальным правам Х. Чень, «с активным вовлечением Китая в мировые экономические отношения, возникла необходимость защиты прав на интеллектуальную собственность, учитывая, что во многих странах, включая США, Японию и Россию, такие суды уже функционируют» [12].

Существовал ряд причин для создания специализированных судов по правам интеллектуальной собственности:

- усовершенствование защиты прав на интеллектуальную собственность;
- унификация стандартов судопроизводства по интеллектуальным правам и объединение ресурсов судов для более эффективного разрешения споров;
- повышение квалификации судей по делам об интеллектуальной собственности;
- стимулирование технологического развития инновационных отраслей страны посредством эффективной судебной защиты интеллектуальных прав;
- создание нового имиджа Китая за рубежом как страны, в полной мере защищающей права на интеллектуальную собственность [6, с. 14].

Таким образом были учреждены новые специализированные суды по интеллектуальным правам, полномочия которых не ограничиваются границами тех или иных административных регионов.

Под юрисдикцию судов по правам интеллектуальной собственности подпадают следующие дела:

- гражданские и административные дела первой инстанции, касающиеся регистрации патентов, новых видов растений, интегральных микросхем и ноу-хау [10];

- Пекинский суд по интеллектуальным правам обладает исключительной юрисдикцией над административными спорами, возникшими в связи с решениями департаментов при Государственном совете по поводу предоставления или подтверждения прав на интеллектуальную собственность [10]. К числу таких департаментов относится Совет по рассмотрению патентов при Государственной службе по интеллектуальной собственности, Совет по рассмотрению прав на товарные знаки при Государственной администрации по промышленности и коммерции, Совет по рассмотрению прав на виды растений при Государственной администрации по делам сельского хозяйства и леса. В соответствии со ст. 41 и 46 Закона КНР от 12 марта 1984 г. «О патентах» [3] Совет по рассмотрению патентов принимает решения о выдаче или об отказе в выдаче патента, а также проверяет статус выданных патентов. Согласно ст. 35 и 44 Закона КНР от 23 августа 1982 г. «О товарных знаках» [2] Совет по рассмотрению прав на товарные знаки принимает решения о регистрации или об отказе в регистрации товарных знаков и проверяет статус уже зарегистрированных товарных знаков. Утвержденный Государственным советом Регламент КНР «Об охране новых сортов растений» [13] в ст. 32 и 37 закрепляет за Советом по рассмотрению прав на виды растений аналогичные полномочия в области регистрации прав на виды растений;

- суды по интеллектуальным правам выступают в качестве апелляционных инстанций по спорам, связанным с обжалованием решений или указов государственных органов, касающихся авторских прав или прав на товарные знаки [10].

Кроме этого, Верховный народный суд КНР относит к подсудности судам по интеллектуальным правам следующие категории дел: гражданские и административные дела, связанные с компьютерным программным обеспечением; административные дела об обжаловании актов, принятых департаментами Государственного совета или местными правительственными органами, не ниже уровня провинций, и касающихся прав на интеллектуальную собственность; гражданские дела, касающиеся споров о праве на общеизвестные товарные знаки.

В результате создания судов по правам интеллектуальной собственности в Пекине все функционирующие до этого трибуналы по интеллектуальным правам были расформированы и большинство их судей перешли в новый созданный суд. В Шанхае были ликвидированы два из трех трибуналов, находящихся в составе народных судов средней ступени. Полномочия трибуналов по интеллектуальным правам в пров. Гуандун были переданы новому суду Гуанчжоу по правам интеллектуальной собственности. Однако в декабре 2015 г. было решено вернуть полномочия трибуналу по интеллектуальным правам г. Шэньчжэнь и оставить его в качестве самостоятельной инстанции. Данное решение было продиктовано тем, что, с одной стороны, Шэньчжэнь является Особой экономической зоной и на ее территории функционировало огромное количество местных и иностранных технологических компаний, а судьи данного трибунала имели большой опыт работы с ними, и, с другой стороны, суд по правам интеллектуальной собственности Гуанчжоу не справлялся с огромным количеством интеллектуальных споров. Здесь стоит отметить важность принципа межрегионального судопроизводства для суда Гуанчжоу, так как полномочия этого суда распространяются на всю провинцию Гуандун (за исключением г. Шэньчжэнь). То есть спор, возникший в любом регионе данной провинции, за исключением Шэньчжэнь, может быть рассмотрен в суде по правам интеллектуальной собственности Гуанчжоу.

Организационные структуры судов по правам интеллектуальной собственности в целом схожи друг с другом. С состав суда обычно входит два отделения, одно из которых заслушивает гражданские и административные споры по патентам, авторским правам и вопросам монополии, а другое рассматривает дела, связанные с компьютерным программным обеспечением, товарными знаками, недобросовестной конкуренцией, интегрированным дизайном микросхем и другие схожие дела.

Также в составе суда образуются особые палаты, которые осуществляют надзор над судебными трибуналами по интеллектуальным правам низовых народных судов в соответствующей провинции. Например, Надзорная палата суда по правам интеллектуальной собственности г. Шанхай осуществляет надзор над соответствующими трибуналами низовых народных судов в районах Пудун, Сюйхуэй, Миньхан, Хуанпу, Янпу и Путо. Дополнительно в этих судах создаются отделы технической экспертизы и отделы исследований и управления.

Особенность организационной структуры судов по правам интеллектуальной собственности состоит в том, что некоторые отделения в

составе суда обслуживают одновременно и народные суды средней степени. Например, судебные приставы и орган административного управления суда по интеллектуальным правам г. Шанхай одновременно являются соответствующими органами Шанхайского народного суда средней степени № 3.

Согласно ст. 6 Постановления ПК ВСНП от 31 августа 2014 г. «О создании судов по интеллектуальным правам в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу» [10] председатели судов и судьи судов по правам интеллектуальной собственности назначаются и освобождаются от должностей решениями постоянных комитетов местных собраний народных представителей и данные суды являются ответственными и подотчетными соответствующим постоянным комитетам.

Тем не менее создание вышеперечисленных судов по правам интеллектуальной собственности являлось экспериментальным решением. Согласно ст. 7 Постановления ПК ВСНП от 31 августа 2014 г. «О создании судов по интеллектуальным правам в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу» [10] данные суды создавались сроком на три года, и по окончании этого периода если их деятельность будет признана эффективной, то в дальнейшем будут созданы дополнительные суды такого рода и в других регионах страны. В декабре 2020 г. был образован четвертый суд по интеллектуальным правам на о. Хайнань. В связи с этим возникает закономерный вопрос по поводу количества и места создания будущих судов по правам интеллектуальной собственности. По мнению Н. Ли и других правоведов Китая, не следует создавать суды по правам интеллектуальной собственности в столице каждой из провинций. Они предлагают на основе межрегионального принципа создавать такие суды, кроме уже созданных, только в центральных и западных провинциях таким образом, чтобы их количество не превышало 10 судов на всю страну [14, с. 116].

Немаловажной проблемой остается отсутствие в Китае единой апелляционной инстанции, которая смогла бы стандартизировать методы судопроизводства по интеллектуальным правам и выработать единую практику применения законов в этой области. В 2008 г., в период обсуждения Национальной стратегии интеллектуальной собственности, Китайской академией общественных наук было выдвинуто предложение по двухэтапному созданию апелляционных судов [15, с. 193]. Первый этап включал создание пяти Высших судов в Пекине, Шанхае, Гуандуне, Сиане и Чунцине, которые принимали бы апелляционные жалобы на решения первой инстанции по делам, связанным с патентами, новыми видами растений и проекти-

рованием топологий. На втором этапе подразумевалось создание национального апелляционного суда по делам, связанным с патентами, новыми видами растений и проектированием топологий на базе трибунала по правам интеллектуальной собственности Высшего суда Пекина. В ходе дискуссий большинство правоведов поддержали эту идею.

1 января 2019 г. Верховный народный суд официально учредил апелляционный суд по интеллектуальной собственности (Трибунал ВНС по интеллектуальной собственности) в соответствии с Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей по ряду вопросов, касающихся судебных процедур по патентным и другим делам в области интеллектуальной собственности (ИС) от 26 октября 2018 г.

Трибунал ВНС ИС имеет исключительную юрисдикцию в отношении решений и постановлений первой инстанции, вынесенных с 1 января 2019 г.: обжалование решений и постановлений судов первой инстанции, вынесенных местными высшими народными судами, судами по интеллектуальным правам и судами промежуточной инстанции в отношении споров о нарушении прав собственности на патент, на изобретение, патент на полезную модель, новые сорта растений, топологию ИС, технической тайны и программное обеспечение для ЭВМ, а также антимонопольные споры; обжалование решений суда первой инстанции Пекинского суда по интеллектуальным правам о пересмотре и признании недействительными споров, касающихся патента на изобретение, патента на полезную модель, патента на промышленный образец, новых сортов растений и топологии ИС; и апелляционные дела против решений судебного надзора первой инстанции и постановлений местных высших народных судов, судов по интеллектуальным правам и судов промежуточной инстанции в отношении административных постановлений, вынесенных государственными ведомствами в отношении патентов на изобретения, патентов на полезную модель, патентов на промышленный образец, новых сортов растений, технические секреты, компьютерное программное обеспечение и антимонопольные споры.

Помимо вышеупомянутых апелляционных дел, Трибунал ВНС ИС по интеллектуальным правам также может иметь юрисдикцию, в основном по своему усмотрению, для рассмотрения дел первой инстанции по вышеупомянутым спорам, когда они касаются очень важных и сложных общегосударственных дел, что происходит только в исключительных случаях.

Несмотря на то что принятые нормативно-правовые акты достаточно подробно регламентируют сферу деятельности судов по интеллектуальным правам, тем не менее остается открытым еще один немаловажный вопрос. Изначально согласно Постановлению ПК ВСНП о создании судов по правам интеллектуальной собственности, в подсудность таких судов входили только гражданские и административные дела. Однако наряду с делами, связанными с патентами, новыми видами растений и проектированием топологий, в полномочия судов было включено рассмотрение дел, имеющих отношение к секретам производства, а в дальнейшем с принятием Верховным народным судом КНР Правил подсудности дел судам по правам интеллектуальной собственности в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу [11] также в этот список были включены дела, связанные с компьютерными программными обеспечениями, которые, в свою очередь, являются также предметами уголовных дел. Тем самым возникает противоречие в том, что в полномочия судов, рассматривающих только административные и гражданские дела, было также включено рассмотрение дел, имеющих уголовный характер. И в связи с этим будет логичным принятие поправок и закрепление за судами по правам интеллектуальной собственности права на рассмотрение соответствующих уголовных дел.

Таким образом, решение создать специализированные суды по правам интеллектуальной собственности вслед за ведущими странами мира является экспериментальным шагом и призвано обеспечить должную защиту соответствующих прав как и физических, так и юридических лиц. Кроме этого, немаловажным фактором в создании таких судов является инновационное и технологическое развитие отраслей экономики и необходимость правовой защиты их результатов.

Библиографический список

1. Конституция КНР (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 декабря 1982 г. с изм. 12.04.1988, 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004, 11.03.2018) // Официальный ресурс Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики. Режим доступа: URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Constitution/node_2825.htm (дата обращения: 29.04.2022).
2. Закон КНР от 23 августа 1982 г. (в редакции 2001 г.) «О товарных знаках» // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=181402 (дата обращения: 29.04.2022).

3. Закон КНР «О патентах» (с поправками, внесёнными Решением от 27.12.2008 г. «О пересмотре Закона Китайской Народной Республики «О патентах») // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181404 (дата обращения: 29.04.2022).

4. Закон КНР «Об авторском праве» (с изменениями, внесёнными Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей от 26.02.2010 г. «О внесении поправок в Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве») // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=182065 (дата обращения: 29.04.2022).

5. Закон КНР «О борьбе с недобросовестной конкуренцией» // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181337 (дата обращения: 29.04.2022).

6. Ю Цзимин. Почему необходимо создать специализированные суды по правам интеллектуальной собственности // Суды КНР. 2014. № 5. 18 июня. URL: http://rmfyb.chinacourt.org/paper/html/2014-06/18/content_83469.htm?div=-1 (дата обращения: 29.04.2022).

7. Lee Nari, Bruun Niklas, Li Mingde. Governance of Intellectual Property Rights in China and Europe. Massachusetts, US: 2016. [Ли Н., Брун Н., Ли М. Регулирование прав интеллектуальной собственности в Китае и Европе]. 2016. Массачусетс, США: Эдвард Элга Паблшинг. С. 305.

8. Обзор «Национальная стратегия интеллектуальной собственности» принят Государственным советом 25 июня 2008 // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181394 (дата обращения: 29.04.2022).

9. Постановлением ЦК КПК от 12 ноября 2013 г. «О некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформ» 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1115/c64094-23559163.html> (дата обращения: 29.04.2022).

10. Постановление ПК ВСНП от 31 августа 2014 г. «О создании судов по интеллектуальным правам в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу» // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=15270> (дата обращения: 29.04.2022).

11. ВНС КНР «Правила подсудности дел судам по правам интеллектуальной собственности в городах Пекин, Шанхай и Гуанчжоу» // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=351264 (дата обращения: 29.04.2022).

12. Юнг К. Суды по интеллектуальным правам: Новые специализированные суды КНР // Информационный сервис people.cn, 2015. URL: <http://ip.people.com.cn/n/2015/0529/c136655-27075677.html> (дата обращения: 29.04.2022).

13. Регламент Китайской Народной Республики «Об охране новых сортов растений» (утвержден Распоряжением Государственного совета № 213 от 20.03.1997 г.,

пересмотрен Постановлением Государственного совета от 31.01.2013 г. «О внесении изменений в Регламент Китайской Народной Республики «Об охране новых сортов растений» // СПС Всемирной организации интеллектуальной собственности. Режим доступа: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=309815 (дата обращения: 29.04.2022).

14. Ли Н., Брун Н., Ли М. Регулирование прав интеллектуальной собственности в Китае и Европе. 2016. Массачусетс, США: Эдвард Элга Пабблишинг. С. 314. (Lee Nari, Bruun Niklas, Li Mingde. *Governance of Intellectual Property Rights in China and Europe*. Massachusetts, US: 2016. p. 314).

15. Центр интеллектуальной собственности Китайской академии общественных наук. Исследование реформ механизмов защиты интеллектуальной собственности в Китае. // Журнал интеллектуальной собственности. Пекин, 2008. С. 193—194. Режим доступа: URL: <http://www.lib.cass.org.cn/> (дата обращения: 29.04.2022).

References

1. The Constitution of the People's Republic of China (Adopted at the 5th session of the National People's Congress of the 5th convocation on December 4, 1982, as amended on 04/12/1988, 03/29/1993, 03/15/1999, 03/14/2004, 03/11/2018) // Official resource of the National People's Congress of the People's Republic of China. Access mode: URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Constitution/node_2825.htm (accessed: 29.04.2022).

2. Law of the People's Republic of China of August 23, 1982 (as amended in 2001) “On Trademarks” // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=181402 (accessed: 29.04.2022).

3. Law of the People's Republic of China “On Patents” (as amended by the Decision of December 27, 2008 “On the revision of the Law of the People's Republic of China “On Patents”) // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181404 (accessed: 29.04.2022).

4. Law of the People's Republic of China “On Copyright” (as amended by the Decision of the Standing Committee of the National People's Congress of February 26, 2010 “On Amending the Law of the People's Republic of China “On Copyright”) // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=182065 (accessed: 29.04.2022).

5. Law of the People's Republic of China “On Combating Unfair Competition” // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181337 (accessed: 29.04.2022).

6. Yu Jiming. Why is it necessary to create specialized courts for intellectual property rights. // Newspaper “Courts of the People's Republic of China”, No. 5, dated June 18, 2014. Access mode: URL: http://rmfyb.chinacourt.org/paper/html/2014-06/18/content_83469.htm?div=-1 (accessed: 29.04.2022).

7. Li N., Brun N., Li M. Regulation of intellectual property rights in China and Europe. 2016. Massachusetts, USA: Edward Elga Publishing. Page 305. (Lee Nari, Bruun

Niklas, Li Mingde. *Governance of Intellectual Property Rights in China and Europe*. Massachusetts, US: 2016. p. 305).

8. Review of the “National Intellectual Property Strategy” adopted by the State Council on June 25, 2008 // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=181394 (accessed: 29.04.2022).

9. Decree of the CPC Central Committee of November 12, 2013 “On Some Important Issues for Comprehensively Deepening Reforms” // Access mode: URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1115/c64094-23559163.html> (accessed: 29.04.2022).

10. Decree of the PC of the NPC of August 31, 2014 “On the establishment of intellectual property courts in the cities of Beijing, Shanghai and Guangzhou” // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=15270> (accessed: 29.04.2022).

11. SPC of the People's Republic of China “Rules for the jurisdiction of intellectual property courts in the cities of Beijing, Shanghai and Guangzhou” // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=351264 (accessed: 29.04.2022).

12. Jung K. *Intellectual Property Courts: New Specialized Courts of the PRC*. // Information service people.cn, 2015. Access mode: URL: <http://ip.people.com.cn/n/2015/0529/c136655-27075677.html> (accessed: 29.04.2022).

13. Regulation of the People's Republic of China on the Protection of New Varieties of Plants (approved by Decree of the State Council No. 213 of March 20, 1997, revised by the Decree of the State Council of January 31, 2013 on Amendments to the Regulation of the People's Republic of China on the Protection of New plant varieties”) // ATP of the World Intellectual Property Organization. Access mode: URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=309815 (accessed: 29.04.2022).

14. Li N., Brun N., Li M. *Regulation of intellectual property rights in China and Europe*. 2016. Massachusetts, USA: Edward Elga Publishing. P. 314. (Lee Nari, Bruun Niklas, Li Mingde. *Governance of Intellectual Property Rights in China and Europe*. Massachusetts, US: 2016. p. 314).

15. Intellectual Property Center of the Chinese Academy of Social Sciences. *A Study on Reforms of Intellectual Property Protection Mechanisms in China*. // *Journal of Intellectual Property*. Beijing, 2008. Pp. 193—194. Access mode: URL: <http://www.lib.cass.org.cn/> (accessed: 29.04.2022).

С.Н. Жилкибаев

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ: УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ

Аннотация. В процессе внешнеэкономического сотрудничества и партнерства многие предприниматели сталкиваются с большими трудностями экономического, языкового, социокультурного, а также правового характера. Для эффективного правового обеспечения «всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства» РФ и КНР, а также сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» необходима разумная унификация и гармонизация законодательств стран-партнёров, о чём уже заботятся политические руководители и законодатели наших стран.

Эта проблема вытекает из общей проблемы трансформации национальных экономик и общественных систем России и Китая в высоконаучную и совершенную производящую систему социально ориентированного толка, используя привлечение и накопление полезных иностранных инвестиций.

Исследование проводится на основе анализа экономической статистики, нормативно-правовой базы и научных исследований экономического и правового толка.

Подводя промежуточные итоги исследования, следует отметить активизацию законотворческой инициативы обеих стран по бурному развитию количественных и качественных характеристик законодательства об иностранных инвестициях, его внутренней унификации в рамках гражданского и предпринимательского права. В рамках международно-правового поля происходит гармонизация на уровне ре-

гиональных и субрегиональных экономических интеграционных объединений.

Это является лишь надстройкой политизированности при общем неравноправии и дисгармонии сторон, формальности и огосударствлении китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства даже в новую эпоху, что обусловлено, прежде всего, экономической слабозрелостью взаимоотношений РФ и КНР.

Ключевые слова: Китай, КНР, Россия, РФ, международные отношения, мировая экономика, внешнеэкономическая деятельность, законодательство об иностранных инвестициях, гармонизация, унификация.

Автор: Жилкибаев Санат Нурболович, аспирант, департамент правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ. ORCID: 0000-0001-8079-9075; E-mail: prozrach@mail.ru

TRENDS IN RUSSIAN AND CHINESE LEGISLATION ON FOREIGN INVESTMENT: UNIFICATION AND HARMONIZATION

Abstract. In the process of foreign economic cooperation and partnership, many entrepreneurs face great difficulties of an economic, linguistic, sociocultural, and legal nature. For the effective legal support of the «comprehensive strategic interaction and partnership» between the Russian Federation and the PRC, as well as the pairing of the EAEU and the «One Belt and Road», reasonable unification and harmonization of the legislations of the partner countries is necessary, which is already taken care of by political leaders and legislators of our countries.

This problem stems from the general problem of transforming the national economies and social systems of Russia and China into a highly scientific and perfect production system of a socially oriented persuasion, using the attraction and accumulation of useful foreign investments.

The study is conducted on the basis of an analysis of economic statistics, the legal framework and scientific research of an economic and legal nature.

Summing up the interim results of the study, one should note the intensification of the legislative initiative of both countries on the rapid development of quantitative and qualitative characteristics of the legislation on foreign investment, its internal unification within the framework of civil and business law. Within the framework of the international legal field harmonization is taking place at the level of regional and subregional ones. economic integration associations.

This is just an add-on of politicization, given the general inequality and disharmony of the parties, the formality and nationalization of Sino-Russian relations of comprehensive strategic cooperation and partnership even in the new era, which is primarily due to the economic underdevelopment of relations between the Russian Federation and China.

Keywords: China, PRC, Russia, RF, international relations, world economy, foreign economic activity, foreign investment legislation, harmonization, unification.

Author: Zhilkibaev Sanat N., Ph.D. student, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-8079-9075; E-mail: prozrach@mail.ru

Для эффективного правового обеспечения «всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства» РФ и КНР необходимо разумно гармонизировать национальные законодательства [1], [2], [3].

Начать следует с определения терминов «гармонизация» и «унификация», что является достаточно сложным вопросом, поскольку они обладают комплексной сущностью, затрагивают основы суверенитета государства [4], [5], [6], [7], [8].

Производя синергетический анализ отечественного юридического дискурса, можно установить соотношение унификации как жестко формализованного единства «буквы» права, а гармонизации как мягкой договорной формы единства «духа» права.

Нормативные определения в национальных правовых порядках отсутствуют, хотя постоянно фигурируют в стратегических и международных актах. Так, гармонизация означает сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах, прежде всего экономических [9].

Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций сталкивается с противоречиями двух радикальных позиций: инвесторы vs реципиенты в плане коммерческого интереса и конкуренции национальных юрисдикций. Это привело к отсутствию единого международного соглашения по всестороннему регулированию иностранных инвестиций, несмотря на огромное количество проектов (Конвенция по защите собственности 1963 г. и Многостороннее соглашение по инвестициям 1995 г.) и актов soft law (Соглашение СНГ о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности 1993 г., Конвенция СНГ о защите прав инвестора 1997 г.). Остальные действующие для большинства стран международные соглашения являются

продолжением соглашений о свободной торговле, касающихся вопросов инвестиций (Соглашение об инвестиционных мерах, связанных с торговлей), либо затрагивают отдельные вопросы иностранных инвестиций (Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств 1965 г.; Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций 1985 г., Договор к Энергетической хартии 1994 г.).

Процессы унификации и гармонизации законодательств об иностранных инвестициях проходят также и на национальном уровне [10], [11], [12], [13], [14].

Сегодня восходящей незападной звездой экономической интеграции помимо Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является инициатива КНР «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП). При этом РФ начала взаимную с КНР политику по сопряжению ЕАЭС и ОПОП.

Договор о ЕАЭС [9] в инвестиционном плане содержит «справедливый и равноправный (недопущение произвольных, необоснованных и дискриминационных мер) правовой режим». Регулирование ОПОП пока сосредоточено в доктринальных актах правительства КНР, которые отличаются общей декларативностью без институциональной составляющей.

Соглашения лидеров стран по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути установили дорожную карту путем двусторонней гармонизации, стандартизации и унификации национальных законодательств [2]. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР предусматривает развитие отраслевого экономического сотрудничества при институциональном базисе в лице Совместной комиссии, подкомитетов или *ad hoc* рабочих групп, в основном сосредотачиваясь на внешней торговле, замалчивая инвестиции.

Лидеры стран считают, что национальные проекты интеграций могут развиваться параллельно и скоординированно путем диалога между Евразийской экономической комиссией и Госсоветом КНР, а также посредством Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству, двусторонних фондов инвестиционного сотрудничества [1].

При этом основополагающий Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем 2001 г. автоматически продлен на пять лет с частичными новациями, что достаточно удручает в связи с моральной устарелостью системы и структуры соглашения. Аналогичные проблемы имеет Двустороннее инвестиционное соглашение между РФ и КНР.

Современное типовое двустороннее инвестиционное соглашение в российском понимании приняло комплексную стратегию «справедливого и равноправного правового режима» в интересах делового успеха при сохранении национального суверенитета и необходимой правовой гармонизации с кооперацией органов управления договаривающихся государств.

Современные международные инвестиционные соглашения с участием китайской стороны также достаточно прогрессивны и современны по форме и содержанию: «справедливый и равноправный правовой режим»; гармонизация правового регулирования иностранных инвестиций с надлежащей наднациональной институциональной системой.

Подводя итог обзорного исследования двустороннего нормативного правового регулирования в области инвестиционного сотрудничества, следует заметить, что современные международные и двусторонние соглашения устанавливают лишь самые общие нормы-принципы и нормы-цели с установлением начальной институциональной системы. Остальное пока отдается на откуп национальных правовых порядков. Это лишь отражает формальную и институционализированную слаборазвитость китайско-российских отношений «всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства даже в новую эпоху», что обусловлено прежде всего диктатом экспансионистской геополитики и экономической слаборазвитостью взаимоотношений РФ и КНР.

Однако не следует ставить точку в этом вопросе на негативное ноте, поскольку общая приверженность немецкой школе гражданского и корпоративного права и советское наследие хозяйственного права наших стран, переходная стадия развития экономик, обществ и государств подтверждает родство правовых систем России и Китая как продукт так называемой мягкой гармонизации, что послужит хорошим теоретическим и нормативным базисом правовой гармонизации статуса коммерческих организаций с иностранными инвестициями наших стран в будущем.

Библиографический список

1. Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху от 05.06.2019 // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 12.04.2022).

2. Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП от 8 мая 2015 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 12.04.2022).

3. В. Матвиенко: Китай и Россия должны гармонизировать законодательство, чтобы создать условия для развития отношений // Совет Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/news/79547/> (дата обращения: 12.04.2022).

4. Азнагулова Г.М. Дискуссионные вопросы правовой унификации и гармонизации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10-2. С. 87—90.

5. Примак Т.К., Серова О.А. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // Юридический Вестник Сам-Гу. 2015. Т. 1. № 3. С. 71—78.

6. Договор о ЕАЭС: международный договор от 29 мая 2014 г. (в ред. от 15 марта 2018 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 12.04.2022).

7. Гутников О.В. Тенденции развития инвестиционного законодательства в Российской Федерации. // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сборник материалов к Четырнадцатым Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / Л.В. Андреева, Л.В. Андриченко, В.Р. Байрашев и др.; ИЗИСП. М., 2019. С. 165—179.

8. У Цюаньлэй. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР: публично-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / У Цюаньлэй; [Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина]. Казань, 2008. 23 с.

9. Liu, Meichen. The New Chinese Foreign Investment Law and Its Implication on Foreign Investors. [Новый китайский закон об иностранных инвестициях и его последствия для иностранных инвесторов.] // Northwestern Journal of International Law & Business. 2018. No 38. P. 285—306.

10. Хоу Шаньшань. Лунь вайшан тоуцзы цие фалюй чжиду юй нэйцзы гунсы фалюй чжиду дэ бингуй [Хоу Шаньшань. О слиянии правовой системы предприятий с иностранным капиталом и правовой системы компаний с внутренним финансированием]. // Фачжи [Закон]. 2017. № 3. P. 102—107.

11. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию ЭПШП и МШП 21 века» от 27 ноября 2017 г. // «Один пояс, один путь». URL: <http://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/36756.htm> (дата обращения: 10.01.2022).

12. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны. 17.05.2018 // ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%be%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d1%81%20%d0%9a%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b5%d0%bc/%d0%a2%d0%b5%d0%ba%d1%81%d1%82%20%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b9%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

13. Россия и Китай продлили Договор о добрососедстве и дружбе на пять лет // РГ. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/rossiia-i-kitaj-prodlili-dogovor-o-dobrososedstve-i-druzhbe-na-piat-let.html> (дата обращения: 24.03.2022).

14. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 09.11.2006 URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/45914?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=true&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_sdAttr_countries_key_field=%D0%9A%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%99&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_sdAttr_subjects_key_field=%D0%9F%D0%9E%D0%9E%D0%A9%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95+%D0%98+%D0%92%D0%97%D0%90%D0%98%D0%9C%D0%9D%D0%90%D0%AF+%D0%97%D0%90%D0%A9%D0%98%D0%A2%D0%90+%D0%9A%D0%90%D0%9F%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%99&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 10.04.2022).

References

1. Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o razvitií otnoshenij vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of relations of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era] 05.06.2019 // Prezident RF. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (data obrashcheniya 12.04.2022).

2. Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa SHelkovogo puti [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in linking the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt] 8 maya 2015 g. // Prezident Rossii. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (data obrashcheniya: 12.04.2022).

3. V. Matvienko: Kitaj i Rossiya dolzhny garmonizirovat' zakonodatel'stvo, chtoby sozdat' usloviya dlya razvitiya otnoshenij [China and Russia should harmonize legislation to create conditions for the development of relations] // Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya RF. URL: <http://council.gov.ru/events/news/79547/> (data obrashcheniya: 12.04.2022).

4. Aznagulova G.M. Diskussionnye voprosy pravovoj unifikacii i garmonizacii [Debating issues of legal unification and harmonization] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2013. № 10-2. P. 87—90.

5. Primak T.K., Serova O.A. Garmonizaciya, unifikaciya, standartizaciya v doktrine, pravoobrazovanii i pravoprimenenii [Harmonization, unification, standardization in doctrine, law formation and law enforcement] // YUridicheskij Vestnik SamGu. 2015. T. 1. № 3. P. 71—78.

6. Dogovor o EAES [Treaty on the Eurasian Economic Union]: 29 maya 2014 g. (v red. ot 15 marta 2018 g.) // Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (data obrashcheniya 12.04.2022).

7. Gutnikov O.V. Tendencii razvitiya investicionnogo zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii. [Trends in the development of investment legislation in the Russian Federation] // Investicii v nacional'nom i mezhdunarodnom prave: balans chastnyh i publicnyh interesov: sbornik materialov k CHetyrnadcatym Ezhegodnym nauchnym chteniyam pamyati professora S.N. Bratusya / L.V. Andreeva, L.V. Andrichenko, V.R. Bajrashev i dr.; IZISP. Moscow, 2019. P. 165—179.

8. U Cyuan'lej. Problemy sootnosheniya mezhdunarodno-pravovogo i nacional'nogo regulirovaniya inostrannyh investicij v KNR: publichno-pravovoj aspekt [Problems of correlation between international legal and national regulation of foreign investment in China: public law aspect]: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.10 / U Cyuan'lej; [Mesto zashchity: Kazan. gos. un-t im. V.I. Ul'yanova-Lenina]. Kazan, 2008. 23 p.

9. Liu, Meichen. The New Chinese Foreign Investment Law and Its Implication on Foreign Investors. [Novyj kitajskij zakon ob inostrannyh investiciyah i ego posledstviya dlya inostrannyh investorov.] // Northwestern Journal of International Law & Business. 2018. No 38. P. 285—306.

10. Hou Shanshan. Lun waushang touzi qiye falv zhidu yu neizi guanxi falv zhidu de binggui [Hou Shanshan. On the merger of the legal system of enterprises with foreign capital and the legal system of companies with domestic financing] // Law. 2017. № 3. P. 102—107.

11. «Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstviya po sovmestnomu sozdaniyu EPSHP i MSHP 21 veka» [Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the SREB and MSR of the 21st century] ot 27 noyabre 2017 g. // «Odin poyas, odin put'». URL: <http://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/36756.htm> (data obrashcheniya: 10.01.2022).

12. Soglasenie o torgovo-ekonomicheskom sotrudnichestve mezhdru EAES i ego gosudarstvami-chlenami, s odnoj storony, i KNR, s drugoj storony [Agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and its member states, on the one hand, and the People's Republic of China (PRC), on the other hand]. 17.05.2018 // EAES. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%d0%a1%d0%be%d0%b3%d0%bb%d0%b0%d1%88%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d0%b5%20%d1%81%20%d0%9a%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b5%d0%bc/%d0%a2%d0%b5%d0%ba%d1%81%d1%82%20%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b8%d0%b9%20%28EAEU%20alternate%29%20final.pdf (data obrashcheniya 24.01.2022).

13. Rossiya i Kitaj prodлили Dogovor o dobrososedstve i družbe na pyat' let [Russia and China extended the Treaty of Good Neighborliness and Friendship for five years] // RG. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/rossiia-i-kitaj-prodlili-dogovor-o-dobrososedstve-i-družbe-na-pyat-let.html> (data obrashcheniya 24.03.2022).

14. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom RF i Pravitel'stvom KNR o pooshchrenii i vzaimnoj zashchite kapitalovlozhenij [Agreement between the Government of the Russian

Federation and the Government of the People's Republic of China on the encouragement and mutual protection of investments]. 09.11.2006. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/45914?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=true&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_sdAttr_countries_key_field=%D0%9A%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%99&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_sdAttr_subjects_key_field=%D0%9F%D0%9E%D0%9E%D0%A9%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95+%D0%98+%D0%92%D0%97%D0%90%D0%98%D0%9C%D0%9D%D0%90%D0%AF+%D0%97%D0%90%D0%A9%D0%98%D0%A2%D0%90+%D0%9A%D0%90%D0%9F%D0%98%D0%A2%D0%90%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%9B%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%99&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (data obrashcheniya: 10.04.2022).

Раздел II

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.48647/ICCA.2022.56.35.016

П.Б. Каменнов

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В НОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматривается военная политика КНР в начале XXI в., ее направленность, международный и внутривнутриполитический аспекты. Автор отмечает, что, согласно оценкам Пекина, мир сегодня в возрастающей степени становится многополярным; развитие и сотрудничество остаются необратимыми тенденциями. Ситуация в сфере безопасности в АТР в целом остается стабильной; для стран региона разрешение разногласий и споров посредством диалога и консультаций стало предпочтительным вариантом политики. Шанхайская организация сотрудничества расширяет сотрудничество в области безопасности. Наряду с этим налицо возрастание факторов неопределенности в связи с проявлениями со стороны США политики с позиции силы. Серьезную озабоченность Китая вызвало заключение в сентябре 2021 г. Соглашения об оборонном партнерстве между Австралией, Великобританией и США, а также состоявшийся в том же месяце саммит четырехстороннего диалога по вопросам безопасности между США, Австралией, Японией и Индией, имеющими, по мнению большинства аналитиков, антикитайскую и антироссийскую направленность. Угрозу национальной безопасности Китая представляет тайваньский сепаратизм и внешние сепаратистские силы — за «независимость Тибета» и за создание «Восточного Туркестана».

В статье показан оборонительный характер военной политики Китая, его стремление решать международные и региональные проблемы в области безопасности мирными средствами, вклад в превращение АТР в стабильную часть глобального ландшафта.

Ключевую роль в военной политике продолжает играть КПК. На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) задачи модернизации оборонного потенциала Китая были дополнены установкой на создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР, с целью реализации которой по инициативе Си Цзиньпина в период с 2015 по 2020 г. проведена новая военная реформа, включающая совершенствование структуры и сокращение численности личного состава вооруженных сил. Важным итогом реформы явилось расширение полномочий Центрального военного совета (ЦВС) КНР и его председателя Си Цзиньпина. В поле зрения автора попадает углубление российско-китайского военного и военно-технического сотрудничества на современном этапе.

Ключевые слова: Китай, AUKUS, QUAD, военная политика, тайваньский сепаратизм, внешние сепаратистские силы, военная реформа.

Автор: Каменнов Павел Борисович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID 0000-0003-3978-399X; E-mail: pavelkamennov@rambler.ru

CHINA'S MILITARY POLICY IN THE NEW ERA

Abstract. The article considers the military policy of the People's Republic of China at the beginning of the XXI century, its orientation, international and domestic political aspects. The author notes that, according to Beijing's estimates, the world today is increasingly becoming multipolar; development and mutually beneficial cooperation remain irreversible trends. The security situation in the Asia-Pacific region as a whole remains stable; for the countries of the region, the resolution of disagreements and disputes through dialogue and consultations has become the preferred policy option. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is expanding cooperation in the field of security. Along with this, there is an increase in uncertainty factors in connection with the manifestations of the US policy from a position of strength. China's serious concern was caused by the conclusion in September 2021 the Agreement on the defense partnership between Australia, Great Britain and the United States (AUKUS), as well as the summit of the quadrilateral security dialogue between the United States, Australia, Japan and India (QUAD) held in September 2021, which, according to most analysts, have an anti-Chinese and anti-Russian orientation. Taiwan separatism and external separatist forces — for the “independence of Tibet” and for the creation of “East Turkestan” — pose a threat to China's national security. The article shows the defensive nature of China's military policy, its desire to solve international and regional security problems by peaceful means, its contribution to the transformation of the Asia-Pacific region into a stable part of the global landscape.

The CPC continues to play a key role in military policy. At the XVIII Congress of the CPC (November 2012), the tasks of modernizing China's defense potential were supplemented with an installation to create armed forces corresponding to the increased international status of the PRC, with the aim of implementing which, at the initiative of Xi Jinping, a new military reform was carried out from 2015 to 2020, including improving the structure and reducing the number of personnel of the armed forces. An important result of the reform was the expansion of the powers of the Central Military Council (CMC) of the PRC and its President Xi Jinping. The author's field of view is the deepening of Russian-Chinese military and military-technical cooperation at the present stage.

Keywords: China, AUKUS, QUAD, military policy, Taiwanese separatism, external separatist forces, military reform.

Author: *Kamennov Pavel B.*, Ph.D. (Political Science), Leading Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID 0000-0003-3978-399X;
E-mail: pavelkamennov@rambler.ru

Ситуация в сфере безопасности в мире и в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Согласно оценкам военно-политического руководства КНР, сегодня мир подвержен небывалым за последнее столетие кардинальным изменениям. Мир, развитие и сотрудничество остаются необратимыми тенденциями. Тем не менее существуют значительные дестабилизирующие факторы и факторы неопределенности в сфере международной безопасности, вызванные проявлениями растущего гегемонизма во внешней политике и политикой с позиции силы.

Налицо тенденция обострения международной конкуренции. США произвели корректировку стратегии в сфере безопасности и военной стратегии и проводят политику получения односторонних преимуществ с позиции силы, что привело к новому витку обострения конкуренции в мире, существенному увеличению военных расходов США в ущерб стратегической стабильности и интересам безопасности других членов мирового сообщества.

Проблемы мировой и региональной безопасности все более усложняются. Усилия мирового сообщества в области международного контроля за вооружениями и разоружением терпят неудачу, в то же время растут признаки набирающей силу гонки вооружений, при том что достижение нераспространения оружия массового поражения остается проблематичным. Продолжает распространяться международ-

ный экстремизм, терроризм, пиратство и наряду с этим нарастают нетрадиционные угрозы безопасности, охватывающие информационное пространство, киберпространство, космос и биосферу.

Ситуация в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом остается стабильной. Разрешение разногласий и споров посредством диалога и консультаций стало предпочтительным вариантом политики для стран АТР, что делает регион стабильной частью глобального ландшафта.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) налаживает конструктивное партнерство, не связанное ни с альянсом, ни с конфронтацией, не нацелено на третьи страны, расширяет сотрудничество в области безопасности и обороны и создает новую модель регионального сотрудничества в области безопасности. В последние годы неформальные встречи министров обороны Китая и стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и встречи министров обороны стран АСЕАН-плюс играют позитивную роль в укреплении доверия между странами региона посредством военных обменов и сотрудничества.

По китайским оценкам, в последние годы ситуация в Южно-Китайском море в целом характеризуется стабильностью и тенденцией к дальнейшему улучшению, поскольку страны АТР стремятся должным образом управлять рисками и различиями. Среди военных ведомств стран региона достигнут прогресс в создании скоординированного контртеррористического механизма.

Вместе с тем, по мере того как мировой экономической и стратегический центр продолжает перемещаться в сторону АТР, этот регион оказался в центре конкуренции крупных стран; США укрепляют свои азиатско-тихоокеанские военные альянсы и усиливают военное присутствие в АТР, что ведет к усложнению проблем региональной безопасности. Япония скорректировала свою военную политику и политику в области безопасности и, соответственно, увеличила объем вводимых ресурсов, тем самым становясь все более внешне ориентированной в своих военных усилиях. Ситуация на Корейском полуострове остается неопределенной. Южная Азия в целом стабильна, однако между Индией и Пакистаном время от времени вспыхивают конфликты [1, pp. 2—4].

За последние годы произошло заметное увеличение комплексной государственной мощи Китая, его глобального влияния и устойчивости к рискам. Тем не менее он сталкивается с различными угрозами и вызовами безопасности, из которых наиболее серьезную опасность

для суверенитета страны представляет тайваньский сепаратизм. Власти Тайваня во главе с Демократической прогрессивной партией продолжают следовать концепции «независимости Тайваня». В последние годы они активизировали усилия по разрыву связей с материком, добиваясь независимости де-юре, усиливая конфронтацию и используя в этих целях силу иностранного влияния, прежде всего США; в частности, об этом свидетельствует заключение в 2020 г. новых сделок на поставку Тайваню американских вооружений, а также состоявшийся в апреле 2022 г. визит на остров делегации американских конгрессменов во главе с председателем комитета по международным делам Сената США Р. Менендесом [2], что является прямым нарушением совместного китайско-американского коммюнике от 17 августа 1982 г., в котором подчеркнут принцип «одного Китая», являющийся политической основой нормального развития отношений между КНР и США. Наряду с этим угрозу национальной безопасности Китая представляют внешние сепаратистские силы за «независимость Тибета» и за создание «Восточного Туркестана».

В Пекине считают, что зарубежные интересы Китая также находятся под угрозой различных проявлений международной и региональной нестабильности, терроризма и пиратства. Китайские дипломатические миссии, предприятия и персонал по всему миру неоднократно подвергались нападениям. Угроза космическому пространству и кибербезопасности становится все более серьезной, а угроза нетрадиционных проблем безопасности, связанных со стихийными бедствиями и крупными эпидемиями, возрастает [1, р. 4].

На современном этапе в китайско-американских отношениях сохраняется напряженность, вызванная обострением борьбы за доминирование в мире. Согласно опубликованному в США в марте 2021 г. Временному стратегическому руководству по национальной безопасности (Interim National Security Strategic Guidance), главной угрозой США и миру американская администрация считает Китай, который «...является единственным соперником, способным соединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь и бросить вызов стабильной и открытой международной системе» [3]; отсюда продолжение политики, направленной на сдерживание Китая, в том числе путем создания военно-политических блоков, имеющих антикитайскую направленность.

Серьезную озабоченность Пекина вызвало заключение 16 сентября 2021 г. Соглашения об оборонном партнерстве между Австралией, Великобританией и США, получившем название AUKUS, с заявлен-

ной целью — защита и отстаивание общих интересов сторон в Индо-Тихоокеанском регионе и объединение усилий в сфере развития оборонного сектора. Согласно заявлению министра иностранных дел КНР Ван И Соглашение AUKUS в связи с передачей США Австралии технологий строительства атомных подводных лодок, способных нести ядерное оружие, противоречит обязательствам Австралии по Договору о безъядерной зоне в южной части Тихого океана и ведет к нарушению стратегического баланса сил в регионе, поскольку примеру Австралии могут последовать другие государства АТР, что несет в себе риск нового витка гонки вооружений [4].

Наряду с этим 24 сентября 2021 г. в Вашингтоне состоялся саммит стран — участниц четырехстороннего диалога по вопросам безопасности QUAD, включающего США, Австралию, Японию, Индию и имеющего цель «...укреплять порядок, основанный на международном праве, и ответить на вызовы в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях». Однако, по существу, согласно оценке секретаря Совбеза РФ Н.П. Патрушева, «QUAD является прообразом азиатского аналога НАТО, нового военно-политического блока с выраженным проамериканским характером. И Вашингтон будет стараться втянуть в эту организацию и другие страны, главным образом для проведения антикитайской и антироссийской политики» [5].

Основные направления военной политики Китая в новую эпоху

Согласно Белой книге КНР 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху» военная политика КНР имеет оборонительный характер [1, р. 7]. и направлена на решение следующих задач: предотвращение и сопротивление агрессии; обеспечение политической безопасности, безопасности народа и социальной стабильности; противодействие и предотвращение так называемой независимости Тайваня; пресечение деятельности сторонников сепаратистских движений, выступающих за «независимость Тибета» и за создание «Восточного Туркестана»; обеспечение национального суверенитета, единства, территориальной целостности и безопасности страны; защита морских прав и интересов Китая; защита интересов безопасности КНР в космическом пространстве, электромагнитном пространстве и киберпространстве; защита интересов Китая за рубежом; поддержка устойчивого развития страны. В Пекине считают, что решение тайваньской

проблемы по формуле «одна страна, две системы» имеет важнейшее значение для воссоединения страны и защиты ее суверенитета, и принимают меры для достижения этой цели мирными средствами без внешнего вмешательства (со стороны США. — *Прим. авт.*). В то же время для противодействия попыткам де-юре отделения Тайваня от Китая Пекин, в соответствии с Законом КНР о борьбе с расколом страны 2005 г. (ст. 8) [6], не исключает применение военной силы.

Китай развивает сотрудничество со странами АТР, отстаивая свободу мореплавания и пролетов воздушных судов всех стран в соответствии с международным правом [1, pp. 8, 9]. При этом наличие неурегулированных территориальных проблем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях не мешает развитию нормальных взаимовыгодных торгово-экономических связей Китая со странами АТР, что указывает на признание ими роли Китая как ответственной мировой державы.

На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) задачи модернизации оборонного потенциала Китая были дополнены установкой на создание вооруженных сил, соответствующих возросшему международному статусу КНР и способных не только защищать суверенитет и территориальную целостность страны в пределах национальных границ, но также обеспечить безопасность страны на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве [7]. На реализацию данной установки была направлена новая военная реформа, осуществлявшаяся по инициативе Си Цзиньпина в 2015—2020 гг. и включающая: реформирование высшего военного управления; расформирование военных округов и создание на их основе командований НОАК на театрах военных действий (ТВД); совершенствование структуры и сокращение численности личного состава вооруженных сил [8, p. 90, 91]. В результате реформы коренным образом расширены полномочия Центрального военного совета (ЦВС) КНР и его председателя Си Цзиньпина, поскольку 15 функциональных структур ЦВС, охватывающих практически все сферы руководства вооруженными силами, подчинены его председателю непосредственно. Наряду с этим осуществлена оптимизация распределения функций между структурными компонентами, они упорядочены, а обязанности должностных лиц по принятию решений, планированию, исполнению и контролю распределены более рациональным образом [1, p. 19]. По нашей оценке, создание в структуре ЦВС Объединенного штаба означает, что главное место в оперативном планирова-

нии НОАК отныне занимают совместные операции видов ВС и родов войск (сил флота).

1 января 2018 г. в подчинение ЦВС КНР передана Народная вооруженная полиция (НВП), выполняющая внутренние охранные функции и задачи по борьбе с терроризмом [7].

Следуя мировой тенденции и опираясь на растущую экономическую мощь, Китай из года в год увеличивает *военные расходы* (табл. 1).

Таблица 1. Военные расходы КНР в 2020—2022 гг.

№ п/п	Наименование	2020	2021	2022 (прогноз)
1	Официальные военные расходы — в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.	179	202	229,5
2	Темпы роста официальных военных расходов, %	6	6,8	7,1
3	Темпы экономического роста, %	2,3	8,1	5,5
4	Реальные военные расходы — в постоянных ценах и на основе рыночных обменных курсов, млрд долл.	252*	280*	321,3*
5	ВВП КНР, млрд долл.	15 420	18 110	19 106*
6	Доля официальных военных расходов в ВВП, %	1,2*	1,1*	1,2*
7	Доля реальных военных расходов в ВВП, %	1,6*	1,5*	1,7*

Источники: Доклад о работе правительства КНР на 4-й сессии ВСНП КНР 13-го созыва 05.03.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-03/15/c_139812271.htm; Китай в 2020 г. увеличит оборонный бюджет до 178,8 млрд долл. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8536037>; Военные расходы стран мира бьют рекорды: почти 2 трлн долл. в 2020 г. // Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ). URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/26/voennye-rashody-mira-byut-rekordy-pochti-2-trln-v-2020-godu>; Экономическая политика Китая в условиях активной фазы противостояния России и Запада // ТАСС, 08.05.22; Китай в 2022 г. увеличит военный бюджет до 229 млрд долл. на 7,1 процента в 2022 г. // ТАСС. 05.03.2022.

* Оценка автора.

В 2021 г. официальные военные расходы КНР составили 202 млрд долл., между тем как реальные превысили данный показатель более чем на 40 % и составили 280 млрд долл. Пандемия коронавируса

COVID-2019 не оказала сдерживающего влияния на рост военных расходов стран мира, которые в указанном году впервые в истории превысили отметку в 2 трлн долл. По оценке СИПРИ, реальные военные расходы стран в 2021 г. составили: США — 801 млрд долл.; Индии — 70,6; Великобритании — 68,4; России — 65,9; Германии — 56,0 млрд долл. При этом 38 % мировых военных расходов пришлось на США [8].

Ключевую роль в военной политике, в руководстве оборонным строительством и вооруженными силами КНР продолжает играть КПК. Руководство страны следует известному указанию Мао Цзэдуна: «Наш принцип заключается в том, что партия командует винтовкой; винтовке никогда не должно быть позволено командовать партией» [9]. В современном Китае это положение закреплено юридически: согласно ст. 21 Закона Китая о национальной обороне 2020 г. вооруженные силы Китайской Народной Республики возглавляются Коммунистической партией Китая [10]. Военный совет ЦК КПК и Центральный военный совет КНР, являющийся высшим государственным органом руководства вооруженными силами, образуют высокоцентрализованную систему высшего военного управления КНР по партийной и государственной линиям. Единство системы осуществляется тем, что оба органа состоят из одних и тех же лиц. В наши дни председатель КНР и генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин одновременно возглавляет ЦВС КНР и Военный совет ЦК КПК.

Вопрос укрепления контроля над армией со стороны КПК постоянно находится в центре внимания военно-политического руководства. В вооруженных силах в процессе военной реформы ведется работа по усилению партийного строительства с целью укрепления руководящей роли ЦК КПК и обеспечения абсолютного контроля партии над армией. В числе руководящих документов, изданных в этой связи в Китае, — Решение об усилении партийного строительства в армии в новую эпоху [1, р. 19, 20].

Военное и военно-техническое сотрудничество Китая с Россией

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество осуществляется на плановой основе и сохраняет устойчивую тенденцию к расширению и углублению взаимодействия. Налажен и

действует механизм регулярных консультаций между Генеральным штабом ВС России и Объединенным штабом ЦВС КНР.

23 ноября 2021 г. в итоге переговоров на уровне министров обороны в режиме видеоконференции Россия и Китай подписали план военного сотрудничества на 2021—2025 гг., в соответствии с которым стороны намерены расширять контакты между министерствами обороны РФ и КНР и наращивать взаимодействие вооруженных сил по линии стратегических военных учений и совместных морских и воздушных патрулирований в Азиатско-Тихоокеанском регионе [11].

15 декабря 2020 г. Россия и Китай подписали протокол о продлении межправительственного соглашения об уведомлениях о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей на десять лет, что должно способствовать стабильности в АТР с учетом развертывания там компонентов глобальной системы ПРО США [12].

В сентябре 2021 г. Китай принял участие в антитеррористических учениях вооруженных сил государств — членов Шанхайской организации сотрудничества «Мирная миссия-2021» с участием России, Китая, Индии, Казахстана, Киргизии, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана и Белоруссии. Постановка задач в ходе учений осуществлялась с учетом возможного развития обстановки в Центрально-Азиатском регионе. Активная фаза учений проводилась с 20 по 24 сентября на полигоне Донгуз в Оренбургской области РФ [13].

Россия оказывает Китаю содействие в создании национальной системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая, по словам президента РФ В. Путина, «...кардинальным образом повысит обороноспособность КНР, так как сейчас СПРН имеют только США и Россия» [14]. В связи с определившейся в последние годы мировой тенденцией использования для военных целей искусственного интеллекта возникает необходимость налаживания взаимодействия между нашими странами и в этой исключительно важной сфере, способной изменить формат современной войны.

В обозримой перспективе военная политика КНР будет направлена на реализацию стратегических целей развития национальной обороны и вооруженных сил Китая в новую эпоху:

- к 2035 г. в основном завершить модернизацию национальной обороны и вооруженных сил на базе модернизации военной теории, организационной структуры, системы подготовки военных кадров, вооружений и военной техники;
- к 2050 г. завершить преобразования вооруженных сил Китая в направлении достижения ими мирового уровня XXI в. [1, р. 10].

Как следует из Закона Китая о национальной обороне 2020 г., вооруженные силы страны сохраняют свою роль инструмента опоры власти и поддержания внутривластной стабильности.

Библиографический список

1. China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2019 [Национальная оборона Китая в новую эпоху. Информационное бюро Государственного совета Китайской Народной Республики]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (дата обращения: 01.05.2022).

2. Американские конгрессмены прибыли на Тайвань без объявления визита. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/14/17570096.shtml> (дата обращения: 01.05.2022).

3. Стратегия национальной безопасности США. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/52664> (дата обращения: 01.05.2022).

4. Китай предупредил о риске ядерной гонки из-за альянса AUKUS. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/29/chinanuclearrace/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1632976641000 (дата обращения: 01.05.2022).

5. Связка AUKUS и QUAD как ось новой холодной войны. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3382493.html> (дата обращения: 01.05.2022).

6. People's Daily Online [Народная газета онлайн]. 14/03/2005.

7. Доклад генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.25c. (дата обращения: 01.05.2022).

8. В 2021 г. объем военных расходов стран мира превысил два триллиона долларов. URL: https://smotrim.ru/article/2712612?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.05.2022).

9. NIDS China Security Report 2012 // National Institute for Defense Studies, Japan [Отчет о безопасности Китая 2012 // Национальный институт оборонных исследований, Япония]. 63 с.

10. Закон КНР о национальной обороне 2020 г. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/law-of-china-on-national-defense-20201226.41> (дата обращения: 01.05.2022).

11. Россия и Китай подписали план военного сотрудничества на 2021—2025 годы. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3430969.html> (дата обращения: 01.05.2022).

12. И. Линдемманн. Министр обороны Китая заявил, что продление соглашения об уведомлении о пусках ракет РФ и КНР обеспечит военную безопасность в мире. URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/forces/content/202012151324-GFZQ6.html> (дата обращения: 01.05.2022).

13. В Оренбуржье прошла церемония закрытия антитеррористических учений «Мирная миссия — 2021». URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021924126-rBbHu.html> (дата обращения: 01.05.2022).

14. Эксперты: китайская СПРН, о которой заявил Путин, снизит вероятность большой войны. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6964281> (дата обращения: 01.05.2022).

References

1. China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html (Date of Access: 01.05.2022).

2. Amerikanskiye kongressmeny pribyli na Tajvan' bez obyavleniya vizita [US congressmen arrive in Taiwan without announcing their visit]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/04/14/17570096.shtml> (Date of Access: 01.05.2022).

3. Strategiya nacional'noj bezopasnosti SSHA [US national security strategy]. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/52664> (Date of Access: 01.05.2022).

4. Kitaj predupredil o riske yadernoj gonki iz-za al'yansa AUKUS [China warns of risk of nuclear race due to AUKUS alliance]. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/29/chinanuclearrace/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1632976641000 (Date of Access: 01.05.2022).

5. Svyazka AUKUS i QUAD kak os' novoj holodnoj vojny [Bundle of AUKUS and QUAD as the axis of the new cold war]. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3382493.html> (Date of Access: 01.05.2022).

6. People's Daily Online. 14/03/2005.

7. Doklad general'nogo sekretarya CK KPK Hu Czin'tao na XVIII s'ezde KPK [Report of the General Secretary of the CPC Central Committee Hu Jintao at the 18th Congress of the CPC.]. URL: http://china.caixin.com/2012-11-08/100458021_all.html#page6.25 p. (Date of Access — 01.05.2022).

8. V 2021 g. ob'em voennyh raskhodov stran mira prevysil dva trilliony dollarov [In 2021, the volume of military spending by the countries of the world exceeded two trillion dollars]. URL: https://smotrim.ru/article/2712612?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (Date of Access: 01.05.2022).

9. NIDS China Security Report 2012 // National Institute for Defense Studies, Japan. 2012. 63 p.

10. Zakon Kitaya o nacional'noj oborone 2020 g. [PRC National Defense Law of 2020]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/law-of-china-on-national-defense-20201226.11> (Date of Access: 01.05.2022).

11. Rossiya i Kitaj podpisali plan voennogo sotrudnichestva na 2021—2025 gody [Russia and China have signed a military cooperation plan for 2021—2025]. URL: <https://yandex.ru/turbo/regnum.ru/s/news/3430969.html> (Date of Access: 01.05.2022).

12. I. Lindemann. Ministr oborony Kitaya zayavil, chto prodlenie soglasheniya ob uvedomlenii o puskah raket RF i KNR obespechit voennuyu bezopasnost' v mire [The Chinese Defense Minister said that the extension of the agreement on notification of Russian and Chinese missile launches will ensure military security in the world]. URL: <https://yandex.ru/turbo/tvzvezda.ru/s/news/forces/content/202012151324-GFZQ6.html> (Date of Access: 01.05.2022).

13. V Orenburzh'e proshla ceremoniya zakrytiya antiterroristicheskikh uchenij «Mirnaya missiya — 2021» [The closing ceremony of the anti-terrorist exercises “Peace Mission — 2021” was held in the Orenburg region]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021924126-rBbHu.html> (Date of Access: 01.05.2022).

14. Eksperty: kitajskaya SPRN, o kotoroj zayavil Putin, snizit veroyatnost' bol'shoj vojny [Experts: Chinese early warning system, which Putin announced, will reduce the likelihood of a big war]. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/6964281> (Date of Access: 01.05.2022).

С.П. Савинский

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВАЛЮТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В КНР¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития регулирования и контроля трансграничных валютных операций в КНР как по текущим, так и по капитальным статьям. Проведен анализ основных действующих ограничений на трансграничные валютные операции по текущим и капитальным статьям. Рассмотрена действующая система квалифицированных институциональных инвесторов в КНР, а также успехи Китая в интернационализации национальной валюты — юаня.

Также рассмотрены тенденции сопряжения китайских и Гонконгской бирж, а также других бирж мира, рассмотрены основные каналы использования накопленных валютных резервов, определены основные факторы, влияющие на отток капитала из КНР. Описаны основные государственные органы контроля за трансграничными валютными операциями в стране, последние кардинальные изменения в системе контроля текущих операций в КНР, а также основные направления развития контрольно-регулирующих функций в сфере трансграничной интернет-торговли и обслуживающих их платежных платформ.

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы в Научно-исследовательском финансовом институте Минфина России по теме: «Разработка Стратегии либерализации национального валютного законодательства на период до 2025 г.».

The article was written as a part of the research work in the Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation on the topic: “Development of a Strategy for liberalizing national currency legislation for the period up to 2025”.

Одним из основных пунктов исследования в статье является цифровизация системы контроля и регулирования интернет-операций, создание благоприятных условий для развития бизнеса в этой сфере. Вместе с тем в статье отмечены и существующие проблемы в системе валютного контроля в КНР, нерешенные вопросы в противодействии отмыванию денег и то, как руководство страны стремится решить актуальные вопросы в данной сфере.

Ключевые слова: Китай, КНР, контроль и регулирование валютных операций, текущие и капитальные валютные операции, платежные интернет-платформы, противодействие «отмыванию» денег.

Автор: *Савинский Сергей Петрович*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра международных финансов Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации. E-mail: sav2285@yandex.ru

REGULATION OF CROSS-BORDER OPERATIONS IN CHINA

Abstract. The article is devoted to the study of the development of regulation and control of cross-border foreign exchange transactions in the PRC, both in terms of current and capital items. The analysis of the main current restrictions on cross-border currency transactions on current and capital items was carried out. The current system of qualified institutional investors in the PRC, as well as China's success in the internationalization of the national currency, the yuan, are considered.

The article also discusses the trends in conjugation of the Chinese and Hong Kong stock exchanges, as well as other world stock exchanges, considers the main channels for using accumulated foreign exchange reserves, and identifies the main factors influencing the outflow of capital from China. This paper describes the main state bodies for monitoring cross-border foreign exchange transactions in the country, the latest fundamental changes in the system for monitoring current transactions in the PRC, as well as the main directions for the development of control and regulatory functions in the field of cross-border Internet trading and payment platforms serving them.

One of the main points of the study in the article is the digitalization of the system of control and regulation of Internet operations, the creation of favorable conditions for business development in this area. At the same time, the article also notes the existing problems in the system of currency control in the PRC, unresolved issues in combating money laundering, and how the country's leadership seeks to resolve pressing issues in this area.

Keywords: China, PRC, control and regulation of foreign exchange transactions, current and capital foreign exchange transactions, Internet payment platforms, counteraction to money laundering.

Author: Savinsky Sergey P., Ph.D. (Economics), Senior Researcher at the Center for International Finance of the Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow). E-mail: sav2285@yandex.ru

КНР официально присоединилась к ст. VIII Международного валютного фонда (МВФ) о свободной конвертации по текущим статьям, и с 1996 г. снимались ограничения на использование иностранной валюты для текущих операций, однако вплоть до настоящего времени действуют серьезные валютные ограничения, в основном по счетам движения капитала, даже несмотря на включение юаня в 2016 г. в валютную корзину SDR МВФ.

После вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. степень жесткого регулирования трансграничных операций по счетам движения капитала заметно снизилась, и в настоящее время большая часть счетов движения капитала является открытой.

С 2002 г. в стране действует система квалифицированных зарубежных институциональных инвесторов (Qualified Foreign Institutional Investor, QFII), а в 2007 г. учреждается система квалифицированных внутренних институциональных инвесторов (Qualified Domestic Institutional Investor, QDII) с целью увеличения спроса на иностранную валюту с последующим инвестированием за рубежом. По состоянию на 30 июня 2020 г. в общей сложности 152 QDII получили лимиты на общую сумму 104 млрд долл. (общий лимит 180 млрд долл.). Для реализации задачи по интернационализации юаня с 2011 г. идет активное внедрение системы квалифицированных зарубежных инвесторов в юанях (Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor, (RQFII)).

В настоящее время, по данным Swift, доля мировых сделок с участием юаня чуть более 1 %, а доля юаня в трансграничных финансовых переводах через сеть Swift составляет всего 2 %, при том что экономика КНР является второй экономикой мира [1].

Благодаря последовательным мерам по либерализации контроля за капитальными операциями КНР удалось добиться впечатляющих успехов. Так, в период с 2002 по 2007 г. по статьям движения капитала ежегодный прирост оборота превышал 52 %, в то время как ежегодный прирост по текущим статьям платежного баланса не превышал 26—27 % в год, то есть темпы прироста по капитальным статьям намного превосходили темпы роста по текущим. В 2007 г. объем оборота средств по капитальным статьям достиг 1,77 трлн долл., в то время

как в 2002 г. этот оборот не превышал 220 млрд долл., то есть за пять лет оборот вырос более чем в восемь раз.

В настоящее время Китай превратился из нетто-потребителя капитала в нетто-экспортера капитала. Однако на корпоративном уровне Китай по-прежнему является нетто-импортером капитала, т. е. по прямым и портфельным инвестициям преобладает ввоз капитала, а по займам и товарным кредитам — вывоз. По объему привлеченных и предоставленных прямых инвестиций КНР занимает второе место в мире, уступая лишь США.

В 2017 г. список ранее закрытых для инвестиций секторов был сокращен со 166 до 63. В итоге на конец 2019 г. накопленный объем прямых иностранных инвестиций в КНР достиг 2,9 трлн долл., при этом основной объем инвестиций пришел через офшоры развитых стран. Общий накопленный размер прямых иностранных инвестиций китайских компаний за рубежом достиг 2,1 трлн долл., а подавляющая часть этих средств была инвестирована из Гонконга и за счет реинвестирования прибыли уже действующих за пределами КНР контролируемых Китаем компаний.

В настоящее время 70—75 % прямых инвестиций китайских компаний реализуется в США и в странах Евросоюза (в основном в Германии и Великобритании) [2].

С 2014 г. реализуется сопряжение Шанхайской и Гонконгской бирж, идет взаимное признание фондов материковой части и Гонконга; в 2016 г. реализуется сопряжение Шэньчжэньской и Гонконгской бирж по торговле ценными бумагами, а в середине 2019 г. начинаются перекрестные торги Шанхайской и Лондонской бирж, что способствовало созданию взаимосвязи финансовых рынков материкового Китая с глобальными финансовыми рынками мира.

Руководство КНР в настоящее время сокращает накопление валютных резервов, которые к 2018 г. составили 3,1 трлн долл.; создаются различные инвестиционные компании и фонды, финансируемые за счет валютных резервов страны, например такие, как «Китайская инвестиционная компания» (China Investment Corporation), «Фонд Шелкового пути» (Silk Road Fund), а также предоставляется широкая финансовая поддержка для китайских компаний в инициативе «идти за рубеж» — в скупке и поглощении компаний за рубежом в различных отраслях и странах мира.

Одним из основных внешних факторов, влияющих на отток капитала из КНР, является повышение ставки Федеральной резервной системы (ФРС) США и ожидания инвесторов относительно ее даль-

нейшего повышения в ближайшее время. Экономика США постепенно восстанавливается после пандемии, и это также может стать причиной дальнейшего повышения ставки ФРС. В течение 2022 г. прогнозируется четырехкратное повышение ставки ФРС, а значит рост курса доллара и понижение курса юаня [3].

Несмотря на присоединение КНР к ст. VIII МВФ по свободному обмену по текущим операциям, система контроля за ними в КНР ведется весьма строго. Все валютные переводы в стране жестко контролируются, и перевод средств даже по текущим счетам предшествует получению разрешения в органе валютного контроля КНР — Государственном управлении валютного контроля (ГУВК) КНР (State Administration of Foreign Exchange (SAFE) [4] — основном органе, осуществляющем функции валютного контроля и регулирования в стране.

Операции по счетам движения капитала в Китае, в отличие от текущих, контролируются ГУВК гораздо строже. Любой валютный перевод за рубеж с целью покупки ценных бумаг, инвестиций или получения валютных займов и кредитов предшествует получению разрешения в органе валютного контроля.

Открытие валютных счетов юридическими лицами в КНР возможно только после получения лицензии на проведение экспортно-импортных операций. Так же, как и в России, китайские компании обязаны подтверждать в банках целевое использование валютных средств.

В КНР реализуется дальнейшая либерализация как по текущим статьям, так и по статьям движения капитала, создаются зоны свободной торговли (ЗСТ) на своей территории, а также с различными странами и объединениями, например АСЕАН, где снимаются ограничения не только на трансграничные потоки по текущим операциям, но и на трансграничные потоки капитала. Система контроля трансграничных текущих валютных операций изменилась с предварительного утверждения на контроль после операции, с реализации конвертируемости по текущим счетам на постепенную открытость конвертируемости по счетам движения капитала.

Одним из основных последних документов ГУВК в сфере контроля трансграничных валютных операций за текущими статьями стало «Руководство по ведению валютных расчетов по текущим операциям», вступившее в силу в августе 2020 г. [5]

Данным постановлением отменяются ранее действовавшие 29 нормативных актов, принятых в период 2004—2017 гг. Новый документ ГУВК включает 189 статей, сгруппированных в девять глав.

В настоящее время основное внимание в разработке и реформировании системы контроля и регулирования трансграничных операций в КНР в основном отводится сфере трансграничных торговых операций через Интернет, работе небольших электронных платежных платформ.

Одним из последних нормативных документов в сфере текущих операций является опубликованные ГУВК в 2019 г. «Меры по управлению интернет-учреждениями, осуществляющими платежи по валютным операциям» [6]. Платежные интернет-платформы должны быть зарегистрированы в ГУВК и должны создать механизм проверки информации о транзакциях. Вместе с тем если годовой товарооборот интернет-магазина не превышает 200 тыс. долл., то регистрация в ГУВК не требуется. Платежная интернет-платформа в КНР отчитывается перед национальным банком по двум спискам трансграничных операций: в одном списке операции на сумму менее 500 долл., во втором — операции на сумму более 500 долл.

Другим важным нормативно-правовым актом ГУВК в сфере организации регулирования трансграничных операций в новых условиях развития интернет-торговли стало опубликованное в мае 2020 г. Уведомление ГУВК о поддержке развития новых торговых форматов [7]. ГУВК создана специальная Цифровая платформа онлайн управления иностранной валютой (Digital Foreign Exchange Management Platform, SONE, 国家外汇管理局数字外管平台) [8].

Данная платформа позволяет не только проверить информацию по трансграничным операциям компаний, но и подать заявку на зарубежное финансирование китайского предприятия, получить одобрение на иностранные инвестиции за рубежом и оформить ряд других документов, связанных с операциями в иностранной валюте. Эта платформа позволяет не только осуществлять расчеты, но и получать связанные с экспортом налоговые льготы.

Основное внимание в контрольной деятельности ГУВК было обращено на банковские учреждения страны, поскольку именно банки являются первичным звеном контроля незаконных трансграничных операций и при их попустительстве проходят сомнительные операции. В КНР спекулятивный капитал перетекает на рынок ценных бумаг и в недвижимость, поднимая цены на этих рынках в разы.

В стране существует китайская подпольная банковская система (Chinese Underground Banking System, CUBS), включающая в себя сложную сеть полулегальных валютных и криптовалютных сайтов, которые перемещают деньги из страны в страну, в обход традицион-

ной банковской системы [9]. Эксперты Goldman Sachs оценивают ежегодный отток капитала из Китая в размере 150—200 млрд долл. в год [10].

В Китае происходит перетекание «грязных» денег из провинций с сильным государственным контролем и управлением в регионы, где местные органы власти нуждаются в местных инвестициях и поэтому пассивны в противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). К тому же в условиях обостряющейся экономической конкуренции регионов, иногда местные власти рады притоку внешних инвестиционных средств и не проявляют большой озабоченности относительно их законности.

По данным Доклада НБК о противодействии отмывания денег в КНР в 2020 г. [11] отмечалось, что штрафование банков страны за ненадлежащие меры по ПОД/ФТ стало постоянной процедурой и вылилось в бесконечный поток штрафных санкций. Только в 2021 г. было выписано 1460 штрафов за нарушения в области ПОД/ФТ, что составляет 15,8 % от общего числа штрафных санкций к банкам, а их число увеличилось на 50 % по сравнению с 2020 г.

В 2020 г. в КНР была введена в эксплуатацию цифровая система мониторинга с элементами искусственного интеллекта и анализа борьбы с отмыванием денег второго поколения, развивалась национальная база данных по ПОД/ФТ.

Библиографический список

1. China's capital controls: here to stay? [Контроль за движением капитала в Китае: здесь надолго?]. URL: <https://www.centralbanking.com/central-banks/currency/7860946/chinas-capital-controls-here-to-stay> (дата обращения: 11.01.2022).
2. Китай в международном движении капитала. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-04/china-int-capital> (дата обращения: 11.01.2022).
3. ФРС весной поднимет ставку: что будет с курсом рубля и ценными бумагами. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/01/13/904727-fis-vesnoi> (дата обращения: 30.01.2022).
4. Сайт “State Administration of Foreign Exchange”. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/> (дата обращения: 21.09.2021).
5. Цзинчан сяню вайхуэй еу чжиин [Руководство по ведению валютных операций по текущим счетам» (2020 г.)]. URL: <http://www.safe.gov.cn/safe/file/file/20200831/f0127756271c43ef9b3908d5d157bd91.pdf?n=1> (дата обращения: 30.09.2021).
6. Чжифу цзигоу вайхуэй еу гуанли баньфа [Меры по управлению учреждениями, осуществляющих платежи по валютным операциям]. URL: <https://www.customslawyer.cn/index.php/portal/fgk/detail/id/66972.html> (дата обращения: 30.09.2021).

7. Гоцзя вайхуэй гуаньлицзюй гуаньюй чжичши маои синь етай фачжань дэ тунчжи [Уведомление Государственного валютного управления о поддержке развития новых торговых форматов]. URL: <http://www.safe.gov.cn/hunan/2020/0521/1389.html> (дата обращения: 30.09.2021).

8. Цифровая платформа онлайн управления иностранной валютой. URL: <http://zfwf.safe.gov.cn/asone/WelcomeServlet?code=90000&flag=false> (дата обращения: 05.10.2021).

9. Kinetz E., Goldenberg T., Estrin D., Satter R. AP Investigation: China launders cash of foreign criminals [Расследование AP: Китай отмывает деньги иностранных преступников] // AP. 2016. March, 28. URL: <https://apnews.com/c32fbf840d364b37b683caf942e2b037> (дата обращения: 12.12.2020).

10. Китай в международном движении капитала. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-04/china-int-capital> (дата обращения: 11.01.2022).

11. Фань сицянь сюй ваньшань кэху шибие, иньхан сюй цзяда фань сицянь тоужу [Борьба с отмыванием денег нуждается в улучшении идентификации клиентов, банкам необходимо увеличить инвестиции в борьбу с отмыванием денег]. URL: <http://finance.china.com.cn/money/bank/20220119/5731329.shtml> (дата обращения: 21.01.2022).

References

1. China's capital controls: here to stay? URL: <https://www.centralbanking.com/central-banks/currency/7860946/chinas-capital-controls-here-to-stay> (date of access: 11.01.2022).

2. Kitaj v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala [China in the international movement of capital]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-04/china-int-capital> (date of access: 11.01.2022).

3. FRS vesnoj podnimet stavku: chto budet s kursom rublya i cennymi bumagami [The Fed will raise the rate in the spring: what will happen to the ruble exchange rate and securities]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2022/01/13/904727-frs-vesnoi> (date of access: 30.01.2022).

4. State Administration of Foreign Exchange website. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/> (date of access: 21.09.2021).

5. Jingchang xiangmu waihui yewu zhiyin [Guidelines for conducting currency transactions on current accounts]. 2020. URL: <http://www.safe.gov.cn/safe/file/file/20200831/f0127756271c43ef9b3908d5d157bd91.pdf?n=1> (date of access: 30.09.2021).

6. Zhifu jigou waihui yewu guanli banfa [Measures for the management of institutions that make payments on foreign exchange transactions]. URL: <https://www.customs lawyer.cn/index.php/portal/fgk/detail/id/66972.html> (date of access: 30.09.2021).

7. Guojia waihui guanliju guanyu zhichi maoyi xin yetai fazhan de tongzhi [Notification of the State Monetary Authority on support for the development of new trade formats]. URL: <http://www.safe.gov.cn/hunan/2020/0521/1389.html> (date of access: 30.09.2021).

8. Digital Online Foreign Exchange Management Platform. URL: <http://zfwf.safe.gov.cn/asone/WelcomeServlet?code=90000&flag=false> (date of access: 05.10.2021).

9. Kinetz E., Goldenberg T., Estrin D., Satter R. AP Investigation: China launders cash of foreign criminals // AP. 2016. March, 28. URL: <https://apnews.com/c32fbf840d364b37b683caf942e2b037> (date of access: 12.12.2020).

10. Kitaj v mezhdunarodnom dvizhenii kapitala [China in the international movement of capital]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-04/china-int-capital> (date of access: 11.01.2022).

11. Fan xiqian xu wanshan kehu shibie, yinhang yao jiada fan xiqian touru [The fight against money laundering needs to improve customer identification, banks need to increase investments in the fight against money laundering]. URL: <http://finance.china.com.cn/money/bank/20220119/5731329.shtml> (date of access: 21.01.2022).

В.Я. Портяков

ИНДИЙСКИЙ ФОРУМ ПО КИТАЮ В ГОА

Аннотация. Последовательное развитие в Индии исследований китайской проблематики сделало её одной из ведущих китаеведческих держав в мире. В последние годы широкую международную известность приобрели крупные научные конференции, организуемые в Индии, в том числе ежегодные, — Всеиндийская конференция китайских исследований и Форум по Китаю в Гоа. В статье анализируются основные доклады и дискуссии 4-го форума в Гоа, состоявшегося в декабре 2021 г. На наш взгляд, материалы форума содержат немало представляющих интерес оценок исторических событий, внутренней и внешней политики КНР.

Работа форума была разделена на сессии. Первая сессия была озаглавлена «Национальное возрождение: поддерживая легитимность авторитаризма»; вторая была посвящена «соревнованию» великих держав; третья — культурным и интеллектуальным традициям; на четвертой сессии были проанализированы цели, на достижения которых сегодня ориентируется развитие Китая; пятая сессия была названа «Расшифровывая региональные амбиции Китая»; шестая сессия была посвящена проецированию силы в Индо-Пацифике; седьмая сессия была озаглавлена «КПК в год своего столетия». В заключительной сессии ряд участников выступили с итоговыми соображениями. Отметим, что в выявлении и анализе наиболее важных новых моментов в политике КНР российские ученые не отстают от своих зарубежных коллег: например, в исследовании растущей роли правящей компартии во внешней политике страны.

Ключевые слова: Индия, Китай, КПК, китайские исследования, Форум в Гоа, политика, экономика, реформы.

Автор: *Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. E-mail: p481nov@mail.ru

INDIAN FORUM ON CHINA IN GOA

Abstract. The consistent development of research on Chinese issues in India has made it one of the leading Sinological powers in the world. In recent years, major scientific conferences organized in India, including the annual All India Conference of Chinese Studies and the China Forum in Goa, have gained wide international fame. The article analyzes the main reports and discussions of the Fourth Goa Forum, held in December 2021. In our opinion, the materials of the Forum contain many interesting assessments of historical events, domestic and foreign policy of the People's Republic of China.

The forum worked by sessions. The first session of the forum was entitled “National Resurgence: Sustaining authoritarian legitimacy”; the second was devoted to the “competition” of the power-projection in the Indo-Pacific; third, cultural and intellectual traditions; at the fourth session, the goals were analyzed, towards the achievement of which China's developmental Aspirations; the fifth session was titled “Decoding China's regional ambitions”; the seventh session was entitled “CPC at 100”. In the closing session, a few participants made concluding remarks. It should be noted that in identifying and analyzing the most important new aspects in the policy of the PRC, Russian scientists do not lag their foreign colleagues — for example, in studying the growing role of the ruling Communist Party in the country's foreign policy.

Keywords: India, China, CPC, Chinese Studies, Goa Forum, politics, economics, reforms.

Author: *Portyakov Vladimir Ya.*, D.Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Email: p481nov@mail.ru

3-4 декабря 2021 г. в Гоа прошел 4-й Индийский форум по Китаю. Его организаторами выступили Институт китайских исследований (Дели) и немецкий Фонд Конрада Аденауэра при содействии Университета Гоа [1].

Главной темой 4-го форума стало «Столетие КПК и будущее Китая». Предыдущие три форума, проведенные в 2018—2020 гг., были посвящены, соответственно, анализу XIX съезда КПК, меняющимся драйверам китайской экономики и роли Китая в геополитике Азии. Поскольку в конференции в Гоа, ставшей традиционной, участвуют не только ведущие индийские китаеведы, но и политологи из Германии и ряда других стран, то ее можно считать одним из главных китаеведческих мероприятий, проводимых в Индии.

Значение форума было прямо отмечено во вступительной речи директора Института китайских исследований (Дели) Ашока Канты,

который заявил, что «уравнение с Китаем занимают центральное место в принятии геополитических и экономических решений в Индии». Ашок Канта полагает, что Китай сталкивается сегодня с многочисленными вызовами, поэтому, вероятно, у него есть лишь ограниченное окно возможностей для достижения амбициозных целей развития на 2035 и 2049 гг.

Второе лицо посольства Германии в КНР Стефан Граббер отметил, что изменения в политике ФРГ после прихода к власти нового правительства затронут и отношения с Китаем. Германия «будет сотрудничать с Пекином там, где это возможно, но одновременно и отступит назад там, где это необходимо». С. Граббер также затронул ответ Европы на инициативу «Пояс и Путь». Поначалу эта инициатива была встречена позитивно, но по мере ее развития и реализации она более не выглядит ни убедительной, ни открытой. Поэтому Европейский союз запустил в 2021 г. собственную программу углубления связанности региона, известную как план «Глобальные ворота» (Global Gateway). План не является прямым вызовом Китаю, но нацелен на поддержку инфраструктурного развития по всему миру.

Представитель Фонда Аденауэра в Индии Петер Риммель отметил значение форума, помогающего анализировать развитие по другую сторону «новой китайской стены» (как виртуальной, так и физической) в условиях, когда Китай становится все менее прозрачен в вопросах внутренней политики. По утверждению П. Риммеля, «мечты Си Цзиньпина могут быть кошмаром для многих других».

С ключевым докладом на форуме выступил профессор истории и политики современного Китая из Оксфордского университета Рана Миттер. Тема доклада — «Насколько нова новая эра Китая при Си Цзиньпине?». Спикер предложил оценивать уровень новизны в сегодняшнем Китае сквозь призму исторически уникальной для большой страны комбинации авторитаризма, консьюмеризма, глобализации и технологического развития. С этой точки зрения Китай-2021 не имеет прецедентов в истории. Однако, полагает Р. Миттер, «новая эра» в том виде, в каком ее сегодня рисует КПК, продлится недолго, прежде всего из-за грядущего сокращения населения Китая. Поэтому десятилетие 2020-х годов является ключевым для новой эры Китая в её сегодняшнем понимании. Вполне возможно, что она принесёт больше изменений Китаю и миру, чем «культурная революция» Мао Цзэдуна.

Первая сессия форума была озаглавлена «Национальное возрождение: поддерживая легитимность авторитаризма». Основными докладчика-

ми выступили бывший госсекретарь Индии по иностранным делам Шившанкар Менон, Гудрун Вакер из немецкого Института по вопросам безопасности и международных отношений, Джабин Джакоб из делийского университета Шив-Надар и корреспондент газеты «Хинду» по Китаю в Гонконге Анат Кришнан. Первые два спикера сосредоточились на вопросах легитимности власти КНР и источниках легитимности КПК. Остальные два докладчика осветили переход от внешней политики КНР к внешней политике КПК и взаимодействие компартии со средствами массовой информации.

Констатировалось, что любая форма правления нуждается в подтверждении своей законности. В Китае с императорских времён легитимность власти в значительной мере формировали такие факторы, как индивидуальная харизма правителя, его действия и наличие достаточной силы для переписывания истории, служащие инструментом узаконивания современной формы правления. КПК добилась беспрецедентного успеха в обеспечении лучшей жизни для народа, а люди в Китае видят в КПК лучшую альтернативу по сравнению с демократическими моделями Запада. Настрой Си Цзиньпина на достижение всеобщей зажиточности, в том числе путём сокращения разрыва между богатыми и бедными, выступает контрастом по сравнению с идеей Дэн Сяопина о первоочередном достижении зажиточности лишь частью населения. Этот подход реализуется, среди прочего, наложением жёстких ограничений на некоторые крупные фирмы и индустрию развлечений. Такая популистская практика вряд ли скоро исчерпает себя. Она сохранится надолго, выступая в качестве одного из источников легитимности КПК.

Как подчеркнули спикеры, главной причиной долгожительства китайской компартии является не марксизм сам по себе, а постоянная китаизация марксизма, непрерывные попытки адаптировать основные положения марксизма к специфическим реалиям Китая. Играть свою роль и такие факторы, как противостояние КПК управленческой модели западного капитализма и постоянное подчеркивание исключительности китайской цивилизации.

Вторая сессия была посвящена «соревнованию» великих держав. С докладами выступили профессор Рори Мадкалф из Австралийского национального университета в Канберре («Индо-Тихоокеанские амбиции Китая и что партнёры по QUAD могут сделать»), Ричард Макгрегор из Института Лоуи в Сиднее («Пакт безопасности между Австралией, США и Великобританией») и бывший посол Индии в Японии Дипа Водхва о китайско-японских отношениях. Р. Мадкалф

квалифицировал КНР как «небезопасную державу». Её тактика в Индо-Тихоокеанском регионе может быть двоякой: либо вытеснить США из Индо-Пацифики и занять их место, либо политически подкрепить шаги Пекина по усилению его экономических позиций в регионе.

Создание структуры AUCUS символизирует обязательства стран-участниц по отношению друг к другу на самом высоком уровне. Ключевым элементом выступает первая после 1958 г. передача США кому-либо технологии в виде атомных подводных лодок. Подплёшкой создания этого блока выступили действия Китая. По опросам, сегодня лишь 16 % австралийцев считают, что Китай ведёт себя в мире ответственно, а три года назад таких было 52 %. Так что с приближением третьего срока Си Цзиньпина «чувство настоятельности сдерживания Китая только углубляется».

Китайско-японские отношения за 50 лет после установления дипломатических отношений прошли путь от примирения к сотрудничеству, затем к конкуренции и к соперничеству и антагонизму. На всеобщих выборах 2021 г. ни одна политическая партия Японии не заняла примирительную позицию в отношении Китая. Новым раздражителем в этих отношениях стало потепление в отношениях Японии с Тайванем и вовлечение Токио в соревнование за геополитическое влияние в Индо-Пацифике. С помощью своей инициативы «Партнёрство за качественную инфраструктуру» Япония пытается выступить противовесом инициативе «Пояс и Путь». Однако одновременное экономическое сближение двух стран продолжается: Китай обошел США в качестве ведущего импортёра японских товаров.

Ведущим *третьей сессии — культурные и интеллектуальные традиции* — стал известный нидерландский китаевед Франк Пиеке.

Профессор Монреальского университета Дэвид Оунби представил доклад «Читая проект китайской мечты». Работа нацелена на сбор и перевод текстов китайских интеллектуалов.

По мнению Суджана Чиноя, директора Института оборонных исследований и анализа в Нью-Дели, современная геополитическая стратегия Китая напоминает ту, что существовала в эпохи Мин и Цин. В первую из них приоритетом была экспансия на море, а во вторую — на суше.

Многое в сегодняшней политике Китая определяется историей его национального унижения в прошлом. Однако в Китае «история есть то, что утверждает партия, и ошибки или вина (Китая. — *Прим. авт.*) не могут быть признаны, поскольку это привело бы к потере лица».

В докладе вице-председателя Института китайских исследований Хеманта Адлакхи «Сто лет траектории Коммунистической партии Китая» внимание привлек прежде всего его подзаголовок, построенный на идентичности англоязычного звучания фонем *si* и *xi*, — from “sinification of marxism” to “marxism xinified”, то есть от «китаизации марксизма к «осициньпиненному марксизму».

На четвертой сессии были проанализированы цели, на достижение которых сегодня ориентируется развитие Китая. В их числе: концепция «всеобщего процветания» Си Цзиньпина, политика «двойной циркуляции», ориентиры Китая на 2035 г.; перспективы превращения КНР в инновационную сверхдержаву.

Почетный сотрудник Института китайских исследований Рави Бхуталингам выделил пять драйверов инноваций: наличие талантов; наличие денег; общественная поддержка науки и технологического развития; должное управление наукой и инновациями; место Китая в глобальной циркуляции научных идей. Первые три наиболее многообещающи в Китае. Вместе с тем сессия акцентировала внимание на важности двух последних — управлении наукой и обмене идеями.

Пятая сессия была названа «Расшифровываем региональные амбиции Китая». Были рассмотрены: американо-китайское соперничество в Азии, отношения Китая с Юго-Восточной Азией, Афганистаном и Пакистаном, а также общий вопрос о растущей агрессивности внешней политики Китая.

Карло Масала из Университета Бундесвера в Мюнхене отметил, что для понимания причины обострения китайско-американского соперничества в последние годы необходимо знать историю отношений двух государств. По его мнению, администрация Клинтона попыталась вовлечь Китай в международную систему, опираясь на идею Дж. Ная о влиянии институтов на поведение, интересы и расчеты стран. В случае отказа Китая стать «ответственным пайщиком» международной системы США могли бы пустить в ход «план Б» — затормозить подъем Пекина в регионе. Сфокусированность администрации Дж. Буша-младшего на войне с террором подтолкнула Китай к ускорению выхода на позиции великой державы в Азии.

Провозглашенный Обамой перенос центра тяжести в Азию на деле не состоялся в том виде, в каком он задумывался. Администрация Трампа объявила Китай главным вызовом для США. Администрация Байдена предложила Китаю диалог о стратегической стабильности и сотрудничестве в борьбе с изменениями климата. Одновременно она пытается улучшить соотношение сил в регионе.

Ряд выступавших заявили, что при руководстве Си Цзиньпина Китай стал проводить агрессивную политику (в числе примеров названы и «эпизоды агрессии» на границе с Индией в нарушение, как утверждается, ряда прежних соглашений). При этом констатируется, что Си, хотя и в более рискованной манере, продолжил курс Ху Цзиньтао, при котором поведение КНР и обрело изначально более агрессивный тон (это, в частности, увязывается с испытаниями противоспутникового оружия).

Прозвучало предположение, что хотя выход Китая на позиции одного из крупнейших региональных и глобальных акторов не подлежит сомнению, однако не все амбиции ему удастся реализовать из-за серьезных внутренних противоречий.

Шестая сессия была посвящена проецированию силы в Индо-Пацифике. Было отмечено, что данный регион становится полем соперничества великих держав. Заслуживает внимания быстрая модернизация вооруженных сил Китая, возникновение группировок QUAD и AUKUS, рост военного бюджета Японии, растущий интерес европейских стран к Индо-Тихоокеанскому региону. Утверждалось, что в условиях повышения роли военной дипломатии в целях «проецирования силы» становится неизбежным установление Китаем альянсоподобных отношений на двусторонней, групповой и многосторонней основе.

Седьмая сессия была озаглавлена «КПК в год своего столетия» и прошла под председательством известного индийского китаевода Маноранджана Моханти. Профессор Артур Дин из Национального университета Чжэнчжи (Тайбэй) выступил с докладом по нарочито заостренной теме «КПК против Китая». Брюс Диксон из Школы международных отношений Эллиотта, Вашингтон, сделал презентацию о «Ленинистском возрождении Китая».

Бывший посол Индии в Китае Виджай Гокхале поделился размышлениями об эволюции КПК в период 1980—2020 гг. и о том, что она может означать для будущего. Франк Пиеке огласил доклад «Сверхдержавный Китай и КПК как глобальная сила».

Было высказано мнение, что история КПК не столь националистична, как это нередко считается. В первое десятилетие существования компартии она получала значительную помощь от Коммунистического интернационала и подчинялась руководству с его стороны. На современном этапе КПК предпринимает серьезные усилия по интеграции в частный сектор, который создает большинство рабочих мест, дает львиную долю налоговых доходов и роста экономики.

В 1999 г. лишь менее процента частных предприятий имели партийные ячейки, в 2012 г. эта доля выросла до 54 %, а в 2017 г. при Си Цзиньпине — до 73 %.

Было высказано предположение, что Резолюция по вопросам истории, принятая в ноябре 2021 г. 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва, связана с подвижками во власти внутри партии, как это имело место при принятии сходных резолюций в 1945 и 1981 гг.

Си Цзиньпин возглавил партию в опасное время, характеризовавшееся ослаблением идеологии, массовой коррупцией и фактическим отделением армии от партии. В определенном смысле у Си не было другого выбора, кроме как укрепить центральное руководство. Он переутвердил идеологию в качестве ключевого звена, восстановил контроль партии над армией и ввел новые правила для партийных кадров. Усилена роль КПК во внешней политике. Однако было бы неверным считать, будто КПК собирается сделать мир социалистическим или авторитарным. Рост «внешнего присутствия» КПК является ответом Китая на глобализацию и на соперничество великих держав.

В *заключительной сессии* ряд участников выступили с итоговыми соображениями.

Петер Риммель высказал предположение, что весьма вероятно формирование биполярного мира, и в этой ситуации сохранение Индией статуса неприсоединившейся державы может быть «не лучшим выбором».

Ритюша Мани Тивари из Университета Дели подчеркнула, что форум расширил международное видение Китая в стратегических вопросах, экономике, торговле, инвестициях, обороне и инновациях.

Директор Ашок Канта высказал мнение, что перемены в Китае, связанные с новой эрой Си Цзиньпина, еще не завершены. Высокая степень непрозрачности процессов в КНР затрудняет видение и прогнозирование его будущего. Еще предстоит понять, как политика «двойной циркуляции» скажется на экономическом росте в стране. Есть признаки сохраняющегося фракционного противостояния в КПК, но это настоящий «черный ящик». Пока неясно, продолжится ли в будущем агрессивный курс Пекина на международной арене или же он уже достиг своего пика.

Подводя *итоги*, можно отметить, что на очередном Индийском форуме по Китаю в Гоа был затронут широкий круг проблем развития КНР и ее позиционирования в мире.

Несмотря на некоторое преобладание негативизма в высказанных на форуме оценках, в целом они представляют существенный интерес

и служат полезным дополнением к оценкам российских китаеведов, в последние годы все чаще обходящих острые углы и чувствительные проблемы современного Китая.

Вместе с тем отрадно, что в выявлении и анализе наиболее важных новых моментов в политике КНР российские ученые не отстают от своих зарубежных коллег — например, в исследовании растущей роли правящей компартии во внешней политике страны.

Библиографический список

1. 4th India Forum on China. 100 years of CPC and China's Future. 3—4 December 2021, Goa. Institute of Chinese Studies, Report [4-й Индийский форум по Китаю. 100-летие КПК и будущее Китая. 3—4 декабря 2021, Гоа. Институт китайских исследований, отчет]. URL: <https://icsin.org/activity/show/4th-india-forum-on-china-go-cpc-at-100-and-chinas-future> (дата обращения: 11.05.2022) (на англ.).

References

1. 4th India Forum on China. 100 years of CPC and China's Future. 3—4 December 2021, Goa. Institute of Chinese Studies, Report. URL: <https://icsin.org/activity/show/4th-india-forum-on-china-go-cpc-at-100-and-chinas-future> (accessed: 11.05.2022) (in Eng.).

Цзян Цзюньцзин

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КНР ВО ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье рассматривается влияние на развитие внешней политики Китайской Народной Республики китайско-американских экономических отношений, обострившихся на фоне коронакризиса. Автор анализирует ситуацию до эпидемии и после и показывает, какие антикитайские действия США подтолкнули КНР к всеобъемлющему пересмотру форм двустороннего сотрудничества в экономической сфере и снижению взаимозависимости. С одной стороны, обострение отношений между двумя государствами повлекло изменение стиля китайской дипломатии по отношению к США на более жесткий. С другой стороны, стратегия «мягкой силы», медицинская помощь пострадавшим от коронавируса странам создали положительный имидж Китая на мировой арене.

Автор статьи указывает на расхождение действий правительств двух стран в решении важных мировых вопросов в критических условиях эпидемии. В связи с введением многими странами локдаунов и возникшим экономическим кризисом в международной торговле Китай вынужден был временно отложить реализацию программы «Один пояс, один путь», заменив ее на «Шелковый путь здоровья», в рамках которой осуществлялись поставки вакцин и медицинских изделий в развивающиеся страны. Продемонстрировав четкую организацию борьбы с пандемией, КНР достигла высоких результатов в сокращении смертности населения. Несмотря на это, США скептически назвали китайскую «медицинскую дипломатию» «масочной дипломатией», акцентируя якобы корыстные цели КНР.

Автор констатирует, что за время эпидемии китайско-американские экономические отношения намного ухудшились, однако COVID-19 стал одним из факторов обострения противостояния КНР и США по накопившимся противоречиям.

Ключевые слова: китайско-американские экономические отношения, торговые войны и ценности, санкции, внешняя политика КНР, эпидемия COVID-19, АСЕАН, политика администраций Трампа и Байдена.

Автор: Цзян Цзюньцзин, аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0003-3757-8925; E-mail: jiangjunjing@yandex.ru

THE IMPACT OF SINO-AMERICAN ECONOMIC RELATIONS ON CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE COVID-19 EPIDEMIC

Abstract. The article examines the impact of Sino-American economic relations, aggravated by the coronacrisis, on the development of the foreign policy of the People's Republic of China. The author analyzes the situation before and after the epidemic, shows which anti-Chinese actions of the United States prompted a comprehensive revision of the forms of bilateral cooperation in the economic sphere and a reduction in interdependence. On the part of America, such instruments of suppression as “trade wars”, accusations of the spread of the COVID-19 pandemic, tougher propaganda in the media, sanctions, and the transfer of production from China were used. On the part of China — the protection of national interests, information security, the strategy of the “community of one destiny” in the context of a pandemic, the search for ways to diversify supplies, changing logistics chains as a response to economic restrictive measures. On the one hand, the aggravation of relations between the two states led to a change in the style of Chinese diplomacy towards the United States to a tougher one. On the other hand, the “soft power” strategy, medical assistance to countries affected by coronavirus, have created a positive image of China on the world stage.

The author of the article points out the divergences of the actions of the governments of the countries in solving important world issues in the critical conditions of the epidemic. Due to the introduction of lockdowns by many countries and the emerging economic crisis in international trade, China was forced to temporarily postpone the implementation of the “One Belt, One Road” program, replacing it with the “Silk Road of Health”, under which vaccines and medical products were supplied to developing countries. Having demonstrated a clear organization of the fight against the pandemic, the PRC has achieved high results in reducing the mortality of the population. Despite this, the United States skeptically called the

Chinese “medical diplomacy” “mask diplomacy”, emphasizing the selfish goals of the PRC.

Thus, the author states that during the epidemic, Sino-American economic relations have deteriorated significantly, but COVID-19 has only become a trigger for the aggravation of the confrontation between China and the United States.

Keywords: Sino-American economic relations, trade wars and values, sanctions, China's foreign policy, COVID-19 epidemic, ASEAN, Trump and Biden administration policy.

Author: *Jiang Junjing*, Ph.D. student, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0003-3757-8925; E-mail: jiangjunjing@yandex.ru

В последние десятилетия США неоднозначно трактует внешнеполитическую деятельность КНР, связывая ее со стремлением Китая стать глобальным лидером в контексте изменения мирового порядка. В то же время сложившаяся китайская экономическая модель демонстрирует свою эффективность, страна постепенно переходит от заимствования технологий к собственным инновациям, что ставит Америку в невыгодное положение.

С тех пор как президент США Трамп начал торговую войну в 2018 г., введя торговые тарифы, сокращая объем импорта и экспорта Китая, китайско-американские экономические и торговые отношения сильно пострадали, а дипломатические отношения оказались в состоянии крайней напряженности.

Со стороны Америки использовались такие инструменты подавления, как «торговые войны», обвинение в распространении пандемии COVID-19, ужесточение пропаганды в СМИ, санкции, перенос производства из КНР. Со стороны Китая осуществлялась защита национальных интересов, информационная безопасность, стратегия «сообщества единой судьбы» в условиях пандемии, поиск путей диверсификации поставок, изменение логистических цепочек — как ответ на экономические ограничительные меры.

В 2020 г. наступил пик обострения двусторонних отношений. Администрация Трампа в ходе предвыборной кампании оклеветала Китай в злонамеренном распространении вируса. В этом контексте китайско-американские экономические и торговые отношения еще больше ухудшились, произошло расширение санкций и распространение ограничений в различных сферах, таких как мобильные коммуникационные системы, строительство и администрирование. Накануне выборов республиканцы разработали документ «Укрепление

Америки и противодействие глобальным угрозам», где ясно было указано на Китай как наиболее агрессивного противника США. Ответным действием КНР явилось заявление китайского дипломата Ян Цзечи на встрече в Анкоридже о «недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и монополизации действий в международных отношениях» [1].

К моменту вступления Байдена в должность президента многие решения Трампа были отклонены, но санкции против Китая, особенно в торговой сфере, сохранились. Политика администрации Байдена в отношении Китая трансформировалась от триады «сотрудничество, конкуренция, конфронтация» к «строительству забора» и «ответственной конкуренции» [2]. Так, госсекретарь Э. Блинкен ратует за «строгое соблюдение КНР международных правил торговли» [3]. А ключевые фигуры США — советник президента по национальной безопасности Дж. Салливан и эксперт по американо-китайским проблемам К. Кэмпбелл — считают, что «в отношениях с Китаем нельзя использовать модель “холодной войны”, недопустима конфронтация ради конфронтации» [4].

В это время сторонам проще было игнорировать аспект сотрудничества, чем строить отношения, основанные на конкуренции, хотя правительство КНР всячески подчеркивало готовность к взаимодействию. В марте 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин на экстренном саммите лидеров G20 призвал международное сообщество «активизировать свои действия для решительной борьбы с глобальной вспышкой коронавируса, который не пощадил ни одну страну» [5]. Помощь Китая другим странам в поставке медицинской техники, вакцин и других товаров представила государство в выгодном свете. Правительство Д. Трампа, напротив, приостановило выплаты ВОЗ, сократило финансирование международных проектов в области здравоохранения и ввело запрет на использование китайского медицинского оборудования наряду с запретом на использование технологий 5G.

Выступая в Китайско-американском исследовательском центре 3 декабря 2020 г., посол КНР в Соединённых Штатах Цуй Тянькай отметил, что «без здоровых и стабильных китайско-американских отношений постковидный мир не будет стабильным» [6]. В 2021 г. посол подчеркнул, что «у Китая нет ни желания, ни интереса вести какую-то “дипломатическую войну” с США, так как она приведет лишь к большему вреду интересам народов двух стран. Тем более развязывание “дипломатической войны” никак не подтверждает могущество

самых США, а только показывает, насколько им не хватает уверенности в себе» [7].

Американское правительство также позволило себе официально в СМИ обвинить КНР в несанкционированном использовании информации из компьютерных сетей США, в несправедливой инвестиционной политике, в так называемых киберкражах и «экономическом шпионаже», заимствовании интеллектуальной собственности и высокотехнологических активов. Сославшись на угрозу национальной безопасности, Вашингтон ввел запрет на использование продукции китайских телекоммуникационных компаний (ZTE, Huawei и др.), ужесточил каналы выхода китайских компаний на биржу и финансирование в США, а также ограничил китайские инвестиции, что сорвало ряд сделок. В связи с этим Китай как мировая фабрика производства потребительских товаров стала переориентировать свой экспорт на внутренние продажи или страны Азии для обеспечения экономической стабильности. Следует отметить, что еще до пандемии КНР инициировала постепенную трансформацию модели развития с внешнего спроса на внутренний, закрепив это в пятилетнем плане экономического развития Китая в октябре 2020 г. В его основе лежит концепция «двойной циркуляции», то есть «развитие за счет внутренних источников роста («внутренняя циркуляция») при сохранении важной роли международного сотрудничества («внешняя циркуляция»)). Основное внимание в пятилетнем плане уделяется качественному росту. Главным направлением пятилетнего плана является качественный скачок вперед, углубление реформ и открытости, инновации, расширение внутреннего рынка, совершенствование технологий, возрождение сельской местности и оптимизация урбанизации, нивелирование внутрирегиональных различий, улучшение экологии и повышение благосостояния народа [8].

Китай использует свою внешнюю политику, чтобы продемонстрировать поведение великой державы и поддержать многосторонние связи. Так, подписание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) в ноябре 2020 г., поддержка Китаем Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), стран БРИКС — свидетельствуют о готовности Китая к сотрудничеству.

Успешность правительственных мер по борьбе с эпидемией обусловила укрепление экономических позиций КНР по итогам 2020 г. На фоне ослабления позиций ведущих мировых экономик во время локдауна, в том числе США, Китай увеличил экспорт и обусловил «значительное увеличение положительного сальдо баланса внешней

торговли, которое превысило 0,5 трлн долл., относительно 2019 г. прибавив 27 %. Также КНР сохранила инвестиционную привлекательность и положительный приток ПИИ, который вырос на 6 %, а сокращение китайских инвестиций за рубеж стало минимальным, наряду с США, среди крупных экономик (3 %)». [9, с. 179, 183]. Китай оказался единственным государством, которое увеличило ВВП, несмотря на мировой экономический кризис. Опережение КНР по всем экономическим показателям не оставило равнодушными США.

Пандемия COVID-19 на первый взгляд кажется причиной экономического конфликта между странами, однако она лишь фактор обострения накопившихся противоречий: в Южно-Китайском море, на Тайвани, в Гонконге и др. Несомненно то, что эпидемия спровоцировала серьезную рецессию в мировой экономике, вызвав нарушение импорта и экспорта, безработицу. Объективно эпидемия нарушила также ритм экономической политики США. Однако ухудшение китайско-американских отношений не связано с возникновением COVID-19, а является следствием изжившей себя модели и продолжением процесса неизбежного разъединения отраслей экономики КНР. Пандемия, как и другие факторы, лишь поспособствовала ускорению экономического противостояния в инновационных и технологических отраслях.

Многие эксперты считают, что китайско-американские экономические отношения можно расценивать как «созависимые». «Для Китая технологическая сторона сотрудничества является одной из наиболее важных. США для него — ключевой источник передовых технологий и высокотехнологичного импорта. Китай же является ключевым кредитором США и крупнейшим в мире держателем доллара в золотовалютных резервах» [10]. С. Луконин отметил, что «борьба США и КНР осложняется глубокой взаимозависимостью двух экономик, из-за чего Вашингтон не может ударить по сопернику, не нанеся вреда себе... Столкновение двух крупнейших экономик может оказать серьезное влияние на ситуацию в мире. Это может привести к полному изменению финансовой системы, созданию принципиально иных финансово-денежных взаимоотношений, новых альянсов» [11].

Другие, напротив, расценивают китайско-американские экономические отношения как «обременение» [12]. Например, промышленное производство США, располагающее производственными мощностями в Китае, сократилось. Однако американские компании не готовы релокализоваться. Это поставило экономику США перед назревшей необходимостью модернизации собственной модели.

Таким образом, пандемия продемонстрировала слабые места американо-китайских экономических отношений. За время эпидемии Китай продемонстрировал лучшие показатели по сравнению с США и другими странами, что значительно усилило его позиции в мировой экономике. Чтобы предотвратить мировую рецессию, внешняя политика Китая направлена на международное сотрудничество в борьбе с эпидемией, расширение открытости и взаимовыгодного сотрудничества, оказание поддержки в стабилизации международной обстановки, а также защиту национальных интересов Китая и развивающихся стран. Председатель Си Цзиньпин как глава государства осуществляет глубокую дипломатию крупной страны с глобальным видением и мировой ответственностью. В том числе инновационные методы «облачной дипломатии», встречи и диалоги с зарубежными лидерами и главами международных организаций, посещение важных дипломатических мероприятий. Китай имеет самое большое количество миротворцев в ООН, оказывает помощь для решения вопросов стран третьего мира, обеспечивает безопасность собственного народа и отправляет материалы во время российско-украинской войны и т. д. В то же время Соединенные Штаты законодательно закрепляют санкции против Китая, хотя, по сути, должны бороться с проблемами избыточного потребления и низким уровнем государственных сбережений, чтобы снизить свою зависимость от притока финансов из Китая. Дальнейшее противостояние китайско-американских экономических отношений в целом может негативно отразиться на развитии мировой экономики.

Эпидемия не пощадила ни одну страну и ни одно поле в мире. Это исторический вызов национальному развитию Китая и США. Поэтому людям во всем мире необходимо объединяться, особенно в условиях современного высокого уровня глобализации.

Библиографический список

1. Secretary Antony J. Blinken, National Security Advisor Jake Sullivan, Director Yang and State Councilor Wang Remarks at the Top of Their Meeting // US Department of State. 18.03.2021 [Выступление госсекретаря Энтони Дж. Блинкена, советника по национальной безопасности Джейка Салливана, директора Ян и члена Государственного совета Ван в начале их встречи // Государственный департамент США]. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-national-security-advisor-jake-sullivan-chinese-director-of-the-office-of-the-central-commission-for-foreign-affairs-yang-jiechi-and-chinese-state-councilor-wang-yi-at-th> (accessed: 28.03.2022).

2. Карнеев А.Н., Пятачкова А.С. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии // Сравнительная политика. 2020. № 4. С. 135—147.
3. Чэнь Чжэн. Байдэн бэйхоу-дэ шэньми Чжунго чжинантуань [Тайная китайская команда за спиной Байдена] // Ван'и. 10.11.2020. URL: <https://dy.163.com/article/FR1V4Q3L0516JCVA.html> (accessed: 28.03.2022) (на кит. яз.).
4. Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения в 2021 г.: сложная преемственность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-amerikanskie-otnosheniya-v-2021-g-slozhnayaa-preneemstvennost> (дата доступа: 28.03.2022).
5. Си Цзиньпин. Вступаем в борьбу с эпидемией и вместе преодолеваем трудности // Официальный сайт Министерства торговли Китайской Народной Республики // URL: <https://www.mofcom.gov.cn> (дата доступа: 28.03.2022).
6. Цуй Тянькай. Мэйю цзянькан вэньдин-дэ Чжун-мэй гуаньси «хоу-ицин шице» бу хуэй вэньдин (Без здоровых и стабильных китайско-американских отношений постковидный мир не будет стабильным) // Госсовет КНР. 04.12.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/04/content_5567015.htm (accessed: 28.03.2022) (на кит. яз.).
7. Посол Китая в Соединённых Штатах // REGNUM. 2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3171365.html> (дата доступа: 28.03.2022).
8. Шисиву фачжан хуаньцзинь хэ чуяо жэнву ци дхао (Среда развития, направления и основные задачи 14-й пятилетки до 2035 г.) // Агентство Синьхуа, 05.03.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021lh/2021-03/05/c_1127172897.htm (дата доступа: 28.03.2022).
9. Додонов В.Ю. Пандемия COVID-19 как фактор усиления роли Китая в мировой экономике // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1 (70). С. 170—190.
10. Роуч С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2019. 515 с.
11. Лесных А. Нелюбовный треугольник: что ждет Китай и Россию при Байдене // ГазетаРy. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/05/13348249.shtml> (дата доступа: 28.03.2022).
12. Зайцев А.А., Пятачкова А.С. Кризис COVID-19 как катализатор разрыва экономик США и Китая // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. URL: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=447 (дата доступа: 28.03.2022).

References

1. Secretary Antony J. Blinken, National Security Advisor Jake Sullivan, Director Yang and State Councilor Wang Remarks at the Top of Their Meeting // US Department of State. 18.03.2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-national-security-advisor-jake-sullivan-chinese-director-of-the-office-of-the-central-commission-for-foreign-affairs-yang-jiechi-and-chinese-state-councilor-wang-yi-at-th> (accessed: 28.03.2022) (In Eng.).

2. Karneev A.N., Pyatachkova A.S. Analiz diskussij vnutri kitajskogo obshchestva o polozhenii Kitaya v mire na fone obostreniya otnoshenij s SSHA v period pandemii [Karneev A.N., Pyatachkova A.S. Analysis of discussions within Chinese society about China's position in the world against the backdrop of aggravated relations with the United States during the pandemic] // *Comparative Politics*. 2020. № 4. P. 135—147. (In Russ.).
3. Chen Zheng. Baideng beihou de shenmi Zhongguo zhinangtuan [Secret Chinese team behind Biden's back] // *Wan'i*. 10.11.2020. URL: <https://dy.163.com/article/FR1V4Q3L0516JCVA.html> (accessed: 28.03.2022) (In Chin.).
4. Timofeev O.A. Kitajsko-amerikanske otnosheniya v 2021 g.: slozhnaya preemstvennost' [Sino-US Relations in 2021: A Complicated Continuity]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitajsko-amerikanske-otnosheniya-v-2021-g-slozhnaya-pee-mstvennost> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
5. Xi Jinping. Vstupajem v bor'bu s epidemiej i vmeste preodolevaem trudnosti [Joining the fight against the epidemic and overcoming difficulties together] // Official website of the Ministry of Commerce of the People's Republic of China // URL: <https://www.mofcom.gov.cn> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
6. Cui Tiankai. Meiyou jiankang wending de ZhongMei guanxi "hou yiqing shijie" buhui wending [Without healthy and stable Sino-American relations, the post-COVID world will not be stable] // State Council of the PRC. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/04/content_5567015.htm (accessed: 28.03.2022) (In Chin.).
7. Posol Kitaya v Soedinyonnyh SHtatah [Chinese Ambassador to the United States] // REGNUM. 2021. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3171365.html> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
8. "Shisiwu" guihoa he 2035yuanjing mubiao de fazhan huanjing, zhidao fangzhen he zhuyao mubiao [The Development Environment, Guidelines and Main Objectives of the 14th Five-Year Plan and the 2035 Vision] // *Xinhua*. 05.03.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021h/2021-03/05/c_1127172897.htm (accessed: 28.03.2022). (In Chin.).
9. Dodonov V.Yu. Pandemiya COVID-19 kak faktor usileniya roli Kitaya v mirovoj ekonomike [The COVID-19 pandemic as a factor in strengthening the role of China in the global economy] // *Problems of National Strategy*. 2022. No. 1 (70). Pp. 170—190. (In Russ.).
10. Rouch S. Nesbalansirovannye. Sozavisimost' Ameriki i Kitaya [Unbalanced. The Codependency of America and China]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2019. 515 p. (In Russ.).
11. Lesnykh A. Nelyubovnyj treugol'nik: chto zhdet Kitaj i Rossiyu pri Bajdene [Unloving triangle: what awaits China and Russia under Biden]. // *GazetaRu*. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/05/13348249.shtml> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
12. Zaitsev A.A., Pyatachkova A.S. Krizis COVID-19 kak katalizator razryva ekonomik SSHA i Kitaya [COVID-19 crisis as a catalyst for the gap between the economies of the USA and China] // Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS. URL: https://www.afjournal.ru/index.php?page_id=447 (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).

В.С. Морозова, Т.В. Колпакова

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИТАЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ» В ПРОЕКЦИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Современный этап мирового культурно-цивилизационного развития характеризуется проблемой культурного превосходства отдельных участников международных отношений, под которым скрывается попытка создания однополярного мира, в связи с чем особую актуальность приобретает вопрос об обновлении существующего сегодня механизма глобального управления с учетом культурного фактора. Поэтому вполне справедливо термины «глобальное управление» и «культурная глобализация» поместить в рамки одной смысловой дихотомии. Авторы данной статьи исследуют феномен культурного измерения современных процессов глобального управления, который по большей мере остается вне поля научных исследований. Теоретическая часть работы содержит анализ нарративного контекста предлагаемого КНР Сообщества единой судьбы человечества как возможного варианта обновления системы глобального управления на основе потенциала традиционных ценностей китайской культуры, а также сравнение западной и китайской теорий международных отношений. При этом отмечается, что этический характер последней является явным преимуществом. Авторы делают акцент на анализе аутентичных материалов китайских исследователей, сопоставляя их с официальной риторикой руководства Китая. Практическая часть работы содержит результаты контент-анализа официальных выступлений председателя КНР Си Цзиньпина; именно в этом контексте анализируется ценностный потенциал традиционной культуры Китая как могущественной культурной державы и его роль

как антагониста культурной глобализации. Содержательный анализ конкретных кейсов по исследуемой проблематике уточняет суть Сообщества единой судьбы как теоретической инновации, позволяет показать действия Китая по его разъяснению в международном политическом дискурсе, раскрывает его детальное культурфилософское наполнение, дальнейшие перспективы развития в контексте обновленной системы глобального управления, разъясняет позицию западных стран относительно данной китайской инициативы, а также уточняет роль Российской Федерации как стратегического партнера КНР в этом направлении.

Ключевые слова: международное сотрудничество, культурно-цивилизационный кризис, культурная глобализация, глобальное управление, внешняя политика Китая, Сообщество единой судьбы человечества.

Авторы: *Морозова Валентина Сергеевна*, доктор философских наук, доцент, приглашенный преподаватель департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0001-9928-4530; E-mail: vmorozova@hse.ru

Колпакова Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита). E-mail: tatakvt@mail.ru

THE CULTURAL DIMENSION OF “COMMUNITY OF SHARED FUTURE” CHINESE CONCEPT IN PROJECTIONS OF GLOBAL GOVERNANCE

Abstract. The current stage of world cultural and civilizational development is characterized by the problem of cultural superiority, that is somewhat an attempt to create a unipolar world and that is why in this context the mechanisms of global governance require renewal. Therefore, it is quite fair to place the terms “global governance” and “cultural globalization” in the framework of one semantic dichotomy. Authors examine the phenomenon of modern global governance processes cultural dimension, which for the most part remains outside the field of scientific research. The theoretical part of the work contains an analysis of the Community of Shared Future for Mankind narrative context as a possible option for updating the global governance system based on the Chinese culture traditional values potential, as well as a comparison of Western and Chinese theories of international relations. At the same time, it is noted that the ethical nature of the latter is a clear advantage. Authors focus on the Chinese researchers' authentic materials analysis, comparing them with the official rhetoric of the Chinese leadership. The practical part of the work contains the results

of President of the People's Republic of China Xi Jinping's official speeches content analysis and, in this context, we discuss the value potential of China's traditional culture as a powerful cultural state and its role as an opponent of cultural globalization. A comprehensive analysis of specific cases on the research issue clarifies the essence of the Community of Shared Future for Mankind as a theoretical innovation, allows us to show China's activities to explain it in international political discourse, reveals its detailed cultural and philosophical content, further development prospects in the context of global governance system new framework, and also clarifies Russia's role as a strategic partner of China in this direction.

Keywords: international cooperation, cultural and civilizational crisis, cultural globalization, global governance, China's foreign policy, Community of Shared Future for Mankind.

Authors: *Morozova Valentina S.*, D.Sc. (Philosophy), Associate Professor, visiting lecturer (Department of Asian and African studies), HSE University (Saint Petersburg), ORCID 0000-0001-9928-4530;

E-mail: vmorozova@hse.ru

Kolpakova Tatiana V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor (Oriental and North American Regional Studies Department), Transbaikal State University (Chita). E-mail: tataktv@mail.ru

Одной из базовых характеристик современного мира является взаимозависимость всех участников международного процесса перед лицом постоянно усиливающихся глобальных вызовов и угроз, преодоление которых требует совместных скоординированных шагов, а также актуализирует проблему поиска эффективной модели глобального управления. «Сообщество единой судьбы» — относительно новое понятие, однако все чаще используемое в китайском политическом дискурсе. Оно было актуализировано в ходе международного форума «Один пояс, один путь» (14—15 мая 2017 г.), когда председатель КНР Си Цзиньпин перед лидерами 29 стран заявил о приверженности Китая этой инициативе развития, а также о том, что конечной целью проекта «Один пояс, один путь» должно стать создание «Сообщества единой судьбы», охватывающее пять ключевых аспектов (политическое партнерство, безопасность, экономическое развитие, культурные обмены, защита окружающей среды) и объединяющее людей, связанных общими интересами и ценностями.

Отдельно отметим, что отношение к данной концепции со стороны ряда участников международных отношений весьма неоднозначно ввиду, в том числе, акцента на ее экономической составляющей, что все чаще становится предметом академических исследований [1, с. 196]. В настоящее время большинство идентифицирует Сообщест-

во единой судьбы¹ как очередное намерение Китая объединить страны и культуры общей целью, однако мало кто понимает ее суть и механизм потому, что барьером становится восприятие аутентичного варианта. В СМИ, официальном дискурсе, научной практике присутствуют разные формулировки². Данная статья направлена прежде всего на уточнение возможности использования потенциала традиционной культуры Китая и инкорпорирования ее цивилизационных ресурсов в современные процессы глобального управления.

Очевидно, что недоучет культурного фактора в системе глобального управления сегодня в значительной степени обостряет цивилизационный кризис. Культурная глобализация становится не только проблемой мирового культурно-цивилизационного развития, но и механизмом выстраивания новой системы международных отношений, поэтому термины «глобальное управление» и «культурная глобализация» последнее время находятся в одной смысловой дихотомии. Юваль Ной Харари в книге «Sapiens. Краткая история человечества» утверждает, что невозможно полностью очистить культуру от империализма [2], а китайские исследователи, говоря о сути культурной глобализации, объясняют ее термином *多样中的一体化* «единство в многообразии» [3, с. 185]. Встречается и трактовка Сообщества единой судьбы как *будущего мирового порядка* [4, с. 457] в контексте современного философского переосмысления концепта *天下* «Поднебесная». Современное переосмысление заключается в том, что очевиден отказ ряда стран функционировать под управлением культуры Конфуция, и здесь на помощь Китаю должна прийти категория традиционной философии *和而不同* «гармония в разнообразии (находиться в согласии, имея разные взгляды)», которая объясняет суть Сообщества не с позиций глобального управления, но в контексте цивилизационного диалога. Данная концепция также отражает новое понимание Китаем социокультурных основ международного права. Так, он интегрирует основы своей традиционной культуры в контекст глобального

¹ 人类命运共同体 (*rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ*) — «Сообщество единой судьбы» как современный принцип дипломатии Китая в 2018 г. был закреплён в преамбуле к Конституции КНР. Официально объявлено, что Сообщество единой судьбы — это своего рода ценность, это мудрость Китая в понимании мировых тенденций и в целом — развития судьбы всего человечества. Однако в то же время подчеркивается, что Китай не стремится к глобальной гегемонии, его цель — показать, что будущее каждой нации тесно взаимосвязано, что необходимо стремление к строительству гармоничной семьи на планете.

² До сих пор нет устоявшегося англоязычного наименования данного словосочетания. Наиболее часто встречаются три варианта: a community of common destiny; a community of shared destiny; a community of shared future.

управления, подчеркивая, что термин «сообщество» отражает такие социокультурные характеристики, как идентичность и культурные нормы — все то, что формирует духовное измерение человечества [5, с. 186].

Интересным в контексте данной статьи представляется анализ текста официального доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, поскольку это один из первых официальных документов, закрепляющих Сообщество единой судьбы в официальной политической риторике. На 15 страницах иероглифического текста *Сообщество единой судьбы Rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ 人类命运共同体* упоминается шесть раз, в том числе в контексте глобального управления — *倡导构建人类命运共同体, 促进全球治理体系变革 «пропагандировать построение Сообщества единой судьбы, продвигать реформу системы глобального управления»*, а также в контексте мирного развития — *坚持和平发展道路, 推动构建人类命运共同体 «придерживаться пути мирного развития, содействовать построению Сообщества единой судьбы»*. Во всех случаях Сообщество упоминается как одно из главных нововведений Си Цзиньпина в контексте международных отношений. Ключевыми компонентами Сообщества, исходя из текста доклада, становятся *持久和平 «прочный мир», 普遍安全 «всеобщая безопасность», 共同繁荣 «совместное процветание», 开放包容 «открытость и толерантность», 清洁美丽的世界 «чистый и прекрасный мир»*. Здесь же говорится о необходимости совместной работы по преодолению цивилизационных барьеров.

В одном из последних своих выступлений на мировом экономическом форуме в Давосе (25 января 2021 г.) Си Цзиньпин снова акцентирует внимание на концепции Сообщества. Продолжая риторику 2017 г., он использует контекстный фон традиционной категории китайской культуры *和平 «мир» (和平共处 «мирное сосуществование»)*. В докладе также используется фраза, ставшая уже своеобразным клише в речах лидера КНР — «готовы со всеми партнерами вместе развивать чистый и прекрасный мир (*清洁美丽的世界*) ... всеобщую безопасность (*普遍安全*), совместное процветание (*共同繁荣*), открытость и толерантность (*开放包容*)».

Очевидно, что сегодня уже достаточно четко вырисовывается философский контекст Сообщества единой судьбы, в который прочно интегрированы ценностные категории традиционной китайской культуры. Анализ официальной риторики Си Цзиньпина позволяет определить его количественное выражение:

1. В ходе официального доклада председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (2017) термин *人类命运共同体* «Сообщество единой

судьбы человечества» прозвучал *itsm* раз, из которых дважды он был детально объяснен. Количество упоминаний категорий традиционной китайской культуры распределилось следующим образом: *和平* «мир» — 25, *安全* «безопасность» — 55 (!), *繁荣* «процветание» — 15, *共同* «совместный» (единство) — 38 (!), *开放* «открытость» — 23 (!);

2. Онлайн-выступление председателя КНР Си Цзиньпина на мировом экономическом форуме в Давосе (2021) три раза акцентировало внимание на *人类命运共同体* «Сообществе единой судьбы человечества», причем упоминание категорий традиционной китайской культуры в этом контексте выглядит следующим образом: *和平* «мир» — шесть раз, *安全* «безопасность» — пять, *繁荣* «процветание» — пять, *共同* «совместный» (единство) — пять, *开放* «открытость» — 11 (!) раз.

Очевидно, что трем категориям традиционной китайской культуры — *安全* «безопасность», *共同* «совместный» (единство) и *开放* «открытость», исходя из количества их упоминаний в контексте построения Сообщества единой судьбы, уделено особое место. Полагаем, что это связано с тем, что первые два ориентированы на вектор построения Сообщества (объяснение его цели), а третье — на характер действий самого Китая в системе глобального управления, который стремится быть открытым.

Анализ официальной риторики кажется незавершенным без упоминания статьи Си Цзиньпина, вышедшей в журнале ”求是” (Qishi)¹ 1 января 2021 г. Статья под названием «Совместное создание Сообщества единой судьбы человечества», где мы вновь видим термин *共同* «совместный», о котором шла речь выше, представляет собой едва ли не первое официальное заявление, полностью посвященное идее построения Сообщества единой судьбы. Вновь уделяется внимание категориям *开放包容* «открытость и толерантность», *持久和平* «прочный мир» в контексте построения Сообщества единой судьбы человечества при взаимовыгодном сотрудничестве с другими странами. Можно резюмировать, что хотя сама формулировка Сообщества остается открытой, вместе с тем она наполняется традиционными категориями китайской культуры, что находит свое отражение во внешнеполитическом курсе современного Китая, его намерении реализовать свои цели с учетом целей и задач других стран.

¹ Qishi — официальный ведущий теоретический журнал КПК, издающийся под контролем Центральной партийной школы и Центрального комитета КПК. Выходит два раза в месяц, штаб-квартира расположена в Пекине. Издание направлено на освещение и популяризацию философии деятельности КПК.

Далее приведем содержательный анализ основных мероприятий, организованных Китаем с целью обсуждения идеи Сообщества в академических и политических кругах, за последние три года.

Второй Всемирный культурный форум «Мировое культурное разнообразие и социалистическая культура с китайской спецификой» состоялся 16 октября 2017 г. на базе Китайской академии общественных наук. Около 200 ученых из более чем 10 стран обменялись идеями о проблемах культуры, с которыми сталкивается Китай и мир сегодня. Одной из таковых была названа проблема культурного империализма, решением которой становится поддержание культурного разнообразия. Сегодня логичным продолжением становится построение Сообщества единой судьбы человечества, которое интегрирует в себе принципы международной интеграции, потенциал исторического развития и ценность культурного релятивизма, придавая Сообществу качество всеобщей цели.

Наряду с академическими мероприятиями, с 2014 г. Китай инициирует встречи с представителями политических партий всего мира, которые проходят в формате мероприятия «Диалог КПК с миром». В форуме 2017 г. приняли участие свыше 300 представителей из более чем 120 стран, а слоганом мероприятия стал «Ответственность всех партий за создание Сообщества единой судьбы». Кроме акцента на вкладе КПК в мир во всем мире, Диалог объединил еще несколько направлений, среди которых наиболее важным стал призыв Си Цзиньпина совместно построить Сообщество единой судьбы при совместном участии в еще одной китайской инициативе «Один пояс, один путь».

Следующей важной инициативой Китая в рамках продвижения Сообщества единой судьбы становится проведение с 2019 г. международной научно-практической конференции «Диалог азиатских цивилизаций», которая стала площадкой для более чем сотни мероприятий по презентации уникальных культур Азии. В мае 2019 г. она собрала 1352 участника из почти всех стран Азии. Основная цель конференции — показать важность межкультурного диалога в противостоянии культурной глобализации. Ставя акцент на Сообществе единой судьбы, конференция отразила этот момент практически в каждом выступлении и закрепила его Пекинским консенсусом по результатам работы.

29 ноября 2019 г. в Пекине на базе Университета коммуникаций состоялась официальная церемония открытия *научно-исследовательского института Сообщества единой судьбы*. По сообщениям государ-

ственных СМИ, этот институт — первый в мире, работающий над исследованиями в контексте построения Сообщества. Его директором стал Ли Хуайлян, автор первой в истории Китая монографии, посвященной международным культурным обменам и культурной конкуренции. Основная цель возглавляемого им института — продвижение идеи культурного релятивизма как уникальной системы ценностей, присущей каждой отдельной культуре, что является своеобразной доктриной невмешательства, переведенной в сферу науки и культуры.

К числу сторонников идеи Сообщества относится и Россия, поддержка которой имеет большое значение для Пекина. В Совместном заявлении РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии (4 февраля 2022 г.) российская сторона отмечает позитивное значение концепции китайской стороны о построении «сообщества единой судьбы человечества» для укрепления солидарности мирового сообщества и объединения усилий в реагировании на общие вызовы. Более обстоятельно взаимодействие России и Китая в рамках Сообщества единой судьбы человечества представлено в статье китайского дипломата, чрезвычайного и полномочного посла Китая в России (2009—2019 гг.) Ли Хуэя. Отдельная часть статьи посвящена роли Китая и России в формировании Сообщества единой судьбы. Ли Хуэй отмечает, что за время руководства Си Цзиньпина Россия стала страной-рекордсменом по визитам главы Китая (30 официальных встреч глав государств). Китай считает Россию важным партнером в деле построения Сообщества единой судьбы, одним из оснований этого стали содержательные гуманитарные обмены между странами, а также схожие позиции на мировой арене (укрепление мира, стабильности и развития). Ли Хуэй также подчеркивает, что Китай способен участвовать в процессах глобального управления наравне с другими участниками международных отношений и акцентирует внимание на том, что Россия одобряет выдвигаемые им концепции и предложения [6].

Таким образом, официальная позиция Китая в построении Сообщества единой судьбы состоит в призыве стран к совместному участию в процессах глобального управления. Вместе с тем Китай усиленно подчеркивает, что основой Сообщества служат традиционные ценности китайской культуры, которые являются тем достоянием, которое должны разделить все участники глобального управления, так как китайская культура принадлежит всему миру. Китай настаивает на том, что при успешной реализации этой инициативы выиграют все, и этот выигрыш прежде всего будет заключаться в укреплении

культурно-цивилизационных основ человечества. Не случайно в работе «Общее будущее человечества: риторика и реальность внешней политики Си Цзиньпина» [7, с. 10] отмечается, что главным отличием китайского подхода к теории международных отношений является ее моралистичность. И хотя сама формулировка Сообщества остается открытой, вместе с тем она все больше наполняется традиционными категориями китайской культуры. Китай не только теоретизировал концепцию Сообщества единой судьбы, но и старается активно продемонстрировать свои позиции как сильного участника процессов глобального управления, способного влиять на вектор решения мировых культурно-цивилизационных проблем. Сопоставив официальную риторику с мнением академических кругов КНР, подкрепив ее конкретными кейсами по толкованию данного феномена, можно подытожить, что Китай нацелен и далее активизировать свои усилия по разъяснению мировому сообществу сути Сообщества единой судьбы человечества, встраиванию этой концепции в механизмы глобального управления, логично инкорпорируя в нее ценности своей традиционной культуры.

Библиографический список

1. Denghua Zhang. The Concept of “Community of Common Destiny” in China’s Diplomacy: Meaning, Motives and Implications [Концепция «Сообщество единой судьбы» в китайской дипломатии: значение, основания и применение] // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2018. № 5. P. 196—207. URL: <https://doi.org/10.1002/app5.231> (дата обращения: 29.04.2022).
2. Harari Yuval N. *Sapiens: a brief history of humankind* [Sapiens. Краткая история человечества]. New York: Harper. 2015. 443 p.
3. Shengping Y. Logic and trends in cultural globalization and the reconstruction of modern Chinese culture [Логика, тенденции культурной глобализации и трансформация современной китайской культуры] // *Social sciences in China*. 2010. Vol. 29. P. 185—194. DOI: 10.1080/02529200802500524
4. Chen Z., Zhang X. Chinese Conception of the World Order in a Turbulent Trump Era [Китайская концепция мирового порядка в неспокойную эпоху Трампа] // *The Pacific Review*. 2020. Vol. 33. P. 438—468. DOI: 10.1080/09512748.2020.1728574
5. Zhang Hui. A Community of Shared Future for Mankind — The Contemporary Development of the Social Foundations Theory of International Law [Сообщество единой судьбы человечества — современное развитие социальных основ теории международного права] // *Social Sciences in China*. 2019. Vol. 40. № 1. P. 186—202. DOI: 10.1080/02529203.2019.1556489

6. Ли Хуэй. Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир! // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 4—12.

7. Nathan Andrew J., Zhang B. A Shared Future for Mankind: Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping [Сообщество единой судьбы человечества: риторика и реальность внешней политики Китая при Си Цзиньпине] // Journal of Contemporary China. 2021. DOI: 10.1080/10670564.2021.1926091.

References

1. Denghua Zhang. The Concept of “Community of Common Destiny” in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // Asia and the Pacific Policy Studies. 2018. № 5. P. 196—207. URL: <https://doi.org/10.1002/app5.231> (accessed: 29.04.2022).

2. Harari Yuval N. Sapiens: a brief history of humankind. New York: Harper. 2015. 443 p.

3. Shengping Y. Logic and trends in cultural globalization and the reconstruction of modern Chinese culture // Social sciences in China. 2008. Vol. 29. P. 185—194. DOI: 10.1080/02529200802500524

4. Chen Z., Zhang X. Chinese Conception of the World Order in a Turbulent Trump Era // The Pacific Review. 2020. Vol. 33. P. 438—468. DOI: 10.1080/09512748.2020.1728574

5. Zhang Hui. A Community of Shared Future for Mankind — The Contemporary Development of the Social Foundations Theory of International Law // Social Sciences in China. 2019. Vol. 40. № 1. P. 186—202. DOI: 10.1080/02529203.2019.1556489

6. Li Hui. Pust' ideya chelovecheskogo soobshchestva s edinoj sud'boj osvetit ves' mir! [Let the idea of a human community with a common destiny illuminate the whole world!] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2019. № 1. P. 4—12.

7. Nathan Andrew J., Zhang B. A Shared Future for Mankind: Rhetoric and Reality in Chinese Foreign Policy under Xi Jinping // Journal of Contemporary China. 2021. P. 1—15. DOI: 10.1080/10670564.2021.1926091

Цай Ин

СОТРУДНИЧЕСТВО АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ И ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН ПО РАЗВИТИЮ СУДОХОДСТВА НА АМУРЕ

Аннотация. В статье, используя хронологический принцип изложения, рассмотрена история судоходных компаний России и Китая, осуществляющих речные перевозки на р. Амур, в рамках развития российско-китайских отношений и урегулирования государственной политической и экономической системы, освещено сотрудничество между двумя странами в речной системе Амура, проанализирована роль сотрудничества между государственными предприятиями речного транспорта двух стран на Амуре. Показана взаимобусловленность и взаимодополняемость деятельности амурского речного транспорта на Дальнем Востоке России и китайских компаний северо-востока Китая и социально-экономических условий регионов. В рамках стратегии «Евразийский союз» (Россия) и концепции «Один пояс, один путь» (Китай) Амурский речной транспорт ищет собственный путь развития, исходя из своих характеристик и в контексте реализации стратегии развития торговли двух стран и интеграции крупномасштабных перевозок и логистики на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Китай, КНР, Амурский речной транспорт, судоходная компания, Дальний Восток России, Северо-Восток Китая.

Автор: *Цай Ин*, аспирант, кафедра истории России и специальных исторических дисциплин, Благовещенский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Благовещенск. E-mail: mnina66@yandex.ru

COOPERATION OF THE AMUR REGION AND HEILONGJIANG PROVINCE ON THE DEVELOPMENT OF NAVIGATION ON THE AMUR

Abstract. The article using the chronological principle of presentation, examines the history of the shipping companies of Russia and China, carrying out river transportation on the Amur River, as part of the development of Russian-Chinese relations and the settlement of the state political and economic system, highlights the cooperation between the two countries in the Amur river system, analyzes the role cooperation between the state enterprises of river transport of the two countries on the Amur. The interdependence and complementarity of the activities of the Amur river transport in the Russian Far East and Chinese companies in the Northeast of China and the socio-economic conditions of the regions are shown. Within the framework of the Eurasian Union strategy (Russia) and the One Belt, One Road concept (China), the Amur river transport is looking for its own development path, based on its characteristics and in the context of implementing the strategy for developing trade between the two countries and integrating large-scale transportation and logistics in Far East.

Keywords: China, PRC, Amur river transport, shipping company, Russian Far East, Northeast China.

Author: *Cai Ying*, Ph.D. student, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveschensk State Pedagogical University, Russian Federation, Blagoveschensk, E-mail: mnina66@yandex.ru

Река Амур разделена на два участка: международный и внутренний. До точки слияния р. Амур и р. Уссури в Хабаровске этот водный путь как государственная граница между РФ и КНР относится к международным, его длина составляет 2661 км. Река Амур в Хабаровске сливается с притоком р. Уссури, который подходит с юга. Этот участок р. Амур — внутренняя река России (длиной более 1400 км), впадающая в Охотское море (или Японское) море. Река Амур является очень важным речным каналом на Дальнем Востоке России. Она протекает через почти весь Дальневосточный федеральный округ (ДФО), последовательно через Амурскую обл., Еврейскую автономную обл. и Хабаровский край на российской стороне, а на китайской стороне — через пров. Хэйлуцзян. В силу географического положения деятельность речного транспорта на р. Амур распространяется как на Дальний Восток России, так и на граничащий с ним Северо-Восточный Китай.

В настоящее время российские и китайские судоходные компании совместно занимаются речными перевозками на р. Амур. Начало

сотрудничества Амурской обл. и пров. Хэйлуцзян в сфере судоходства относится к началу XX в. Судоходство на Амуре претерпело ряд изменений в рамках перестройки государственной политической и экономической системы, а также корректировки политики. С российской стороны в мае 1854 г. от Шилкинского завода вышел пароход «Аргунь». Этот сплав положил начало плавания по Амуру. В 1858 г. на Амуре была учреждена «Амурская компания», затем — пароходство «Бенардаки и К°», в последующем — «Товарищество Амурского пароходства», устав которого был утвержден в 1871 г. В 1892 г. «Товарищество Амурского пароходства» было реорганизовано в «Амурское общество пароходства и торговли». До революционных преобразований на Дальнем Востоке торговый речной флот принадлежал в основном частным судовладельцам и в 1918 г. был национализирован. После революции число русских судов на Сунгари и Амуре значительно сократилось. В мае 1918 г. Благовещенский совет подписал с Сахалинским даоинем соглашение о свободном плавании по Амуру китайских торговых судов в пределах Амурской области. Но китайские власти были предупреждены о том, что советские власти не допустят плавания по Амуру судов третьих стран и будут конфисковывать русские суда, незаконно переданные иностранцам [1].

В 1922 г. амурский государственный водный транспорт был объединен в «Амурское государственное пароходство» (АГП) [2, с. 24, 35—36]. После объединения в 1948 г. Верхне-Амурского и Нижне-Амурского управлений речного пароходства эти два пароходства были объединены в одно «Амурское речное пароходство» (АРП) с управлением в г. Хабаровск. АРП специализировалось на перевалке, перевозке, хранении грузов и ремонте судов. Речные порты, пристани, базы АРП были расположены на территории Хабаровского края и Амурской обл. В начале 1990 г. Амурское пароходство акционировалось. В 1993 г. Ордена Трудового Красного Знамени «Амурское речное пароходство» было преобразовано в акционерное общество открытого типа «Амурское речное пароходство», которое через три года было переименовано в открытое акционерное общество «Амурское пароходство». В 1994 г. было создано Акционерное общество закрытого типа (АОЗТ) «Торговый порт Благовещенск». В июле 1997 г. АОЗТ было переименовано в закрытое акционерное общество (ЗАО) «Торговый порт Благовещенск». В 2007 г. пароходство выставляют на торги совместно с дочерними предприятиями портами Амурской области: Благовещенск, Свободный, Поярково, Зея. В 2008 г. «Амурское речное пароходство» было продано. В связи с этим изменилась форма

собственности с государственной на частную — пароходство холдинг RFP Qgroup. RFP Qgroup — один из крупнейших холдингов лесной и транспортной отраслей России, занимает второе место по объемам арендуемого лесосечного фонда (6,4 млн га) и первое место по объемам экспорта лесной продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. ОАО «Амурское пароходство» стало базовым предприятием транспортно-логистического направления холдинга RFP Qgroup [3, с. 4].

К началу 1990-х годов. относится и зарождение пассажирского порта Амурассо. В ноябре 1988 г. при Амурском областном управлении сельского хозяйства была создана организация «Амуркоммерциявнешторг» для ведения внешнеэкономической деятельности и сотрудничества с Китаем. В декабре 1989 г. было создано ЗАО «Пассажирский порт «Амурассо». Первым большим проектом вновь созданного акционерного общества, задачей которого было обеспечение перевозки туристов и товаров из России в Китай и из Китая в Россию, стало строительство причальной стенки и пункта пропуска Благовещенск—Хэйхэ.

С китайской стороны речные перевозки на Амуре осуществляла корпорация Хэйлуцзянского пароходства (далее — КХП). КХП является первопроходцем этого водного пути, она была создана после образования КНР 1 октября 1949 г. В начале XXI в. в КХП произошли большие изменения. В конце 2000 г. бывшее Управление судоходства при Министерстве по транспорту пров. Хэйлуцзян провело реформирование КХП, децентрализовало ее местное управление, отделило административные дела от предприятия и было уполномочено провинциальным правительством управлять государственными активами, сформировав корпорацию, полностью принадлежащую государству. В начале 2001 г. КХП инвестировала в компанию порта о. Большой Хэйхэ (региональная судоходная компания), обеспечив тем самым непосредственное участие данной компании в перевозках на китайско-российской пограничной реке, что позволило ей взять в свои руки инициативу в приграничной торговле между Россией и Китаем. В начале 2003 г. правительство провинции Хэйлуцзян добились, чтобы ООО «Порт Сянган» дал КХП лицензию на деятельность, что не только сделало КХП предприятием Гонконга — международного судоходного и финансового центра, но и дало ей возможность развивать морские перевозки и базу для быстрой международной интеграции. В 2010 г. все предприятия компании завершили реформу

системы прав собственности с целью оптимизации структуры собственности.

Сотрудничество в сфере судоходства между Россией и Китаем началось после образования КНР (до 1991 г. — между Советским Союзом и Китаем). Вновь образованная в 1949 г. КНР нуждалась в материалах, оборудовании, топливе и т. п. Подавляющая доля этих грузов перевозилась в приграничные районы КНР, в частности в пров. Хэйлунцзян, флотом Амурского речного пароходства. Советские суда могли заходить в порт Хэйхэ на Амуре напротив советского Благовещенска (административного центра Амурской области), а также во все порты по р. Сунгари, а китайские суда — в порты Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск. Длина совместно используемого водного пути по рекам бассейна составляла 2745 км. Совместное использование водных путей предполагало и их совместное обслуживание. В 1951 г. Министерство речного флота СССР и Министерство коммуникаций КНР заключили Соглашение о порядке плавания по пограничным участкам рек Амур, Уссури, Сунгача и озеру Ханка и об установлении и обслуживании судоходной обстановки на этих водных путях. Предложения сторон об улучшении судоходных условий, обеспечение безопасности плавания и другие вопросы, касавшиеся судоходства, ежегодно обсуждались на совещаниях совместной советско-китайской комиссии по судоходству и затем воплощались в жизнь [4, с. 17—18].

Заключение 23 апреля 1958 г. Договора о торговле и мореплавании между СССР и КНР подвело юридическую базу под уже сложившиеся взаимовыгодные условия торговли между странами и способствовало быстрому возрастанию взаимного товарооборота: в 1959 г. он составил 1849,4 млн руб. — это был наивысший показатель в истории советско-китайской торговли [5, с. 252—253]. С 1962 г., в связи с ухудшением отношений между СССР и КНР, все виды совместных речных работ были приостановлены. Потепление в отношениях речников двух соседних стран наметилось с 1977 г., и вновь стали проводиться совместные инспекционные выезды на линии речных путей, дноуглубительные работы, корректировка знаков навигационной обстановки и т. д.

Потепление советско-китайских отношений в 1980-е годы открыло новый этап в развитии Амурского речного пароходства. В апреле 1982 г. СССР и КНР заключили советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли. В следующем (1983) объеме приграничной торговли составил 15,9 млн швейцарских франков

(шв. фр.), в 1984 г. он увеличился до 27,9 млн шв. фр., в 1985 г. — до 32,6 млн шв. фр. 16 января 1986 г. был подписан Советско-китайский протокол о возобновлении доставки грузов по пограничным рекам [6, с. 467—468].

Амурское речное пароходство и пароходство пров. Хэйлунцзян вновь начали осуществлять перевозки по речным международным маршрутам. В июне 1986 г. был открыт китайский порт Тунцзян, с российской стороны — порт Нижнеленинское; затем порты Благовещенск и Хэйхэ. В марте 1987 г. были приняты Правила плавания по советско-китайским пограничным участкам рек. С июля 1989 г. суда Амурского пароходства пошли в порты Фуцзинь, Цзямусы, Харбин; для китайских судов были открыты порты Хабаровск, Комсомольск и Поярково. Между Благовещенском и Хэйхэ начала функционировать первая международная речная паромная переправа. Японская фирма «Джейро» и китайская «Синотранс» подписали соглашение о перевозке по рекам Амур и Сунгари грузов, следовавших из Японии в пров. Хэйлунцзян с использованием судов «река—море» Амурского пароходства. Были достигнуты договоренности о капитальном ремонте пассажирских теплоходов: так, пароход «Василий Поярков» прошел такой ремонт на Харбинском судостроительном заводе, в ходе которого, помимо ремонтных работ, на судне была произведена модернизация механизмов и систем, полностью реконструирована судовая надстройка, в результате чего значительно повышена комфортабельность, улучшены условия размещения, бытового и культурного обслуживания пассажиров. Ежегодно проводилось около 10 рабочих встреч руководителей и специалистов пароходств для решения оперативных вопросов по улучшению организации перевозочного процесса, ускорению обработки флота в портах, согласованию технологии судоремонтных работ и т. п. [4, с. 19—20]

Начали создаваться совместные рабочие группы по вопросам коммуникаций на высшем уровне: так, в октябре 1986 г. в Москве состоялось первое заседание постоянной рабочей группы по транспорту в рамках советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В соответствии с постановлениями Совета министров СССР 1987—1988 гг. предприятиям разрешалось налаживать прямые связи с зарубежными партнерами; организации Дальнего Востока могли расходовать 15 % средств (организации других регионов страны — 10 %) в свободно конвертируемой валюте для своих нужд. Весной 1989 г. лидер СССР М.С. Горбачёв посетил КНР; были заключены новые двусторонние договоренности,

в том числе в экономической сфере. В октябре 1990 г. в Москве правительства двух стран подписали советско-китайское торговое соглашение [7, с. 37].

После распада СССР отношения двух стран продолжились уже в рамках российско-китайских отношений. 16 января 1992 г. Министерство транспорта РФ и Министерство коммуникаций КНР подписали Соглашение об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари. В документе было отмечено, что «в целях обеспечения перевозок внешнеторговых грузов между Россией и КНР речным транспортом на реках Амур и Сунгари открыты для захода российских судов китайские порты Хэйхэ, Цикэ (Сюнкэ), Тунцзян, Фуцзин, Цзямусы, Харбин и для захода китайских судов — российские порты Благовещенск, Поярково, Нижнеленинское, Хабаровск, Комсомольск, Маго. В этих портах осуществляется выполнение пограничных, таможенных, карантинно-санитарных и других формальностей для судов заграничного и внешнеторговых грузов». Также соглашение устанавливало, что «в целях дальнейшего развития перевозок грузов российско-китайской торговли, организации транзитных перевозок грузов третьих стран на российских и китайских судах по рекам Амур и Сунгари российская сторона открывает участок реки Амур от порта Комсомольск-на-Амуре до устья для прохода китайских торговых судов с 15 мая 1992 г.»; «объемы перевозок грузов речным транспортом через эти порты будут согласовываться Сторонами ежегодно на заседаниях постоянно действующей рабочей группы по транспорту Российско-Китайской межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству», а Амурское речное пароходство и Хэйлунцзянское управление пароходства «должны были заключать договоры и соглашения по вопросам судоходства и организации перевозок» [11].

На рубеже XX—XXI вв. приграничные связи двух стран развиваются вместе с развитием межгосударственных отношений России и Китая. В конце 1992 г. РФ и КНР подписали Совместную декларацию об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой; в сентябре 1994 г. обе страны объявили об установлении отношений «конструктивного партнерства на благо добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества»; в апреле 1996 г. Россия и Китай установили формулу «доверительного стратегического партнерства, обращенного в XXI век»; в июле 2001 г. две страны подписали исторический Договор о добрососедстве, дружбе и со-

трудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Окончательное урегулирование вопроса российско-китайской границы укрепило добрососедские, дружеские отношения между двумя странами; обе страны приняли конкретные меры по развитию взаимного доверия и сотрудничества. В то же время это способствовало углублению китайско-российского стратегического партнерства и взаимодействия.

Так, в 2004 г. на 8-м совещании подкомиссии по российско-китайскому транспортному сотрудничеству в соответствии с требованиями российской стороны были выдвинуты предложения по полному использованию портов на Дальнем Востоке России, направленные на развитие комбинированных перевозок «река—море». В 2006 г. Россия и Китай провели семинар по совместному содействию развитию транспорта на российско-китайской границе, совместной разработке плана развития речного судоходства, увеличению инвестиций в инфраструктуру, такую как водные пути и внутренние речные порты, укреплению транспортной организации и повышению производительности водного транспорта, ускорению развития водного туризма в регионе. В целях усиления управления безопасностью водного транспорта и дальнейшего улучшения условий судоходства и порядка на российско-китайских пограничных реках стороны совместно разработали ряд правил и систем управления, а также провели совместные инспекции. Было внедрено Положение о надзоре и проверке судов слежения» в водах, находящихся под юрисдикцией двух стран, во избежание аварий и загрязнения вод. В 2007 г. на 11-м совещании подкомиссии по транспортному сотрудничеству стороны договорились об ускорении строительства автомобильного моста Благовещенск—Хэйхэ через р. Амур. В октябре 2009 г. премьер-министры России и Китая подписали «Наброски плана сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком Российской Федерации и Восточной Сибирью (2009—2018)» [9]. В план о сотрудничестве в области транспорта и приграничном сотрудничестве было включено: *во-первых*, развитие транспортной инфраструктуры (строительство мостов через реки Аргунь, Амур, Уссури), реконструкция и строительство новых железнодорожных линий, строительство автомобильных дорог в приграничных районах Дальнего Востока и Восточной Сибири; *во-вторых*, строительство российско-китайского транспортного коридора с помощью усиления роли морских портов России и Китая, строительство водного пути «река—море» от рек Амур, Сунгари и Уссури до Хабаровска. В мае 2014 г. Россия и Китай

опубликовали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. В этот период Россия и Китай установили механизм регулярных встреч премьер-министров, организовали рабочую группу для обсуждения, планирования, координации и реализации проектов сотрудничества в транспортной сфере между двумя странами [10]. В сентябре 2021 г. Министерство торговли КНР объявило, что механизм китайско-российского сотрудничества будет продолжать совершенствоваться и что обе стороны будут модернизировать и активно реализовывать Программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке России на 2018—2024 гг. [8] и продолжать укреплять руководство по обслуживанию сотрудничества между местными органами власти и предприятиями двух стран.

Судоходная отрасль играет очевидную роль в российско-китайском международном логистическом канале, две страны активно взаимодействуют в эксплуатации портов и планировании маршрутов. Группа компаний «Амурское пароходство» осуществляет перевозку генеральных, лесных и навалочных грузов между портами Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии. Одна из ключевых особенностей компании — перевозка лесных грузов судами типа «река—море» из портов р. Амур в порты Японии, Кореи и Китая. В период навигации — с мая по ноябрь — по судоходным рекам бассейна р. Амур АО «Амурское пароходство» осуществляет речные грузоперевозки между портами и речными пунктами Хабаровского края, всего Дальнего Востока России и Китая.

Речной флот АО «Амурское пароходство», осуществляющий перевозки по рекам Амур, Зея, Селемджа, Сунгари, Уссури, Амгунь, представлен транспортными судами, способными перевозить различные виды грузов. Благодаря малой осадке судов Амурское пароходство доставляет грузы в населенные пункты, расположенные на малых реках и практически недоступные для других видов транспорта.

Значительную роль в перевозках грузов в Амурском бассейне играет буксирный флот пароходства. Барже-буксирный состав способен перевезти от 2,5 тыс. до 12 тыс. т таких грузов, как лес, уголь, минерально-строительные материалы и пр. Буксирный флот Амурского пароходства эффективно используется на перевозках экспортно-импортных грузов между речными портами России и Китая, а также на перевозках нефтепродуктов из портов Хабаровск, Амурск и Комсо-

мольск-на-Амуре в северные районы Хабаровского края. Также речные суда задействованы в перевозке леса из российских речных портов в речные порты Китая.

Торговый порт Благовещенск — один из самых крупных речных портов Дальнего Востока. Он находится в областном центре Амурской области — г. Благовещенске, на слиянии двух рек — Амура и Зеи. Удачное географическое расположение порта позволяет распространить сферу деятельности не только на всем протяжении р. Амур, но и осуществлять перевозки грузов по р. Зея. ООО «Торговый порт Благовещенск» имеет прочные связи с портами Китая, занимаясь грузоперевозками из Хэйхэ, Сюнькэ, Миншаня, а также из портов Тунцзян и Цзямусы, расположенных на р. Сунгари.

Водный транспорт пров. Хэйлунцзян использует крупные порты, такие как Харбин, Цзямусы, Хэйхэ и Тунцзян, в качестве международных логистических центров водного транспорта, формируя различные формы внешней торговли водным транспортом и координируя развитие международных водных пассажирских перевозок, ро-ро перевозок, контейнерных перевозок и комбинированных перевозок река—море. Река Сунгари является крупнейшим притоком р. Амур (Хэйлунцзяна) в Китае. На побережье расположены Харбин, Цзямусы, Тунцзян и другие речные порты, открытые для внешнего мира, которые могут осуществлять комбинированные перевозки река—море. Среди них порт Харбин — крупнейший внутренний речной порт Северо-Восточного Китая и крупнейший речной порт, открытый для России.

С начала XXI в. Россия и Китай усилили строительство инфраструктуры и вспомогательных систем в пограничных реках и открытых водах, и их сотрудничество в водном транспорте и других транспортных областях продолжает развиваться. В 2004 г. был также открыт комбинированный транспортный маршрут «река—море» для китайской внутренней торговли и грузов из порта Тунцзян в порт Вэньчжоу; в августе 2008 г. был открыт первый рейс по доставке основного оборудования из Харбина (КНР) в Татарский пролив (РФ) через российский порт Николаевск-на-Амуре.

Судоходная отрасль продвигает российско-китайские комбинированные перевозки по водным путям. С момента подписания в 2004 г. Соглашения о комбинированных российско-китайских перевозках между Амурским пароходством (РФ) и Хэйлунцзянской судоходной компанией (КНР) выполнен совокупный объем перевозок в 3 млн куб. м. В 2005 г. посредством водных перевозок по пограничной

реке между двумя странами перевезено 1,15 млн т грузов и 635 500 пассажиров (на 15,2 и на 22,8 % больше, чем в 2004 г. соответственно) [12]. В июле 2007 г. открытие маршрута контейнерных перевозок из Тунцзяна (КНР) в Хабаровск (РФ) положило начало новому периоду в развитии контейнерных перевозок на р. Амур и открыло новые водные маршруты, такие как Цзямусы (КНР) — Хабаровск (РФ), Хэйхэ (КНР) — Благовещенск (РФ) и т. д. Это позволило быстро развить контейнерные перевозки на российско-китайской пограничной реке.

В 2015 г. в Китае началась реализация инициативы «Один пояс, один путь», и она была скоординирована со строительством возглавляемого Россией «Евразийского экономического союза», что дало Амурскому речному транспорту возможность взять на себя роль важного логистического узла на российско-китайской границе в интеграции транспортной системы Дальнего Востока и АТР.

В последние годы Россия и Китай активно изучают новые способы использования речных перевозок для грузовых и пассажирских перевозок на Дальнем Востоке, стремясь решить проблему неэффективности прежнего процесса водных перевозок и органично интегрировать водные, автомобильные и железнодорожные перевозки в общую логистическую систему в целях дальнейшей реализации намерения эффективного размещения российско-китайских транспортных ресурсов.

Библиографический список

1. РГАЭ. Ф.1884. Оп.2. Д.831. Л.90—91.
2. 75 лет в рейсе: Сб-к научных статей. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 1973. 151с.
3. Медникова А.Н. Амурское пароходство // Прошлое и настоящее Амурского речного пароходства: материалы научно-практической конференции, Благовещенск, 23 ноября 2017 г.: докл. и сообщ. / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского. Благовещенск, 2018. 180 с.
4. Сухов А.М. Содружество советских и китайских речников // 40 лет КНР (Сб-к статей). Из серии «Тихий океан: социально-экономические и политические проблемы». Хабаровск, 1990. С. 17—21.
5. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (1917—1974). М.: Наука, 1977. 368 с.
6. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с. С. 467—468.

7. Лаврентьев А.В. Приграничная транспортная система сообщений между российским Дальним Востоком и КНР (вторая половина 1980-х — 1990-е годы) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 36—41.

8. На ВЭФ подписана программа сотрудничества Минвостокразвития России и Минкоммерции КНР. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/18730/> (дата обращения: 20.04.2022).

9. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009—2018 годы). URL: <http://lawinrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i-normativnie-akti/2010-07-18/programma-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sib> (дата обращения: 20.04.2022).

10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 20.04.2022).

11. Соглашение между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством коммуникаций Китайской Народной Республики об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари (16.01.1992 г.). URL: <http://allmedia.ru/laws/DocumShow.asp?DocumID=40254&DocumType=0> (дата обращения: 13.04.2022).

12. Чжун'э эцую фачжань цзехэ шуйюнь (Китайско-российское сотрудничество в развитии приграничного речного водного транспорта). URL: <http://news.sina.com.cn/o/2006-06-23/21509282222s.shtml> (дата обращения: 20.04.2022).

References

1. RGAE. F.1884. Op.2. D.831. L.90—91 (In Russ.).
2. 75 let v rejse: Sb-k nauchnyh statej [75 years on the voyage: Collection of scientific articles]. Habarovsk: Hab. kn. izd-vo, 1973. 151 p. (In Russ.).
3. Mednikova A.N. Amur shipping company // Past and present of the Amur river shipping company: materials of the scientific and practical conference, Blagoveshchensk, November 23, 2017: dokl. and message / Cupid. region scientific b-ka them. N.N. Muravyov-Amursky. Blagoveshchensk, 2018. 180 p. (In Russ.).
4. Suhov A.M. (1990) Sodruzhestvo sovetskikh i kitajskih rechnikov [Commonwealth of Soviet and Chinese river workers], 40 let KNR (Sb-k statej). Iz serii «Tihij okean: social'no-ekonomicheskie i politicheskie problemy» [40 years of the PRC (Collection of articles). From the series “The Pacific Ocean: Socio-Economic and Political Problems”]. Habarovsk, 1990. Pp. 17—21 (In Russ.).
5. Sladkovskij M.I. (1977) Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij narodov Rossii s Kitaem (1917—1974) [History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China (1917—1974)]. M.: Nauka. 368 p. (In Russ.).
6. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij [Russia and China: Four Centuries of

Interaction: History, Current State and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations] / Ed. A.V. Lukin. M.: Ves' mir, 2013. 704 p. Pp. 467—468. (In Russ.).

7. Lavrent'ev A.V. (2009) Prigranichnaya transportnaya sistema soobshchenij mezhdru Rossijskim Dal'nim Vostokom i KNR (vtoraya polovina 1980-h-1990-e gody) [Cross-border transport system of communications between the Russian Far East and the PRC (second half of the 1980s-1990s)], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. № 4, pp. 36—41. (In Russ.).

8. A program of cooperation between the Ministry for the Development of the Russian Far East and the Ministry of Commerce of the PRC was signed at the WEF. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/18730/> (Accessed: 20.4.2022) (In Russ.).

9. Program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC (2009—2018). URL: <http://law.inrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i-normativnie-akti/2010-07-18/programma-sotrudnichestva-mezhdru-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sib> (Accessed: 20.04.2022) (In Russ.).

10. Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on a new stage in relations of comprehensive partnership and strategic interaction. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (Accessed: 20.4.2022) (In Russ.).

11. Agreement between the Ministry of Transport of the Russian Federation and the Ministry of Communications of the People's Republic of China on the organization of transportation of foreign trade cargo by Russian and Chinese vessels along the Amur and Songhua rivers (16.01.1992). URL: <http://allmedia.ru/laws/DocumShow.asp?DocumID=40254&DocumType=0> — (Accessed: 13.4.2022) (In Russ.).

12. ZhongE hezuo fazhan jiehe shuiyun [Sino-Russian Cooperation in the Development of Cross-border River Water Transport]. URL: <http://news.sina.com.cn/o/2006-06-23/21509282222s.shtml> (Accessed: 20.04.2022) (In Chin.).

К.К. Меркулов

О ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ 100-ЛЕТИЯ КПК: ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ

Светлой памяти моих родителей посвящаю

Аннотация. Данный информационно-аналитический обзор (по материалам СМИ) посвящён исследованию некоторых важнейших аспектов всемирно-исторического значения 100-летия Коммунистической партии Китая. В своем комплексном теоретико-методологическом, научно-методическом и научно-практическом подходе к системно-синергетическому анализу — синтезу — прогнозу этого феномена автор априори ориентируется на историко-философский принцип «большое видится только на расстоянии». На особую значимость такого подхода к содержанию исторических исследований неоднократно указывал, в частности, академик С.Л. Тихвинский (1918—2018).

По форме исследования вариант «информационно-аналитического обзора» выбран автором по ряду соображений, в том числе скромно избегая обвинений во «вмешательстве во внутренние дела» суверенной КПК. По своей структуре обзор включает тезисное описание ряда научных источников и литературы по данной теме, изданных в КНР, в нашей стране и за рубежом. В заключение предпринята попытка творчески развить несколько известных постулатов марксизма, в том числе в плане закономерностей и перспектив наступления эпохи всемирной истории «после коммунизма». Обзор имеет строго научный характер со ссылками на первоисточники (наряду с личными «мыслями вслух») и лишен «политиканства».

Обзор представляет собой «программу-минимум» визави фундаментального исследования автора по аналогичной теме, где он подробно системно-синергетически исследует варианты трансформации

идеологической платформы КПК и судьбу коммунистического движения в Китае и во всем мире, имея в виду, что ранее в других научно-исследовательских работах автора совместно с основоположниками и почетными руководителями Всенародного Союза Добросветолюбия (учрежденного 29.04.1999 г.) профессорами К.А. Меркуловым (1924—1999) и Э.А. Меркуловой (1933—2017) уже сформулирован проект идеологии истинного добра — блага как вероятный концептуальный ориентир новой стратегии и тактики международного коммунистического и рабочего движения (МКРД) и других передовых сил земного социума.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, всемирно-историческое значение 100-летия КПК, марксизм, эпоха всемирной истории «после коммунизма», идеология истинного добра/блага.

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук (МГИМО МИД СССР), действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-6244-1800; E-mail: katenariy@gmail.com

ON THE WORLD-HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE CCP 100th ANNIVERSARY: REVIEW OF SOME MOST IMPORTANT ASPECTS ON THE MATERIALS OF THE MEDIA

Im memorium to my blessed parents

Abstract. This information and analytical review (based on publications in the media) is devoted to the study of the world-historical significance of the 100th anniversary of the Chinese Communist Party. In his comprehensive theoretical-methodological, scientific-methodological and scientific-practical approach to the systemic-synergetic analysis — synthesis — forecasting of this issue, the author a priori focuses on the historical and philosophical principle “the big is seen only at a distance”. The special significance of this approach to the content of historical research was repeatedly pointed out, in particular, by Academician S.L. Tikhvinsky (1918—2018).

According to the form of the study, the variant of the “information and analytical review” was chosen by the author for a number of reasons, incl. modestly avoiding accusations of “interfering in the internal affairs” of the sovereign CCP. By its structure, the review includes a thesis description of a number of scientific sources and literature on this topic, published in the PRC, in this country and abroad. In conclusion, an attempt is made to creatively develop several postulates of Marxism, incl. in terms of patterns and prospects for the onset of a new epoch in world history “after communism.” In general, the review is strictly scientific in nature (with re-

ferences to primary sources along with theoretical “thoughts out loud”) and is devoid of “politicking”, etc.

This review is a “minimum program” in comparison with the author's more fundamental research on this topic, in which he examines in more detail the options for transforming the ideological platform of the CPC and the fate of the communist movement in China and in the world in a systematic-synergetic study, bearing in mind that earlier in other research works the author, together with the founders and honorary leaders of the All-People's Union of the Goodlightlove (established on April 29, 1999 AD as the Good International) professors Katenariy A. Merkulov (1924—1999) and Eleonora A. Merkulova (1933—2017), has already formulated the project of the ideology of true good as a likely conceptual guide for the new strategy and tactics of the world communist and workers' movement and other advanced forces of earthly society.

Keywords: China, PRC, CPC, world-historical significance of the 100th anniversary of the CPC, Marxism, the epoch of world history “after communism”, ideology of true good.

Author: *Merkulov Katenariy K.*, D.Sc. (Economics) (IAS San Marino, 1994, Moscow), Ph.D. (History) (MGIMO of the USSR Ministry of Foreign Affairs, 1990, Moscow), active member of the Academy of problems of diplomatic sciences and international relations (1998, Moscow), Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-6244-1800; E-mail: katenariy@gmail.com

В своем системно-синергетическом подходе к анализу — синтезу — прогнозу комплекса исследуемых проблем истории, современного состояния и перспективной динамики развития коммунистического и рабочего движения в Китае и в целом в мире автор (в 1988—1991 гг. — освобожденный инструктор парткома МГИМО МИД СССР по оргработе) исходит, с одной стороны, из теоретически и практически значимых вечных классических истин борьбы за «светлое настоящее и истинно доброе будущее» и, с другой — из всего известного ему положительного духовно-материалистического наследия социума, в том числе в духе максимы «марксизм — не догма, а руководство к действию»¹ и принципа «золотой середины».

¹ Первоисточник — письмо Фридриха Энгельса (1820—1895) к Ф.А. Зорге. Энгельс, критикуя немецких социал-демократов, переехавших в Америку, писал, что они рассматривают марксизм «доктринерски и догматически, как нечто такое, что надо выучить наизусть, и тогда уж этого достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию». — *Энгельс Ф.* Письмо к Ф.А. Зорге 29 ноября 1886 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36, М., 1964. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1710/He_догма (дата обращения: 14.10.2021).

Часть 1. Взгляд на 100-летие КПК из китайских первоисточников

В 2021 г. в Китае и за его пределами был с размахом отмечен 100-летний юбилей Коммунистической партии Китая (КПК). Это событие стало важной исторической вехой и для китайских коммунистов, и для других отрядов мирового коммунистического и рабочего движения (МКРД). Внутри КНР 100-летнему юбилею, правящей 95-миллионной партии (из населения страны около 1,5 млрд человек) было посвящено рекордное число торжественных мероприятий, в том числе в СМИ и в научных изданиях [1].

1 июля 2021 г. генсек ЦК КПК, председатель КНР и председатель ЦВС Си Цзиньпин выступил с важной речью на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК на пл. Тяньаньмэнь в Пекине. Подводя итоги пути КПК, Си Цзиньпин объявил, что Китай добился приуроченной к столетию Компартии цели: «На китайской земле было полностью построено среднезажиточное общество, раз и навсегда был положен конец абсолютной бедности. Мы, преисполненные небывалого энтузиазма, продвигаемся вперед к цели полного построения модернизированной социалистической державы, намеченной к столетию КНР <...> китайская нация бурно развивается и неудержимыми шагами идет по пути к своему великому возрождению» [2].

Суммируя итоги «четырёх великих успехов, достигнутых КПК за прошедшее столетие», председатель Си отметил: «Во имя великого возрождения китайской нации КПК, сплывшая и ведя за собой китайский народ, стойко и упорно сражалась в кровопролитных боях, добилась великих успехов в новодемократической революции..., опираясь на собственные силы, добилась великих успехов в деле социалистической революции и строительства..., раскрепощала сознание, твердо стремилась вперед, добилась великих успехов в деле реформ, открытости и социалистической модернизации..., скоординировала усилия по осуществлению великой борьбы, великой программы, великого дела и великой мечты, добилась великих успехов в деле [построения] социализма с китайской спецификой в новую эпоху» [2].

Эпохальные решения об историческом значении 100-летия КПК были приняты на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва (Пекин, 8—11 ноября 2021 г.), который принял 3-е в истории КПК *Решение ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии* [3]. Генсек ЦК КПК Си Цзиньпин дал соответствующие пояснения на пленуме по поручению Политбюро ЦК КПК. По словам Си, феномен «*историческое значение столетней борьбы КПК*» определен

так: «На основе всестороннего ретроспективного обобщения истории и основных достижений столетней борьбы партии, с более широкой точки зрения обобщено историческое значение столетней борьбы КПК, а именно: столетняя борьба КПК в корне изменила перспективы и судьбу китайского народа, проложила верный путь к великому возрождению китайской нации, продемонстрировала могучую жизненную силу марксизма, оказала глубокое влияние на мировой исторический процесс, закалила идущую в авангарде эпохи КПК» [4].

Интересные документы и материалы о 100-летию КПК публиковались в КНР и позднее. Но особо важными на сей счет станут оценки XX съезда КПК.

Часть 2. 100-летний юбилей КПК в интерпретации экспертов РФ, СГ и СНГ

Ряд важных научно-исследовательских материалов о 100-летнем юбилее КПК был издан и в нашей стране [5], [6], [7], [8], [9].

Чрезвычайный и полномочный посол РФ в КНР А.И. Денисов в интервью ИА Синьхуа 06.03.2021 г. заявил, что «в Китае создана положительно зарекомендовавшая себя на практике модель борьбы с бедностью, которая базируется на консолидации усилий государства и региональных органов власти. Этот ценный опыт был бы полезен во всем мире» [10].

«100-летие КПК... поможет миру лучше изучить накопленный Китаем опыт строительства социализма с китайской спецификой», — заявил руководитель экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Ю.В. Тавровский. — «Главное достижение — разработка концепции реформ и открытости, которая... стала большим шагом в развитии теории марксизма и практическим созданием нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающего синергию плановой и рыночной экономик» [11].

СМИ РФ часто отмечают, что руководящая роль КПК в системе органов власти КНР сыграла свою роль в успешной борьбе с пандемией коронавируса. Вместе с тем и в некоторых новейших аналитических материалах в РФ о КНР и КПК высказываются серьезные опасения о «китайской угрозе».

Ряд представителей «левого» и «ультралевого» фланга в МКРД, в том числе в РФ, рассматривают отход КПК от ориентации на идеи маоизма и начало проведения в КНР в декабре 1978 г. курса «дэновских» реформ сквозь призму «борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом», «контрреволюции» и др.

«Си Цзиньпин — демократический китайский Сталин» — такой заголовок можно найти в сети «Интернет» при освещении интервью профессора А.А. Маслова в видеоэфире Pravda.RU 23.12.2016 г. [12]. А комментарий интернет-портала «Рамблер» 16.12.2018 г. был назван: «Китай идет сталинским путем реформ: в КНР не признается тезис о “кровавом сталинизме”...».

Главный итог развития КНР под руководством КПК, по оценке профессоров А.В. Виноградова и А.И. Салицкого: «Реформы и модернизация в Китае близки к завершению, ...страна вступила в принципиально новую фазу развития, в ней формируется самобытный общественный строй, а китайская специфика приобретает черты целостности в качестве самостоятельного, альтернативного Западу проекта общественного развития» [13].

Исторические достижения КПК признаны и за пределами КНР, несмотря на злопыхательство некоторых СМИ¹.

¹ Jacques deLisle, Guobin Yang. *The Party Leads All: The Evolving Role of the Chinese Communist Party*. Washington D.C., Brookings Institution Press, 2022. 365 p. URL: https://books.google.ru/books?id=_rmLzgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&source=gbs_book_other_versions (Accessed: February 9, 2022); Ryuho Okawa. *The Xi Jinping Thought Now*. Tokyo, IRH PRESS, 2021. 214 p. URL: https://books.google.ru/books?id=x1FozgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (Accessed: February 9, 2022); Weizheng Shao, Xiaobao Liu. *The Beginning of China's National Renewal: A Century of the Communist Party of China*. New York, ROYAL COLLINS Publishing Company, 2021. 324 p. URL: https://books.google.ru/books?id=57SRzgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (Accessed: February 9, 2022); Paul G. Clifford. *The China Paradox: At the Front Line of Economic Transformation*. 2nd edition. 2022 Walter de Gruyter GmbH Berlin/Boston. URL: https://books.google.ru/books?id=bw5QEAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed: February 9, 2022); Lin Chun. *Revolution and Counterrevolution in China*. First published by Verso 2021 — versobooks.com — L., NY, 2021. URL: https://books.google.ru/books?id=dMxEAAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (Accessed: February 10, 2022); Gore, Lance, 1958 — editor. *The Chinese Communist Party in Transformation: the crisis of identity and possibility for renewal* / Editor, Lance L P Gore, East Asian Institute, National University of Singapore. New Jersey: World Scientific, 2021 / Series: EAI series in East Asia, 2529-718X. URL: https://books.google.ru/books?id=FDsoEAAAQBAJ&pg=PA18&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiausHUvPX1AhUCzYsKHZ_0Ans4ChDoAXoECAAAQ#v=onepage&q=100th%20anniversary%20of%20the%20chinese%20communist%20party&f=false (Accessed: February 10, 2022); Sullivan, Lawrence R., author. *Historical Dictionary of the Chinese Communist Party* / Lawrence R. Sullivan. 2nd ed. / Lanham: Rowman and Littlefield, [2022] / Series: Historical dictionaries of Asia, Oceania, and the Middle East. URL: https://books.google.ru/books?id=adjEAAAQBAJ&pg=PA187&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewiausHUvPX1AhUCzYsKHZ_0Ans4ChDoAXoECAAAQ#v=onepage&q=100th%20anniversary%20of%20the%20chinese%20communist%20party&f=false (accessed: February 10, 2022); etc.

Китайские коммунисты прошли большой путь героической борьбы и в целом выдающихся достижений и побед, несмотря на ряд ошибок и неудач. Но перспективы коммунистического движения в Китае и в мире неоднозначны.

Беда самой по себе «коммунистической идеи» в том, что она исходно таит ряд принципиальных ошибочных элементов: вульгарный атеизм, общественно-ненавистническое насилие, излишний экономический детерминизм и т. д. — в ущерб универсальной гармонии и иным универсальным канонам.

Как писал «ранний» Маркс, коммунизм «означает становление практического гуманизма... *Коммунизм* есть необходимая форма и энергичный принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [14, с. 169].

Библиографический список

1. The People's Republic of China State Council news "The 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China". URL: <http://english.www.gov.cn/2021special/CPCcentennial> (Accessed: September 20, 2021).

2. Full Text: Speech by Xi Jinping at ceremony marking CPC centenary. Updated: Jul 01, 2021 05:40 PM Xinhua. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202107/01/content_WS60dd8d8ac6d0df57f98dc459.html (Accessed: 30.09.2021).

3. Full Text: Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century. *Source: Xinhua | 2021-11-16 18:50:21 | Editor: huaxia*. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314611.htm (Accessed: March 9, 2022).

4. Full Text: Xi's explanation of resolution on major achievements and historical experience of CPC over past century. *Source: Xinhua | 2021-11-16 18:50:42 | Editor: huaxia*. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314613.htm (Accessed: March 9, 2022).

5. Барский К.М., Виноградов А.В., Салицкий А.И. О диалектическом единстве внутренней и внешней политики Китая. (К 100-летию образования Коммунистической партии Китая) // Вестник Российской академии наук. 2021. т. 91, № 8. С. 703—712. DOI 10.31857/S086958732108003X.

6. Виноградов А.В. Круглый стол «100-летие КПК», проведенный 28 апреля 2021 г. (обзор) // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 13—33.

7. Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва, 17 и 19 марта 2021 г. М.: ИДВ РАН, 2021. 392 с.

8. Мельников И.И. Выдающийся опыт КПК — достояние всего мира // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 7—13. DOI: 10.31857/S013128128120015438-2

9. Михеев В.В., Луконин С.А. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Том 65. Выпуск № 7. С. 25—33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33.
10. Комментарий Агентства Синьхуа «Опыт Китая по борьбе с бедностью полезен во всем мире — посол РФ в Китае А.И. Денисов». 2021-03-06 15:56:16? Russian.News.Cn. Пекин, 6 марта. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2021-03/06/c_139789493.htm (дата обращения: 06.03.2021).
11. Комментарий Агентства Синьхуа «Эксклюзив: 100-летие КПК поможет миру изучить опыт Китая в строительстве социализма с китайской спецификой — российский китаевед Ю. Тавровский». 2021-02-08 11:55:29?Russian.News.Cn. Москва, 8 февраля. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2021-02/08/c_139729724.htm (дата обращения: 09.02.2021).
12. Маслов А.А. Китай выбирает национального лидера. Интервью руководителя Школы востоковедения ВШЭ профессора А.А. Маслова в прямом видеоэфире Pravda.Ru 23.12.2016 г. URL: <https://www.pravda.ru/world/1321030-maslov/> (дата обращения: 26.04.2021).
13. Виноградов А.В., Салицкий А.И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // *Вестник Российской академии наук*. Том 89, № 2 (2019). с. 172—178. URL: <https://journals.eco-vector.com/0869-5873/article/view/11429>; DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178> (дата обращения: 21.03.2021).
14. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 44—174.

References

1. The People's Republic of China State Council news "The 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China". URL: <http://english.www.gov.cn/2021special/CPCcentennial> (Accessed: September 20, 2021).
2. Full Text: Speech by Xi Jinping at ceremony marking CPC centenary. Updated: Jul 01, 2021 05:40 PM Xinhua. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202107/01/content_WS60dd8d8ac6d0df57f98dc459.html (Accessed: 30.09.2021).
3. Full Text: Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century. Source: Xinhua| 2021-11-16 18:50:21|Editor: huaxia. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314611.htm (Accessed: March 9, 2022).
4. Full Text: Xi's explanation of resolution on major achievements and historical experience of CPC over past century. Source: Xinhua| 2021-11-16 18:50:42|Editor: huaxia. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/16/c_1310314613.htm (Accessed: March 9, 2022).
5. Barskiy K.M., Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. О диалектическом единстве внутренних и внешних политики Китая. (К 100-летию образования Коммунистической партии Китая) [On the dialectical unity of internal and external policy of China. (In

commemoration to the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2021, t. 91, № 8: 703—712. (In Russ.).

6. Vinogradov A.V. Kruglyy stol «100-letiyе КРК», provedennyy 28 aprelya 2021 g. (obzor) [The review of the conference “The 100th anniversary of the CPC”, organized on April 28, 2021] // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021, 3: 13—33. (In Russ.).

7. *Kommunisticheskiy Kitay. Tseli i zadachi k stoletnemu yubileyu КРК. Materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN. Moskva, 17 i 19 marta 2021 goda.* [Communist China. Goals and objectives for the centenary of the CPC. Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts, IFES RAS. Moscow, 17 and 19 March 2021]. M.: IDV RAN, 2021. 392 s. (In Russ.).

8. Mel'nikov I.I. Vydayushchiysya opyt КРК — dostoyaniye vsego mira [The outstanding experience of the CPC is the heritage of the entire world] // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021, 3: 7—13. (In Russ.).

9. Mikheyev V.V., Lukonin S.A. Vtoroye stoletiyе Kommunisticheskoy partii Kitaya i novaya bipolyarnost' [The second centenary of the Communist Party of China and the new bipolarity] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya — 2021. Tom 65. Vypusk № 7. C. 25—33. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33.* (In Russ.).

10. *Kommentariy Agentstva Sin'khua «Opyt Kitaya po bor'be s bednost'yu polezn vo vsem mire — posol RF v Kitaye A.I. Denisov».* 2021-03-06 15:56:16?Russian.News.Cn. Pekin, 6 marta /Sin'khua/ [Interview of the Ambassador of the RF to China A.I. Denisov to the Xinghua New Agency on 06.03.2021]. URL: http://russian.news.cn/2021-03/06/c_139789493.htm (data obrashcheniya: 06.03.2021). (In Russ.).

11. *Kommentariy Agentstva Sin'khua «Eksklyuziv: 100-letiyе КРК pomozhet miru izuchit' opyt Kitaya v stroitel'stve sotsializma s kitayskoy spetsifikoy — rossiyskiy kitayevеd Yu. Tavrovskiy».* 2021-02-08 11:55:29?Russian.News.Cn. Moskva, 8 fevralya /Sin'khua/ [Interview of Tavrovskiy Yu.V. to IA Xinghua on 08.02.2021]. URL: http://russian.news.cn/2021-02/08/c_139729724.htm (data obrashcheniya: 09.02.2021). (In Russ.).

12. Maslov A.A. Kitay vybirayet natsional'nogo lidera [China elects the national leader]. *Interv'yu rukovoditelya Shkoly vostokovedeniya VShE professora A.A. Maslova v pryamom videofire Pravda.Ru* 23.12.2016 g. URL: <https://www.pravda.ru/world/1321030-maslov/> (data obrashcheniya: 26.04.2021). (In Russ.).

13. Vinogradov A.V., Salitskiy A.I. *Mozhno li govorit' o formirovaniy v Kitaye novogo obshchestvennogo stroya?* [On the problem of formation of a new social formation in China] // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. Tom 89, № 2 (2019). s. 172—178.* URL: <https://journals.eco-vector.com/0869-5873/article/view/11429>; DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873892172-178> (data obrashcheniya: 21.03.2021). (In Russ.).

14. Marks K. *Ekonomiko-filosofskiye rukopisi 1844 goda* [The economic and philosophical manuscripts dated 1844 A.D.] / K. Marks, F. Engel's. Soch. 2-e izd. T. 42. Pp. 44—174. (In Russ.).

В.Л. Нежданов

ОСОБЕННОСТИ ВОКАБУЛЯРА «ИДЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА О СОЦИАЛИЗМЕ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ НОВОЙ ЭПОХИ» В ОТНОШЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию вокабуляра «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи». Проводится рассмотрение основных концепций, неологизмов, рассматривается взаимозависимость и иерархия компонентов, составляющих «идеи Си Цзиньпина». Система «идей Си Цзиньпина» создает зависимость концепций, относящихся к внешнеполитической сфере, от внутривнутриполитических концепций. Основным источником «идей Си Цзиньпина» являются выступления, речи, комментарии и статьи действующего председателя КНР и генерального секретаря КПК.

«Идеи Си Цзиньпина» учитывают партийные и государственные концепции, предложенные предыдущими поколениями руководителей, и выступают в качестве интеллектуального развития подходов, заложенных в рамках политики реформ и открытости. Автор приходит к выводу, что концепции «идей Си Цзиньпина» преследуют своей целью обеспечение лучшего теоретического сопровождения государственного управления на современном этапе и создание обновленной, отвечающей современным целям и задачам государственной идеологии.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, «идеи Си Цзиньпина», внешняя политика, управление.

Автор: Нежданов Владимир Львович, магистр международных отношений, ассистент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета; соискатель Дипломатической академии МИД России. ORCID: 0000-0002-1533-069X; E-mail: vn1993@yandex.ru

FEATURES OF THE VOCABULARY OF «XI JINPING THOUGHT ON SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS FOR A NEW ERA» IN RELATION TO FOREIGN POLICY

Abstract. The article is devoted to the study of the vocabulary of «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era». The main concepts and neologisms as well as the interdependence and hierarchy of the components that make up the «Xi Jinping Thought» are considered. The system of the «Xi Jinping Thought» creates a dependence of concepts related to the field of the foreign policy and domestic political concepts. The main source of «Xi Jinping Thought» are speeches, comments and articles by the current President of the People's Republic of China and the General Secretary of the CPC.

«Xi Jinping Thought» takes into account the party and state concepts proposed by previous generations of leaders and acts as an intellectual development of the approaches laid down in the framework of the reform and opening up policy. The author comes to the conclusion that the concepts of «Xi Jinping Thought» are aimed at providing better theoretical support for public administration at the present stage and creating an updated state ideology that meets modern goals and objectives.

Keywords: China, PRC, CPC, «Xi Jinping Thought», foreign policy, governance.

Author: Nezhdanov Vladimir L., Master of International Relations, Assistant, Department of History and World Politics, Tyumen State University (Tyumen, Russia); Applicant, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow). ORCID: 0000-0002-1533-069X; E-mail: vn1993@yandex.ru

Развитие партийно-государственных подходов как в отношении внутренней, так и внешней политики Китайской Народной Республики связывают с именем генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина или с «пятым поколением руководителей», занявших ключевые партийные и государственные позиции в конце 2012 — начале 2013 г.

Предлагаемые пятым поколением руководителей новации партийно-государственного дискурса, объединенные под общим назва-

нием «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» (习近平新时代中国特色社会主义思想) (далее — «идеи Си Цзиньпина» [习近平思想 или 习思想]) выступают развитием прежних концепций социализма с китайской спецификой, основываясь на официальных выступлениях, заявлениях, статьях, комментариях и политических концепциях, выдвинутых председателем КНР после 2012 г. Совокупность этих идей содержит основные цели и задачи строительства и развития социализма с китайской спецификой, что позиционируется как достижение в китаизации марксизма [2].

Хотя содержание «идей Си Цзиньпина» было обнаружено только на XIX съезде КПК (2017), концепции, связанные с развитием и реформированием внутривластной системы КНР наряду с идеями реформирования международного порядка стали появляться сразу после XVIII съезда (2012).

Профессор В.Г. Буров отмечает, что после XVIII съезда КПК партийно-государственный дискурс подвергся масштабным изменениям, касающимся как теории, так и вопросов социально значимых ценностей, международных отношений [1, с. 4].

Британский специалист Ч. Партон, говоря об изучении КНР, обращает внимание на необходимость учитывать, что, несмотря на развитие и изменение страны, марксизм остается идеологией, играющей ключевое значение при формировании внутренней и внешней политики Китая [7].

Запрос на укрепление идеологической базы КПК-КНР проявился еще в середине 2000-х годов, когда критика неолитерализма с целью обеспечить политическую стабильность страны была провозглашена важнейшей задачей [3, с. 104].

Следует заметить, что Шэнь Хайсюн, партийный и государственный деятель КНР, занимающий должность заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПК и генерального директора Медиакорпорации Китая, подчеркивает, что марксизм по умолчанию выступает ведущей силой в современной культуре страны [5, с. 364].

В 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что марксистская философия позволяет глубже понимать закономерности мирового развития, без чего будет трудно преодолевать возрастающие риски [13]. Позже он акцентировал внимание на сохранении марксизма в качестве основного теоретического метода [9]. Жизнеспособность марксистской идеологии связывается с ее постоянным обновлением, что делает долгом китайских коммунистов способствовать развитию марксизма, используя политическую практику Китая [17]. Мироззрение и методо-

логию политической деятельности КПК—КНР продолжает составлять диалектический материализм [15], тогда как закономерности мирового развития рассматриваются с позиций исторического материализма [16].

Наконец, в декабре 2021 г. на страницах журнала «Цюши» Си Цзиньпин сделал акцент, что для понимания современного Китая первостепенное значение приобретает понимание тактики и стратегии КПК, ее идеологического курса и исторического опыта [12].

Подобный подход приобретает особое значение, поскольку в КНР активно публикуются книги о современном понимании марксизма, идет работа по развитию теории, ее приспособлению к современным условиям. В вышедшем 26 августа 2021 г. программном докладе «Историческая миссия и вклад КПК» (中国共产党的历史使命与行动价值) указывается, что марксизм выступает путеводной идеологией КПК, марксизм должен использоваться для поиска истины, понимания мира, его закономерностей и его преобразования, а не в качестве жесткой догмы [18].

Таким образом, с 2012 г. КПК—КНР переживает переход от большей степени технократических к в большей степени идеологическим подходам во внутренней и внешней политике, тогда как включение «идей Си Цзиньпина» в Устав КПК и Конституцию КНР означает долгосрочный характер указанных изменений.

«Идеи Си Цзиньпина» предполагают развитие и актуализацию подходов в рамках политики «реформ и открытости». Председатель КНР неоднократно подчеркивал, что продолжение политики реформ и открытости в КНР важно для мирового благополучия так же, как и глобальная стабильность для продолжения укрепления позиций Китая [8, р. 272]. Вместе с тем Шэнь Хайсюн рассматривает «идеи Си Цзиньпина» в качестве квинтэссенции стратегического замысла о развитии реформ и открытости (с. 585).

Таким образом, рассматриваемая система направлена на дальнейшее развитие политики, начавшейся в конце 1970-х годов, подстраивая ее под условия и нужды современности.

Что касается терминологического наполнения, то «учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао» в 2021 г. предложила разделить неологизмы «идей Си Цзиньпина» на ряд групп, а именно [4]:

1) «Общие сведения», которая включает в себя такие концепции, как «Китайская мечта» (中国梦) [4, с. 15], «Две столетние цели» (两个一百年) [4, с. 21], «Четыре всесторонних аспекта» (四个全面)

[4, с. 27], «Пять в одном» (五位一体) [4, с. 33], «Один пояс, один путь» (一带一路) [4, с. 44] и др.;

2) «Построение общества средней зажиточности», включающая такие концепции, как «Экономический пояс вдоль р. Янцзы» (长江经济带) [4, с. 66], «Пустые разговоры наносят ущерб национальным интересам, а реальная деятельность способствует процветанию государства» (空谈误国实干兴邦) [4, с. 73], «Основные ценности социализма» (社会主义核心价值观) [4, с. 80] и др.;

3) «Углубление реформ», включающая концепции «Модернизация государственного управления» (国家治理现代化) [4, с. 102], «Чувство обретения» (获得感) [4, с. 107], «Всестороннее углубление реформ» (全面深化改革) [4, с. 112] и др.;

4) «Соблюдение партийной дисциплины», в которую входят такие концепции, как «Даже камень и железо поддаются обработке» (踏石留印抓铁有痕) [4, с. 166], «Правила из восьми пунктов» (八项规定) [4, с. 173], «Ключевое меньшинство» (关键少数) [4, с. 180] и др.;

5) «Международные отношения и дипломатия Китая», в которую вошли такие концепции, как «Международные отношения нового типа» (新型国际关系) [4, с. 310], «Доброжелательность, искренность, взаимная выгода и толерантность» (亲诚惠容) [4, с. 317], «Сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体) [4, с. 324], «Концепция правильного понимания справедливости и выгоды» (正确义利观) [4, с. 330] и др.

Подобное разделение, вероятно, связано с реализацией задач «двух столетних целей», предполагающих построение среднезажиточного общества в КНР к столетию КПК (2021) и комплексное укрепление позиций страны к столетию КНР (2049), что выступает ключевым условием для воплощения в жизнь «китайской мечты».

В выступлении по случаю столетия Коммунистической партии Китая 1 июля 2021 г. Си Цзиньпин заявил, что КНР достигла первой столетней цели по искоренению бедности и построению общества средней зажиточности, а значит Китай начал движение к достижению второй столетней цели — превращению страны в великое, современное социалистическое государство [14].

Построение иерархии концепций, предложенной «Жэньминь жибао» идет от «Китайской мечты» (中国梦), формируя остальную систему партийных, внутривластных и внешнеполитических подходов по сути вокруг центрального элемента.

Вместе с тем следует заметить, что система ключевых слов «идей Си Цзиньпина» продолжает активное развитие, пополняясь новыми

концепциями, описывающими вопросы партийного и государственного строительства. В этой связи можно предложить более узкую группировку концепций «идей Си Цзиньпина», разделив их на следующие группы:

- 1) «Углубление реформ»;
- 2) «Развитие КНР как социалистического правового государства»;
- 3) «Развитие инвестиционной деятельности за рубежом и управление мировой экономикой»;
- 4) «Память о Второй мировой войне и приходе к власти КПК»;
- 5) «Особый национальный характер Китая»;
- 6) «Международные отношения и дипломатия Китая»;
- 7) «Гармоничное развитие человека и природы, а также вопросы экологии»;
- 8) «Наука и технологии» [6].

Важной особенностью концепций, предлагаемых в рамках «идей Си Цзиньпина», выступает то, что рассматриваемые выражения могут быть разделены на «политические концепции» и «выражения, прямо или косвенно связанные с традиционной культурой Китая».

В 2015—2018 гг. были опубликованы два тома издания «Выражения Си Цзиньпина» (习近平用典), которые демонстрируют связь речей и выступлений председателя КНР и обновляемого партийно-государственного дискурса с элементами китайской традиционной культуры [10, 11].

Вместе с тем, «политические концепции», при их интерпретации, подчеркнута демонстрируют связь с теорией марксизма и с «китаизированным марксизмом». Все это позволяет говорить о том, что система «идей Си Цзиньпина» базируется на трех ключевых столпах, а именно: теории марксизма, «идеях Мао Цзэдуна», «теории Дэн Сяопина», — а также идейных новациях третьего и четвертого поколения руководителей, китайской традиционной культуре.

Таким образом, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», наряду с их концептуальным наполнением, сохранят свое значение в том числе после XX съезда КПК, поскольку выступают частью Устава партии и Конституции страны, что говорит об окончательном укреплении концепции «идей Си Цзиньпина» в общей идеологической системе КПК—КНР. Более того, демонстрация связанности «идей Си Цзиньпина» с китайской традиционной культурой, теорией марксизма и «китаизированным марксизмом» де-

монстрирует, что нынешнее обновление партийно-государственного дискурса выступает своеобразным венцом развития китайской партийно-государственной системы.

Во-вторых, многочисленные группы концепций «идей Си Цзиньпина» нацелены на детальную проработку каждого элемента системы и предложение целостной картины происходящего. Каждый элемент системы и каждая группа взаимопроникаемы, тогда как элементы внутривнутриполитического и внешнеполитического развития взаимосвязаны. В этой связи успешное применение одной концепции оказывает влияние на развитие и продвижение остальных.

Наконец, предлагаемые в рамках «идей Си Цзиньпина» концепции не выступают окончательным вариантом, поскольку система предполагает, что концепции обладают логикой внутреннего развития и способны к эволюции в случае изменения внешних условий. Цель «идей Си Цзиньпина» заключается в обеспечении теоретического сопровождения государственного управления и создании обновленной, отвечающей современным целям и задачам государственной идеологии.

Библиографический список

1. Буров В.Г. Новые тенденции в китайской идеологии после XVIII съезда КПК // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 4–13.
2. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи. Жэньминьван. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0916/c416957-9897207.html> (дата обращения: 14.03.2022).
3. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. М.: Центр Карнеги. 2005. 647 с.
4. Ключевые слова Си Цзиньпина. Науч. Ред. Ван Бинь. Сост.: «Учебная группа» зарубежного издания «Жэньминь жибао». М.: ООО Международная издательская компания «Шанс». 2021. 351 с.
5. Шэнь Хайсюн. Си Цзиньпин и политика реформ и открытости. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс». 2021. 799 с.
6. Keywords to Understand China [Ключевые слова для понимания Китая] // URL: <http://keywords.china.org.cn/index.htm> (дата обращения: 14.03.2022).
7. Parton Ch. China watching in the 'New Era': A guide. Council on Geostrategy [Китай смотрит в «Новую эру»: Путеводитель. Совет по геостратегии]. URL: <https://www.geostrategy.org.uk/research/china-watching-in-the-new-era-a-guide/> (дата обращения: 14.03.2022).

8. Xi Jinping. The Governance of China [Управление Китая]. Vol. 1. URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook1en/mobile/index.html> (дата обращения: 14.03.2022).

9. Си Цзиньпин цзай чжэсюэ шэхуэй кэсюэ гунцзо цзуотань хуэй шан дэ цзянхуа [Выступление Си Цзиньпина на симпозиуме по философии и общественным наукам]. Новостной портал КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (дата обращения: 15.03.2022).

10. Си Цзиньпин юн дянь, ди и цзи [Выражения Си Цзиньпина, часть 1]. «Отдел комментариев», издания «Жэньминь жибао». 2015. 306 с.

11. Си Цзиньпин юн дянь, ди эр цзи [Выражения Си Цзиньпина, часть 2]. «Отдел комментариев», издания «Жэньминь жибао», 2018. 356 с.

12. Си Цзиньпин. «Ду дун цзиньтянь дэ Чжунго, бисюй ду дун Чжунго Гунчаньдан» [Си Цзиньпин. «Чтобы понять сегодняшний Китай, нужно понять Коммунистическую партию Китая»]. Цюши ван. URL: http://www.qsttheory.cn/zhuanqu/2021-12/03/c_1128126506.htm (дата обращения: 15.03.2022).

13. Си Цзиньпин. Туйдун цюань дан сюэси хэ чжанво лиши вэйву чжуи гэн хао жэньши гуйлю гэнцзя нэндун ди туйцзинь гунцзо [Си Цзиньпин. Поощрять партию изучать и осваивать исторический материализм, лучше понимать законы и активнее продвигать работу]. Жэньминь жибао. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2013/1205/c64094-23748665.html> (дата обращения: 15.03.2022).

14. Си Цзиньпин: Цзай цинчжу Чжунго гунчаньдан чэнли ибай чжоунянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Си Цзиньпин: речь на праздновании столетия со дня основания Коммунистической партии Китая]. Новостной портал КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0701/c437828-32145969.html> (дата обращения: 15.03.2022).

15. Си Цзиньпин: бяньчжэн вэйву чжуи ши Чжунго гунчаньдан жэнь дэ шицзегуань хэ фанфалунь [Си Цзиньпин: Диалектический материализм — это мировоззрение и методология китайских коммунистов]. Новостной портал КПК. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0101/c83846-30497908.html> (дата обращения: 15.03.2022).

16. Си Цзиньпин: цзяньчи лиши вэйву чжуи будуань кайпи дандай Чжунго макэсы чжуи фачжань синь цзинцзе [Си Цзиньпин: придерживаться исторического материализма и постоянно открывать новую область развития современного китайского марксизма]. Государственный совет КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-01/15/content_5469442.htm (дата обращения: 15.03.2022).

17. Цзай цзиньнянь Макэсы даньчэнь 200 яжоунянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Выступление на праздновании 200-летия со дня рождения Маркса] // Цюши. URL: http://www.qsttheory.cn/dukan/qs/2018-05/15/c_1122827825.htm (дата обращения: 15.03.2022).

18. Чжунго гунчаньдан дэ лиши шимин юй синдун цзячжи [Историческая миссия и значение деятельности Коммунистической партии Китая]. Жэньминь Жибао. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2021/0827/c1001-32209828.html> (дата обращения: 15.03.2022).

References

1. Burov V.G. *Novyye tendentsii v kitayskoy ideologii posle XVIII s'yezda KPK [New Trends in Chinese Ideology after the 18th CCP Congress]*. Aziya i Afrika segodnya. 2020. P. 4—13.
2. *Idei Xi Jinpina o sotsializme s kitayskoy spetsifikoy novoy epokhi [Xi Jinping's Ideas on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era]*. Renminwang. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0916/c416957-9897207.html> (accessed: 14.03.2022).
3. *Keywords to Understand China* // URL: <http://keywords.china.org.cn/index.htm> (accessed: 14.03.2022).
4. Mikheev V. *Kitay: ugrozy, riski, vyzovy razvitiyu [China: Threats, Risks, Development Challenges]*. Moscow, 2005. 647 p.
5. Parton Ch. *China watching in the 'New Era': A guide*. Council on Geostrategy. URL: <https://www.geostrategy.org.uk/research/china-watching-in-the-new-era-a-guide/> (accessed: 14.03.2022).
6. Shen Haixiong. *Xi Jinping i politika reform i otkrytosti [Xi Jinping and the policy of reform and opening up]*. Moscow, 2021. 799 p.
7. Wang Bin. *Klyuchevyye slova Xi Jinpina [Keywords of Xi Jinping]*. Moscow, 2021. 351 p.
8. *Xi Jinping yong dian, di er ji [Xi Jinping's Dictionaries, Volume 2]*. Beijing, 2018. 356 p.
9. *Xi Jinping yong dian, di yi ji [Xi Jinping's Dictionaries, Volume 1]*. Beijing, 2015. 306 p.
10. *Xi Jinping zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotan hui shang de jianghua [Xi Jinping's speech at the symposium on philosophy and social sciences]*. CPC News Portal. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (accessed: 15.03.2022).
11. *Xi Jinping. The Governance of China. Vol. 1*. URL: <http://en.chinadiplomacy.org.cn/ebook/xibook1en/mobile/index.html> (accessed: 14.03.2022).
12. *Xi Jinping: Bianzheng weiwu zhuyi shi Zhongguo gongchandang ren de shijieguan he fangfalun [Xi Jinping: Dialectical materialism is the worldview and methodology of the Chinese Communists]*. CPC News Portal. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/0101/c83846-30497908.html> (accessed: 15.03.2022).
13. *Xi Jinping: Jianchi lishi weiwu zhuyi buduan kaipi dangdai Zhongguo makeshi zhuyi fazhan xin jingjie [Xi Jinping: Adhere to historical materialism and constantly open up a new realm of development of contemporary Chinese Marxism]*. PRC State Council. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-01/15/content_5469442.htm (accessed: 15.03.2022).
14. *Xi Jinping: Tuidong quan dang xuexi he zhangwo lishi weiwu zhuyi geng hao renshi guilu gengjia nengdong di tuijin gongzuo [Xi Jinping: Promote the whole party to study and master historical materialism, better understand the laws, and advance work more actively]*. Renmin Ribao. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1205/c64094-23748665.html> (accessed: 15.03.2022).
15. *Xi Jinping: Zai qingzhu Zhongguo gongchandang chengli yibai zhounian dahui shang de jianghua [Xi Jinping: Speech at the Celebration of the Centenary of the*

Founding of the Communist Party of China]. CPC News Portal. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2021/0701/c437828-32145969.html> (accessed: 15.03.2022).

16. Xi Jinping: «Du dong jintian de Zhongguo, bixu du dong Zhongguo gongchandang» [Xi Jinping: «To understand today's China, you must understand the Communist Party of China»]. QS Theory. URL: http://www.qstheory.cn/zhuanqu/2021-12/03/c_1128126506.htm (accessed: 15.03.2022).

17. Zai jinian makesi danchen 200 zhounian dahui shang de jianghua [Speech at the commemoration of the 200th anniversary of the birth of Marx] // QS Theory. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-05/15/c_1122827825.htm (accessed: 15.03.2022).

18. Zhongguo gongchandang de lishi shiming yu xingdong jiazhi [The historical mission and action value of the Communist Party of China]. Renmin Ribao. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2021/0827/c1001-32209828.html> (accessed: 15.03.2022).

Summary

Kondrashova L.I.

D.Sc. (Economics), Chief Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: lu270133@yandex.ru

THE CHINESE COMMUNIST PARTY AS THE DOMINANT INSTITUTION OF THE CHINESE WAY OF DEVELOPMENT

Abstract. In 2021, China solemnly celebrated the 100th anniversary of the Chinese Communist Party, the mass peace party, which had 95.148 million members as of June 5, 2021. This is a party of a new type, which, like a reinforced concrete structure, fastens the entire framework of the Chinese state. As one of china's most important official slogans goes, “Without the CPC, there would be no modern China”. According to strict organizational discipline, ritual attributes (taking an oath of allegiance), mythologization of leaders, messianic role in the system of power, the CPC is closer to a spiritual union-order than a parliamentary party of the Western type. It is distinguished from such a party by a stable monopoly position in the electoral system and by the complete absence of political competitors.

In terms of modern political attitudes, “the party controls everything”, it controls the activities of all legislative and executive bodies, thereby performing dictatorial functions. Fidelity to the postulates of Marxism-Leninism and the official doctrine of “socialism with Chinese characteristics” it makes be possible to classify the CPC as a ordinary communist party. At the same time, having initiated market reforms and legitimized the existence of private ownership of the means of production, the CPC took into its own hands the “sinicization of Marxism”, which gave food to its accusations of revisionism and deviation from communist ideals. The fifth generation of communist leaders, who came to the leadership of the country in 2012, launched an unprecedented fight against corruption and various kinds of disproportions in the field of distribution, which arose in the course of modernization and marketization. It may be seen as a demonstration of the devotion to the original goals (“red banners”) and readiness to resist the trends of Westernization. The main direction of theoretical research is now the problem of combining socialism with the market, the increasing eco-

conomic efficiency with the establishment of social justice. The “assumption of capitalism” in China was necessary as a sharp acceleration in the rate of economic growth and is now eliminating by the fight against poverty and by the restrictions against the political ambitions of the representatives of the entrepreneurial class.

Keywords: Communist Party of China, centenary of the CPC, “socialism with Chinese characteristics”, communism.

Borodich V.F.

Ph.D. (Law), Leading Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: borodich@rambler.ru

**KNOTS OF CONTRADICTIONS OF PRC POLITICAL GOVERNANCE
MODEL IN THE FIRST TWO DECADES OF PEOPLE'S POWER**

Abstract. The article raises the topic of knots of contradictions as a tool for studying the past, present and future prospects of the political regime in the PRC on the example of the first two decades of its transformation into the regime of personal power of Mao Zedong.

The author identifies three knots of contradictions, the resolution of which, in his opinion, is the essence and content of the political process in the state: the struggle between cadres who were trained in the USSR and familiarized, to one degree or another, with the teachings of Marxism and the experience of the Marxist movement in the capitalist countries of Europe, conditionally, “internationalists”, on the one hand, and cadres who perceived the Marxist-Leninist teaching in the conditions of only Chinese reality, conditionally — “soilers”; contradictions between the individual and collectivist models of leadership of the Communist Party, which have become the main knot of contradictions. These contradictions were the dominant factor in the party building and political process in China, right up to the early years of the proclaimed in the late 1970s. reform policies; contradictions caused by the introduction in 1956 of the institution of party groups in state institutions, when two logics intersect and co-exist — political rule and public administration, which contains the possibility of interference with the administration process.

The article ends with the author's assumption that the collectivist model of the leadership of the CPC, which replaced the model of Mao Zedong's one-man authoritarian rule at the turn of the 1970s-1980s., with the election of Xi Jinping as the General Secretary of the CPC Central Committee in 2012, began to transform into a model of one-man authoritarian rule, which differs from the model that existed under Mao Zedong, the leader's focus on management competence and the comprehensive development of the country's national power as the main indicators of the effectiveness of the authoritarian rule regime.

Prospects for the emerging model of competent authoritarian one-man rule, in the author's opinion, deserve separate consideration.

Keywords: China, PRC, CPC, contradictions, collective and individual authoritarianism, political process, political rule, public administration.

Chubarov I.G.

Ph.D. (Human Geography), Senior Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ichubarov@iccaras.ru

GROUP STUDY SESSIONS FOR TOP OFFICIALS AS A ENDOGENOUS ELEMENT OF CHINESE POLITICAL SYSTEM

Abstract. The paper is devoted to specific element of Chinese political system which are collective study sessions for top Party officials which celebrates 20 years anniversary since the first such meeting. The paper traces ideological-philosophical foundation and current history of such meetings, analyzes how its organized and usual themes covered. The institution of collective study sessions for the CPC Central Committee Politburo members gradually evolved from lectures on legal topics for the top leadership, which were held irregularly after the beginning of economic reforms. Since they began in their modern form in late 2002, there have been 155 study sessions to date, including 77 chaired by Hu Jintao and 78 chaired by Xi Jinping. The study sessions are usually held in Beijing, with 1–2 guest speakers from among professors or industry analysts. With the obligatory closing remarks by the secretary-general, they have become a prominent platform for the official position at the highest level.

Study sessions strengthen the link between the government officials and scientific community, support high social status of the expert knowledge. Cultural and ideological factors such as traditional Confucianism, Marxist materialism, and Western theories of corporate governance contributed to their emergence. Collective study sessions for senior executives is a Chinese political innovation, a characteristic element of its indigenous social model.

Keywords: China, CPC, Politburo, political system, learning organization.

Ziganshin R.M.

Ph.D. (Philosophy), Researcher,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: rinatzigan@mail.ru

TRADITIONS AND MODERNISM IN IDEOLOGY AND CHINA'S MODERN POLITICS

Abstract. China's entire history shows the importance of the relationship between tradition and modernity in the life of the state and society. In every so-

ciety, in its very nature, there are two directly opposite tendencies: the desire to preserve traditions and the desire for modernization, renewal. They are like two sides of the same coin, like Yin and Yang exist in inseparable unity. Determine and condition the very existence and historical development of various societies and states. It is important to maintain balance and harmony between them. A roll in any direction entails undesirable consequences in the form of, for example, various social fermentations and shocks. Any extreme is fraught with the appearance of its opposite. For example, the times of rampant liberties and anarchy are replaced, as a rule, by tightening the screws and suppression of rights and freedoms. As on the contrary, rigid totalitarianism, authoritarianism is fraught with anarchy and unrest, since both in their extreme forms cause social protest in society and the need for the opposite phenomenon. Here we see the manifestation of the universal law, characteristic including and for traditional Chinese philosophy, according to which opposites generate and mutually condition each other.

China, by its example, shows Russia and the whole world how to carry out reforms and solve internal and external problems. Currently, the interest of the whole world in China is growing more and more, this is due to the gigantic pace of its development, amazing successes in the economy, international politics, and diplomacy. Although, China began its reforms and transformations from much worse starting positions in 1978 under the leadership of Deng Xiaoping than the USSR under the leadership of Mikhail Gorbachev in 1985. Whose reforms (I think long overdue by that time, but belated, besides largely illiterate organized) led to the complete collapse of a great country! Now, the importance of the Middle Empire in world processes has grown so much that, even trying to outwardly remain on the sidelines, China has long challenged the world hegemon — the United States. Which, along with Russia, has become one of his main “problems” and is increasingly causing him “concern”.

Keywords: China, tradition, modernization, state, society, Marxism, Maoism, Confucianism.

Pikover A.V.

Senior Researcher,

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

E-mail: pikover@mail.ru

THE CPC'S POSITION ON THE INFORMATIZATION AS ONE OF THE LEADING DRIVERS OF THE COUNTRY'S MODERNIZATION

Abstract. Informatization is one of the most dynamically developing and financially supported industries in China. Hu Jintao's report at the XVIII CPC Congress held in 2012 indicated that there are four most important ways to mo-

modernize the country: informatization, urbanization, industrialization, and modernization of agriculture. The leadership of the People's Republic of China encourages the development of informatization, uses information technology to improve its work. The party nomenclature has been actively mastering network information technologies for a long time, understanding their role and importance in the control and management of society. The Internet and modern technologies are very popular in big cities. The state policy is aimed at spreading the use of information technologies in small towns and villages. Thus, the development of informatization depends to a great extent on the motivation and support of the political leadership of the country.

Keywords: China, PRC, CPC, Xi Jinping, digital economy, informatization, modernization, “Internet+”, “Artificial Intelligence+”.

Novoselova L.V.

D.Sc. (Economics), Chief Researcher,

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

E-mail: novoselova@iccaras.ru

CHINA: SECOND YEAR OF REMISSION

Abstract. The article discusses the main directions and instruments of the PRC socio-economic policy within fighting against the COVID-19 coronavirus epidemic and its consequences. Both budgetary measures and monetary policy of the PRC authorities are analyzed. The author offers an assessment of China's anti-crisis package, which is close to the average level of the developed economies with a more active use of state, and above all budgetary resources, compared with other countries.

The normalization of the epidemiological situation, combined with the high performance of the measures taken by the Chinese authorities to stimulate the economy, provided generally positive results in 2020. China turned out to be the only major economy with positive growth dynamics, its international position has strengthened. The trends of economic recovery continued in early 2021. At the same time, being achieved due to large credit injections, significant investments and outstripping export growth, all this, in fact, brought China back to the traditional and already obsolete model of extensive economic development, which the government has been trying to get rid of over the past decade. At the beginning of the year this resulted in the cancellation or mitigation of a number of anti-crisis measures. However, faced with serious obstacles along the way, the authorities were forced to resort again to so-called counter-cyclical measures in order to stimulate the economy and business activities.

Due to the timely adjustment of macroeconomic regulation in 2021, the PRC managed to achieve good quantitative indicators of development, despite

the difficulties and uneven character of the recovery growth. It is obvious, however, that the “coronacrisis” will significantly complicate and delay the officially declared transition of the Chinese economy to more efficient development based on innovation, “green production” and growing domestic demand.

Keywords: China, coronavirus infection, anti-crisis package, government resources, credit overhang, GDP, efficiency.

Sharipov F.F.

Ph.D. (Economics), Associate Professor,
Head of the Department of International Production Business, State University
of Management
E-mail: fanissh@rambler.ru

Timofeev O.A.

Ph.D. (History), Associate Professor,
People’s Friendship University of Russia
E-mail: timooa@mail.ru

**ON REFORMING ENTERPRISES OF THE STATE SECTOR
OF THE ECONOMY OF CHINA**

Abstract. Experts assess differently the role of public sector enterprises in the Russian economy at the present stage. In this connection, it is interesting to study the experience of intensifying the efforts of the Chinese leadership to improve industrial policy is a natural response to the turbulence of the world economy, a set of internal and external challenges to the Chinese economy, primarily related to with COVID-19 recovery. Among the measures taken in this area, we would like to draw attention to the continuation of the reform of public sector enterprises, which began in the previous 13th Five Year Plan. This includes improving the management tools of the 97 largest central State companies operating in all defence and key civilian sectors. The State Council Committee on Control and Management of State Property is responsible for this complex work. The key task is to ensure national scientific and technological progress and minimize the technological dependence of China. The 2020—2022 Public Sector Reform Action Plan was approved at the meeting of the CPC Central Committee on Comprehensive Deepening of Reforms, headed by Xi Jinping. The plan is based on the continuation of mixed ownership reforms, while strengthening the leadership role of the CCP and strengthening party-building in public corporations to encourage new investment. This requires offering investors clear rules of the game and ensuring an appropriate level of transparency of the Chinese market.

Keywords: public sector, Russia, China, enterprise reform, state corporations of central subordination, technological innovations, investments.

Bazhenova E.S.

Ph.D. (Economics), Leading Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

**CHINA POVERTY ELIMINATION: NEW TASKS AND PROSPECTS
FOR THE 14TH FIVE-YEAR PLAN PERIOD (2021—2025)**

Abstract. The article devoted to the analysis of the final stage of the struggle with absolute poverty in China and new tasks and prospects for the next Five-Year plan period. China fulfilled misery elimination task envisaged by the United Nations agenda for the period up to 2030 in the field of sustainable development 10 years earlier comparing with the contemplated term. In May, 2021 at the final conference devoted destitution elimination the Chairman Xi Jinping declared the final victory over poverty and pointed out that in spite of this success China would continue international cooperation on the field of the struggle with misery, giving all possible support to developing and poor countries. The White Book which is called “the Struggle with Poverty: Chinese experience and contribution” was published by the Press-Bureau of the State Council with the aim “to show the main stages of the great struggle of Chinese people with misery and to share its experience with the other countries”. China spent many decades for fulfillment of this very difficult task. Each country has its own reasons for poverty increase and its own possibilities for its elimination, but it is possible to take into account some aspects of Chinese experience such as policy orientation in the struggle with misery at address support of poor people, concentration of these efforts on the main directions, responsibility of local authorities, active participation in global cooperation. For many years Chinese government spent a lot of efforts for poverty decrease and the improvement of poor population living standards, where the development of poor rural areas is on the first place. It is not sufficient to direct resources for fulfillment of this task, real actions are included broad spheres of infrastructure building in rural regions as the main condition for poor people income increase, broadening possibilities of social insurance and different services in the field of public health, education and culture.

Keywords: abject poverty, population number, misery elimination, social and economic development, population distribution, living conditions, population income.

Guruleva T.L.

D.Sc. (Education), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

CHINA'S EDUCATION SYSTEM IN 2016—2020 AND TASKS OF ITS DEVELOPMENT UNTIL 2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main results of the implementation of the 13th five-year plan for the socio-economic development of China in the field of education and the study of the main directions of development of the education system for the period of the 14th five-year plan. The study showed that the tasks of the 13th five-year plan in this area were mainly fulfilled and overfulfilled, and according to some statistical indicators, China even overtook the states with middle and high incomes. In connection with the achievement of the limiting statistical indicators of the development of the education system, it became obvious that the extensive path of development of education has exhausted itself and the dynamics of the functioning of the education system should be measured by indicators that assess its quality, and not the amount of human and material resources integrated into it. Therefore, in October 2020, the CPC Central Committee and the State Council of the PRC set a goal to develop by 2035 a new system for assessing the quality of education based on a wide range of proposed parameters. In addition, in November 2020, the CPC Central Committee also outlined the main tasks of developing the education system for the 14th five-year plan.

Keywords: China, PRC, education in China, modernization of education in the PRC, education system.

Guleva M.A.

Ph.D. (Economics), Associate Professor, Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: guleva.m@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE NON-STATE EDUCATION SECTOR IN CHINA AT THE PRESENT STAGE

Abstract. In the last decade, improving the qualitative characteristics of the population has become crucial for the Chinese authorities. Science and education have been proclaimed as the 'backbone' of socialist modernization and the 'root' for the further development of Chinese society.

Until recently, the main focus for the authorities has been the basic public education system, in the development of which impressive results have been achieved over the years of reform. The private education segment, although formally politically supported, has developed rather erratically. Economic reforms in the country have created preconditions for increased demand for private as

well as public education, which has been stimulated by a number of factors, including growth of welfare and urbanization, as well as accessibility of private educational institutions for migrants moving to other regions to earn money. However, the development of the non-state education sector had distinct regional specificities, so it has been quite uneven.

Recently, the development of private educational institutions has become one of the important activities of the authorities. The activity of private and international educational institutions is becoming more and more regulated, and control over their work and over ensuring the necessary level of education is becoming stricter. After a rather difficult year for the private sector in 2020, when almost all educational institutions were switched to distance learning due to the coronavirus pandemic, in 2021 the authorities started preparing unprecedented reforms that will affect the entire compulsory education segment and will have a significant impact on the future operation of all public schools in the country. Increased government oversight and stricter rules for the management of non-public schools at various levels are intended to strengthen the state's role in the private education sector, improve the quality of education and bring them to greater parity with public schools.

Keywords: China, PRC, non-state educational institutions, private schools, reforms, minban, pandemic, curriculum.

Kuchinskaya T.N.

D.Sc. (Philosophy), Ph.D. (Political Science), Associate Professor,
Head of Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University (TSU) (Chita)
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

**CHINESE REGIONALISM AS PARADIGM OF SPATIAL
DEVELOPMENT MANAGEMENT: MODERN TRENDS
(INTERNAL ASPECT)**

Abstract. The article is devoted to the study of the features of managing the spatial development in modern Chinese state. The main statements of the author are built on the basis of the Chinese regionalism methodology, developed within the framework of the scientific School of Interpretations of Regional Practices of Modern China (Transbaikal State University, Chita). The methodology makes it possible to comprehensively present the PRC's model of spatial development. The author presents Chinese regionalism as a tool for the spatial modernization of the PRC and its "internal" regions. The paper analyzes the main strategies and plans for the PRC's spatial development in the short and long term ("The Silk Road Economic Belt", "The 21st Century Maritime Silk Road" (within the framework of the "One Belt — One Road Initiative"), "Yangtze River Economic Belt", "Beijing-Tianjin-Hebei Region", "Pearl River Delta" (Great Bay Region), etc.), and models of their coordinated development

within the framework of the new concept of building the PRC architectonics — “Double Circulation”. The characteristic of the representative model of Chinese regionalism, built on the basis of the relationship between the potential of China's ancient regional cultures and modern regional economic development, is presented. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the described model of Chinese regionalism is characterized by the desire to deepen and expand the interregional connectivity of the PRC space in order to ensure its sustainable and safe development. Building a new architectonics of China's spatial development requires further analysis through the lens of Russian-Chinese interstate, international and transborder interactions perspective.

Keywords: Chinese regionalism, spatial modernization, socio-cultural space, spatial development strategies, “double circulation”, regional culture, cultural corridors of the PRC.

Zaytseva T.R.

Lecturer,

Institute of Public Administration and Management,
RANEPa under the President of the Russian Federation

E-mail: tatanazaytseva888@mail.ru

**INTELLECTUAL PROPERTY COURT SYSTEM IN CHINA:
EMERGENCE AND DEVELOPMENT**

Abstract. This article analyzes the prerequisites for the emergence of courts for the protection of intellectual property rights and their legal status. The author, relying on the legislative acts of the PRC in the field of regulation of copyright and other related rights, highlights the main directions and problems of development of the protection of intellectual property rights in the PRC over the past thirty years. Rapid economic development after the proclamation of the policy of reforms and openness, the need of foreign investment, the need for scientific and technological progress have set the task of ensuring the protection of intellectual rights for government agencies.

China in 1980 became a member of the World Intellectual Property Organization and began actively reforming legislation in this direction. In the 80s and 90s of the XX century, several laws and regulations were adopted that legally guaranteed the protection of intellectual property. Also, since 1993, tribunals began to appear in the composition of the people's courts, considering exclusively disputes related to intellectual property. With the entry of the People's Republic of China into the World Trade Organization in 2001, the practice of creating separate instances for the solving of disputes on intellectual property rights has become widely used. The government policy of establishing a justice system in this area can be divided into two stages: in the first stage, fundamental legal acts were adopted and intellectual property rights courts were experimentally established in the cities of Beijing, Shanghai and Guangzhou; due to the effective-

ness of the established courts, the Court of Appeal and the fourth court of intellectual property rights in Hainan island were established in the second phase. In general, the practice of legislative regulation of the protection of copyrights and other intellectual property in the PRC is indicative, and it contributes to the rapid growth of high-tech industries of the national economy.

Keywords: PRC, China, Supreme People's Court, Judicial System, Intellectual Property Rights Courts, Copyright, Intellectual Property Law, Trademark, Patent, Utility Invention.

Zhilkibaev S.N.

Ph.D. student, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: prozrach@mail.ru

TRENDS IN RUSSIAN AND CHINESE LEGISLATION ON FOREIGN INVESTMENT: UNIFICATION AND HARMONIZATION

Abstract. In the process of foreign economic cooperation and partnership, many entrepreneurs face great difficulties of an economic, linguistic, sociocultural, and legal nature. For the effective legal support of the «comprehensive strategic interaction and partnership» between the Russian Federation and the PRC, as well as the pairing of the EAEU and the «One Belt and Road», reasonable unification and harmonization of the legislations of the partner countries is necessary, which is already taken care of by political leaders and legislators of our countries.

This problem stems from the general problem of transforming the national economies and social systems of Russia and China into a highly scientific and perfect production system of a socially oriented persuasion, using the attraction and accumulation of useful foreign investments.

The study is conducted on the basis of an analysis of economic statistics, the legal framework and scientific research of an economic and legal nature.

Summing up the interim results of the study, one should note the intensification of the legislative initiative of both countries on the rapid development of quantitative and qualitative characteristics of the legislation on foreign investment, its internal unification within the framework of civil and business law. Within the framework of the international legal field, a gradual and initial stage of harmonization is taking place at the level of regional and subregional ones. economic integration associations.

This is just an add-on of politicization, given the general inequality and disharmony of the parties, the formality and nationalization of Sino-Russian relations of comprehensive strategic cooperation and partnership even in the new era, which is primarily due to the economic underdevelopment of relations between the Russian Federation and China.

Keywords: China, PRC, Russia, RF, international relations, world economy, foreign economic activity, foreign investment legislation, harmonization, unification.

Kamennov P.B.

Ph.D. (Political Science), Leading Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
E-mail: pavelkamennov@rambler.ru

CHINA'S MILITARY POLICY IN THE NEW ERA

Abstract. The article considers the military policy of the People's Republic of China at the beginning of the XXI century, its orientation, international and domestic political aspects. The author notes that, according to Beijing's estimates, the world today is increasingly becoming multipolar; development and mutually beneficial cooperation remain irreversible trends. The security situation in the Asia-Pacific region as a whole remains stable; for the countries of the region, the resolution of disagreements and disputes through dialogue and consultations has become the preferred policy option. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is expanding cooperation in the field of security. Along with this, there is an increase in uncertainty factors in connection with the manifestations of the US policy from a position of strength. China's serious concern was caused by the conclusion in September 2021 the Agreement on the defense partnership between Australia, Great Britain and the United States (AUKUS), as well as the summit of the quadrilateral security dialogue between the United States, Australia, Japan and India (QUAD) held in September 2021, which, according to most analysts, have an anti-Chinese and anti-Russian orientation. Taiwan separatism and external separatist forces — for the “independence of Tibet” and for the creation of “East Turkestan” — pose a threat to China's national security. The article shows the defensive nature of China's military policy, its desire to solve international and regional security problems by peaceful means, its contribution to the transformation of the Asia-Pacific region into a stable part of the global landscape.

The CPC continues to play a key role in military policy. At the XVIII Congress of the CPC (November 2012), the tasks of modernizing China's defense potential were supplemented with an installation to create armed forces corresponding to the increased international status of the PRC, with the aim of implementing which, at the initiative of Xi Jinping, a new military reform was carried out from 2015 to 2020, including improving the structure and reducing the number of personnel of the armed forces. An important result of the reform was the expansion of the powers of the Central Military Council (CMC) of the PRC and its President Xi Jinping. The author's field of view is the deepening of Russian-Chinese military and military-technical cooperation at the present stage.

Keywords: China, AUKUS, QUAD, military policy, Taiwanese separatism, external separatist forces, military reform.

Savinsky S.P.

Ph.D. (Economics), Senior Researcher, Center for International Finance,
Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
E-mail: sav2285@yandex.ru

REGULATION OF CROSS-BORDER OPERATIONS IN CHINA

Abstract. The article is devoted to the study of the development of regulation and control of cross-border foreign exchange transactions in the PRC, both in terms of current and capital items. The analysis of the main current restrictions on cross-border currency transactions on current and capital items was carried out. The current system of qualified institutional investors in the PRC, as well as China's success in the internationalization of the national currency, the yuan, are considered.

The article also discusses the trends in conjugation of the Chinese and Hong Kong stock exchanges, as well as other world stock exchanges, considers the main channels for using accumulated foreign exchange reserves, and identifies the main factors influencing the outflow of capital from China. This paper describes the main state bodies for monitoring cross-border foreign exchange transactions in the country, the latest fundamental changes in the system for monitoring current transactions in the PRC, as well as the main directions for the development of control and regulatory functions in the field of cross-border Internet trading and payment platforms serving them.

One of the main points of the study in the article is the digitalization of the system of control and regulation of Internet operations, the creation of favorable conditions for business development in this area. At the same time, the article also notes the existing problems in the system of currency control in the PRC, unresolved issues in combating money laundering, and how the country's leadership seeks to resolve pressing issues in this area.

Keywords: China, PRC, control and regulation of foreign exchange transactions, current and capital foreign exchange transactions, Internet payment platforms, counteraction to money laundering.

Portyakov V.Ya.

D.Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher,
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
Email: p481nov@mail.ru

INDIAN FORUM ON CHINA IN GOA

Abstract. The consistent development of research on Chinese issues in India has made it one of the leading Sinological powers in the world. In recent years,

major scientific conferences organized in India, including the annual All India Conference of Chinese Studies and the China Forum in Goa, have gained wide international fame. The article analyzes the main reports and discussions of the Fourth Goa Forum, held in December 2021. In our opinion, the materials of the Forum contain many interesting assessments of historical events, domestic and foreign policy of the People's Republic of China.

The forum worked by sessions. The first session of the forum was entitled “National Resurgence: Sustaining authoritarian legitimacy”; the second was devoted to the “competition” of the power-projection in the Indo-Pacific; third, cultural and intellectual traditions; at the fourth session, the goals were analyzed, towards the achievement of which China's developmental Aspirations; the fifth session was titled “Decoding China's regional ambitions”; the seventh session was entitled “CPC at 100”. In the closing session, a few participants made concluding remarks. It should be noted that in identifying and analyzing the most important new aspects in the policy of the PRC, Russian scientists do not lag their foreign colleagues — for example, in studying the growing role of the ruling Communist Party in the country's foreign policy.

Keywords: India, China, CPC, Chinese Studies, Goa Forum, politics, economics, reforms.

Jiang Junjing

Ph.D. student, Faculty of International Relations,
St. Petersburg State University
E-mail: jiangjunjing@yandex.ru

THE IMPACT OF SINO-AMERICAN ECONOMIC RELATIONS ON CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE COVID-19 EPIDEMIC

Abstract. The article examines the impact of Sino-American economic relations, aggravated by the coronacrisis, on the development of the foreign policy of the People's Republic of China. The author analyzes the situation before and after the epidemic, shows which anti-Chinese actions of the United States prompted a comprehensive revision of the forms of bilateral cooperation in the economic sphere and a reduction in interdependence. On the part of America, such instruments of suppression as “trade wars”, accusations of the spread of the COVID-19 pandemic, tougher propaganda in the media, sanctions, and the transfer of production from China were used. On the part of China — the protection of national interests, information security, the strategy of the “community of one destiny” in the context of a pandemic, the search for ways to diversify supplies, changing logistics chains as a response to economic restrictive measures. On the one hand, the aggravation of relations between the two states led to a change in the style of Chinese diplomacy towards the United States to a tougher one. On the other hand, the “soft power” strategy, medical assistance to

countries affected by coronavirus, have created a positive image of China on the world stage.

The author of the article points out the divergences of the actions of the governments of the countries in solving important world issues in the critical conditions of the epidemic. Due to the introduction of lockdowns by many countries and the emerging economic crisis in international trade, China was forced to temporarily postpone the implementation of the “One Belt, One Road” program, replacing it with the “Silk Road of Health”, under which vaccines and medical products were supplied to developing countries. Having demonstrated a clear organization of the fight against the pandemic, the PRC has achieved high results in reducing the mortality of the population. Despite this, the United States skeptically called the Chinese “medical diplomacy” “mask diplomacy”, emphasizing the selfish goals of the PRC.

Thus, the author states that during the epidemic, Sino-American economic relations have deteriorated significantly, but COVID-19 has only become a trigger for the aggravation of the confrontation between China and the United States.

Keywords: Sino-American economic relations, trade wars and values, sanctions, China's foreign policy, COVID-19 epidemic, ASEAN, Trump and Biden administration policy.

Morozova V.S.

D.Sc. (Philosophy), Associate Professor, visiting lecturer,
Department of Asian and African studies, HSE University (Saint Petersburg)
E-mail: vmorozova@hse.ru

Kolpakova T.V.

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor,
Oriental and North American Regional Studies Department,
Transbaikal State University (Chita)
E-mail: tatakvt@mail.ru

THE CULTURAL DIMENSION OF “COMMUNITY OF SHARED FUTURE” CHINESE CONCEPT IN PROJECTIONS OF GLOBAL GOVERNANCE

Abstract. The current stage of world cultural and civilizational development is characterized by the problem of cultural superiority, that is somewhat an attempt to create a unipolar world and that is why in this context the mechanisms of global governance require renewal. Therefore, it is quite fair to place the terms “global governance” and “cultural globalization” in the framework of one semantic dichotomy. Authors examine the phenomenon of modern global governance processes cultural dimension, which for the most part remains outside the field of scientific research. The theoretical part of the work contains an ana-

lysis of the Community of Shared Future for Mankind narrative context as a possible option for updating the global governance system based on the Chinese culture traditional values potential, as well as a comparison of Western and Chinese theories of international relations. At the same time, it is noted that the ethical nature of the latter is a clear advantage. Authors focus on the Chinese researchers' authentic materials analysis, comparing them with the official rhetoric of the Chinese leadership. The practical part of the work contains the results of President of the People's Republic of China Xi Jinping's official speeches content analysis and, in this context, we discuss the value potential of China's traditional culture as a powerful cultural state and its role as an opponent of cultural globalization. A comprehensive analysis of specific cases on the research issue clarifies the essence of the Community of Shared Future for Mankind as a theoretical innovation, allows us to show China's activities to explain it in international political discourse, reveals its detailed cultural and philosophical content, further development prospects in the context of global governance system new framework, and also clarifies Russia's role as a strategic partner of China in this direction.

Keywords: international cooperation, cultural and civilizational crisis, cultural globalization, global governance, China's foreign policy, Community of Shared Future for Mankind.

Cai Ying

Ph.D. student, Department of Russian History and Special Historical Disciplines,
Blagoveschensk State Pedagogical University
E-mail: mnina66@yandex.ru

COOPERATION OF THE AMUR REGION AND HEILONGJIANG PROVINCE ON THE DEVELOPMENT OF NAVIGATION ON THE AMUR

Abstract. The article using the chronological principle of presentation, examines the history of the shipping companies of Russia and China, carrying out river transportation on the Amur River, as part of the development of Russian-Chinese relations and the settlement of the state political and economic system, highlights the cooperation between the two countries in the Amur river system, analyzes the role cooperation between the state enterprises of river transport of the two countries on the Amur. The interdependence and complementarity of the activities of the Amur river transport in the Russian Far East and Chinese companies in the Northeast of China and the socio-economic conditions of the regions are shown. Within the framework of the Eurasian Union strategy (Russia) and the One Belt, One Road concept (China), the Amur river transport is looking for its own development path, based on its characteristics and in the context of implementing the strategy for developing trade between

the two countries and integrating large-scale transportation and logistics in Far East.

Keywords: China, PRC, Amur river transport, shipping company, Russian Far East, Northeast China.

Merkulov K.K.

D.Sc. (Economics), Ph.D. (History),

Active Member of the Academy of Problems of Diplomatic Sciences and International Relations, Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

E-mail: katenariy@gmail.com

ON THE WORLD-HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE CCP 100th ANNIVERSARY: REVIEW OF SOME MOST IMPORTANT ASPECTS ON THE MATERIALS OF THE MEDIA

Abstract. This information and analytical review (based on publications in the media) is devoted to the study of the world-historical significance of the 100th anniversary of the Chinese Communist Party (CCP). In his comprehensive theoretical-methodological, scientific-methodological and scientific-practical approach to the systemic-synergetic analysis — synthesis — forecasting of this issue, the author a priori focuses on the historical and philosophical principle “the big is seen only at a distance”. The special significance of this approach to the content of historical research was repeatedly pointed out, in particular, by Academician S.L. Tikhvinsky (1918—2018).

According to the form of the study, the variant of the “information and analytical review” was chosen by the author for a number of reasons, incl. modestly avoiding accusations of “interfering in the internal affairs” of the sovereign CCP. By its structure, the review includes a thesis description of a number of scientific sources and literature on this topic, published in the PRC, in this country and abroad. In conclusion, an attempt is made to creatively develop several postulates of Marxism, incl. in terms of patterns and prospects for the onset of a new epoch in world history “after communism.” In general, the review is strictly scientific in nature (with references to primary sources along with theoretical “thoughts out loud”) and is devoid of “politicking”, etc.

This review is a “minimum program” in comparison with the author's more fundamental research on this topic, in which he examines in more detail the options for transforming the ideological platform of the CPC and the fate of the communist movement in China and in the world in a systematic-synergetic study, bearing in mind that earlier in other research works the author, together with the founders and honorary leaders of the All-People's Union of the Good-lightlove (established on April 29, 1999 AD as the Good International) professors Katenariy A. Merkulov (1924—1999) and Eleonora A. Merkulova (1933—

2017), has already formulated the project of the ideology of true good as a likely conceptual guide for the new strategy and tactics of the world communist and workers' movement (WCWM) and other advanced forces of earthly society.

Keywords: China, PRC, CPC, world-historical significance of the 100th anniversary of the CPC, Marxism, the epoch of world history “after communism”, ideology of true good.

Nezhdanov V.L.

Master of International Relations, Assistant, Department of History and World Politics, Tyumen State University;

Applicant, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of Russia

E-mail: vn1993@yandex.ru

FEATURES OF THE VOCABULARY OF «XI JINPING THOUGHT ON SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS FOR A NEW ERA» IN RELATION TO FOREIGN POLICY

Abstract. The article is devoted to the study of the vocabulary of «Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era». The main concepts and neologisms as well as the interdependence and hierarchy of the components that make up the «Xi Jinping Thought» are considered. The system of the «Xi Jinping Thought» creates a dependence of concepts related to the field of the foreign policy and domestic political concepts. The main source of «Xi Jinping Thought» are speeches, comments and articles by the current President of the People's Republic of China and the General Secretary of the CPC.

«Xi Jinping Thought» takes into account the party and state concepts proposed by previous generations of leaders and acts as an intellectual development of the approaches laid down in the framework of the reform and opening up policy. The author comes to the conclusion that the concepts of «Xi Jinping Thought» are aimed at providing better theoretical support for public administration at the present stage and creating an updated state ideology that meets modern goals and objectives.

Keywords: China, PRC, CPC, «Xi Jinping Thought», foreign policy, governance.

Список авторов

Баженова Елена Степановна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: bazhenova-elena@yandex.ru

Бородич Владимир Федорович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: borodich@rambler.ru

Гулева Мария Александровна — кандидат экономических наук, доцент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: guleva.m@gmail.com

Гурулева Татьяна Леонидовна — доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: gurulevatatiana@mail.ru

Жилкибаев Санат Нурболович — аспирант департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ.

E-mail: prozrach@mail.ru

Зайцева Татьяна Романовна — преподаватель Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ.

E-mail: tatanazaytseva888@mail.ru

Зиганшин Ринат Махматович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: rinatzigan@mail.ru

Каменнов Павел Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: pavelkamennov@rambler.ru

Колпакова Татьяна Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: tataktiv@mail.ru

Кондрашова Людмила Ивановна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: lu270133@yandex.ru

Кучинская Татьяна Николаевна — доктор философских наук, кандидат политических наук, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита).

E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Меркулов Катенарий Катенарьевич — доктор экономических наук (МАН Сан-Марино), кандидат исторических наук (МГИМО МИД СССР), действительный член Академии проблем дипломатических наук и международных отношений (1998), старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: katenariy@gmail.com

Морозова Валентина Сергеевна — доктор философских наук, доцент, приглашенный преподаватель департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: vmorozova@hse.ru

Нежданов Владимир Львович — магистр международных отношений, ассистент кафедры истории и мировой политики Тюменского государственного университета; соискатель Дипломатической академии МИД России.

E-mail: vn1993@yandex.ru

Новоселова Любовь Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: novoselova@iccasas.ru

Пиковер Александр Владимирович — старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: pikover@mail.ru

Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: p481nov@mail.ru

Савинский Сергей Петрович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра международных финансов Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации.

E-mail: sav2285@yandex.ru

Тимофеев Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

E-mail: timooa@mail.ru

Цай Ин — аспирант кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета.

E-mail: mnina66@yandex.ru

Цзян Цзюньцзин — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: jiangjunjing@yandex.ru

Чубаров Илья Георгиевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН.

E-mail: ichubarov@iccaras.ru

Шарипов Фанис Фалихович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международного производственного бизнеса Государственного университета управления.

E-mail: fanissh@rambler.ru

Научное издание

Китай в год проведения XX съезда КПК

Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции
«Современное китайское государство»

Москва, 16 и 18 марта 2022 года

Выпускающий редактор *Е.В. Беллина*

Редактор/корректор *Н.И. Иванова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 07.12.2022. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 16,8.

Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

АО «Т8 Издательские технологии»

109548, Москва, Волгоградский пр-т, 42, корпус 5